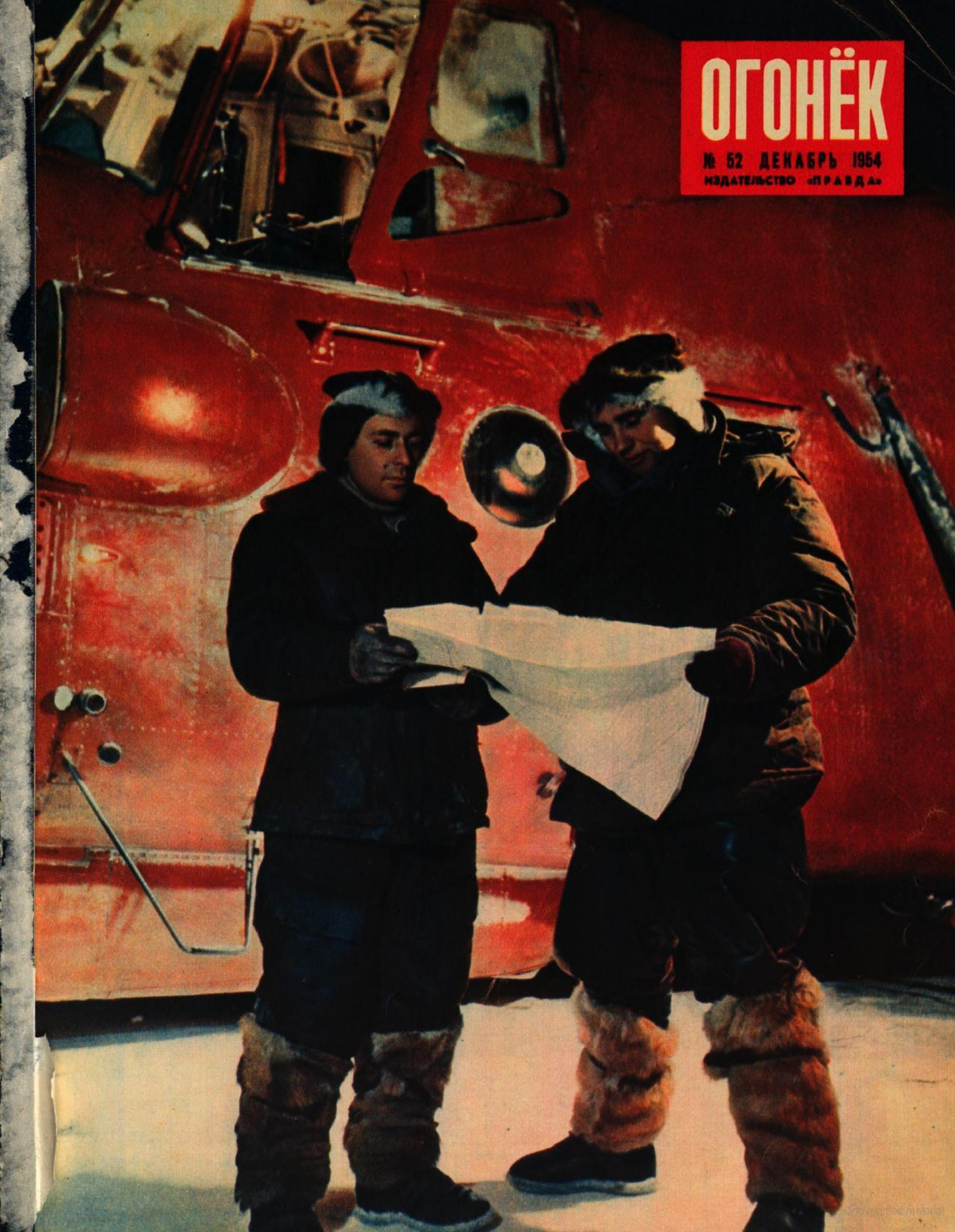

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. Недалеко от юймыньских нефтяных месторождений работает бригада девушек-топографов. На снимке: члены бригады Ли Лен-лин (слева) и Чин Лян-чжин (см. в номере «Ланьчжоу — Алма-Ата»).

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Дрейфующая научно-исследовательская станция «Северный полюс-3». Начальник станции А. Ф. Трешников (справа) и летчик вертолета Алексей Бабенко.

Фото Я. Рюмкина.

ОГОНЁК № 52 (1437) 26 ДЕКАБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРИСУЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1954 ГОД

Деннис Ноэль Притт.

11, 14 и 18 декабря в Москве под председательством академика Д. В. Скобельцына состоялись заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами». Комитет рассмотрел предложения о присуждении международных Сталинских премий за текущий год и принял решение по этому вопросу.

За выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира присуждены международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами»: Деннису Ноэлю Притту — юристу (Англия); Алену Ле Леапу — генеральному секретарю Всеобщей конфедерации труда (Франция); Такин Кодо Хмаингу — писателю (Бирма); Бертольду Брехту — поэту и драматургу (Германия); Феликсу Иверсену — профессору университета в городе Хельсинки (Финляндия); Андрэ Боннару — профессору Лозаннского университета (Швейцария); Бальдомеро Санин Кано — профессору, почетному доктору Эдинбургского и Боготинского университетов (Колумбия); Прийоно — профессору, декану литературного факультета Государственного университета в Джакарте (Индонезия); Николасу Гильену — поэту (Куба).

Ален Ле Леап.

Такин Кодо Хмаинг.

Бертольд Брехт.

Феликс Иверсен.

Андрэ Боннар.

Бальдомеро Санин Кано

Прийоно.

Николас Гильен.

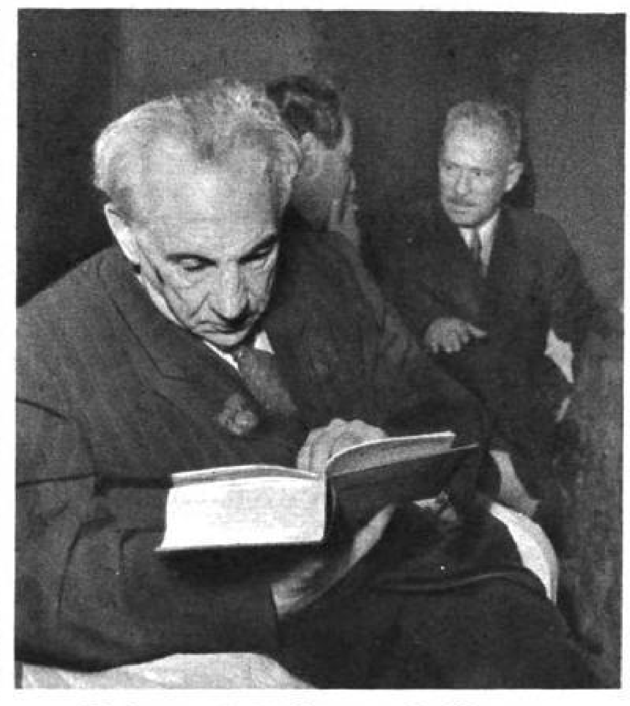
ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД

На истекшей неделе в Колонном зале Дома союзов проходили заседания Второго Всесоюзного съезда советских писателей.

Публикуемые фотографии сняты во время работы съезда.

Фото Я. Рюмкина и Е. Тиханова.

Ф. Гладков и П. Антокольский.



М. Рыльский, В. Катаев и М. Шолохов.

П. Тычина и С. Крыжанивский.

И. Абашидзе (Грузия), В. Лацис (Латвия) и С. Михалков.

Министр культуры СССР Г. Александров беседует с индийским писателем А. Аббасом.

С. Мауленов и А. Сарсенбаев (Казахстан), Х. Намсараев (Бурят-Монголия) и Г. Севунц (Армения).

Чешская писательница Мария Майерова с писателями Китая Чэнь Бин-и и Дин Лин.

Чешский писатель Ян Дрда и Мирзо Турсун-заде (Таджикистан).

Жоржи Амаду (Бразилия), Жан Лаффит (Франция) и Анна Зегерс (ГДР).

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

У сатирической стенной газеты «Взирая на лица».

С. Маршак беседует с поэтами — делегатами съезда. Слева направо: Х. Берулава (Грузия), С. Капутикян (Армения), С. Маршак, П. Хузангай (Чувашия), К. Ваншенкин и С. Орлов.

Пионеры Москвы приветствуют съезд писателей.

ЗВЕЗДЫ

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки П. Караченцова.

На двенадцатый день уборки над районом с утра прошумел короткий освежающий дождь с ветром и положил те хлеба, что устояли после бедовых июньских дождей. Теперь нескошенная пшеница лежала вся, лежала бедственно, уронив наземь колосья, а плодовитейшая земля как бы обрадовалась, что поспевший хлеб не сосет больше влаги, и всеми силами погнала в рост сорные травы. Невесть откуда взявшиеся буркуны, сурепки, молочаи буйно полезли в гору, грозя затопить обессилевшие хлеба. Район запаздывал. Комбайны вязли в полегшем, схваченном сорной прозеленью хлебе. По сводкам только Игнат Бондарь — единственный в районе Герой — перевалил на четвертую сотню гектаров.

В полдень накоротке собрался пленум райкома. Решили один вопрос: Корнея Слепченко освободили от обязанностей первого секретаря и избрали секретарем Павла Столярова. Час спустя в том же зале сошелся пленум райсовета и по предложению Столярова выбрал Корнея Слепченко председателем исполкома.

Люди тут же окрестили эту быструю операцию «подсадкой» и разошлись обрадованные и озадаченные: краевое руководство решилось на «подсадку» в разгар страды, значит, плохи были дела. И еще говорили, расходясь, что «подсадка» солидная. Павел Столяров — человек известный, шесть лет секретарствовал в Предгорном районе, и туда, в Предгорную, со всего края и из дальних мест ездили ходоки за новинками...

А вечером Павел Столяров и Корней Слепченко выехали в степь торжественно поздравить Игната Бондаря с триста первым гектаром.

Дорогой молчали, погруженные в раздумье. Шофер все поглядывал в зеркальце на обоих пассажиров. Столяров — густо веснушчатый, со светлыми, точно приклеенными комочками бровей, был невысокого, даже низкого роста, и когда он днем вошел в зал, то сразу потерялся в толпе. А когда в гудящую толпу вошел Корней Слепченко — крупный, осанистый, с проседью в темных волосах, — все расступились, смолкли.

Машина ходко шла по грейдеру мимо подернутых пыльной наволочью полей, мимо комбайнов, токов, ферм, станов, и Столяров, с беспокойством вглядываясь в незнакомые картины равнинного района, думал, что он уже ответчик за все это: и за людей, и за поля, и за станы, и за фермы. Он ответчик, а район, может, еще не одну неделю будет ползти по-вчерашнему, как тяжелый воз, что всеми четырьмя колесами осел в глубокие колеи и никак не может вырваться из них, хотя уже и подпряжены свежие кони...

В зеркальце Столяров перехватил угрюмоватый взгляд Слепченко.

Столяров знал Корнея, встречался с ним в крае и считал его человеком дельным, осмотрительным. Из первых бесед с людьми Столяров заключил, что Слепченко не кабинетный работник, что он знает землю, машины, дока в хозяйстве, да и не рутинер: быстро подхватывал новшества... Словом, всем как будто взял человек, но дело-то, дело хромало на все четыре ноги. «В чем же твоя слабинка? — думал Столяров, сочувственно поглядывая в темные усталые глаза Корнея. — В чем?»

А Слепченко, в упор уставившись в крепкую шею Столярова, с горечью размышлял о несправедливости людской... Ну чем, спрашивается, Павел Столяров сильнее его, Корнея Слепченко? Чем? Тем, что он преуспел в Предгорной? Да надо еще вдуматься, преуспел ли. «Небось, сделает на копейку, а расшумится на рубль», — бередил себя Корней предположениями, вспоминая столяровские затеи: выставки, ярмарки, смотры, слеты, экскурсии за умом-разумом за тридевять земель.

Он покосился на радиоприемник, который они везли Игнату в подарок, и с обидой решил, что в этом «шуме-громе» он не отстал от Столярова. Были у него, у Корнея, и слеты и смотры. И героев, хотя и поменьше, чем в Предгорной, но и героев было вполне достаточно для торжественных случаев...

«Да разве же в этом дело! — шевельнулся Корней. — Смотры, слеты!.. Вот если б комбайнов подкинули району вдосталь!.. Конечно, теперь Столярову, как новичку, пожалуй, подкинут машин из совхозов — и уборка пойдет веселее».

— Эх! — не выдержав, крякнул Корней и грузно повернулся на сиденье.

— Ты что? — обернулся Столяров.

— Задумался, — отвел Слепченко глаза. — Мне, Павел Иваныч, когда в задумчивость прихожу, «Победа» не помощница. Быстро бегает. На линейке езжу. Думать вольней...

— Что вольней, то вольней, — согласился Столяров. — Пешком еще вольней. Да просторы...

...Игната они застали готовым к торжеству. Суховатый, туго подпоясанный, в новом комбинезоне с Золотой Звездой над карманом, Игнат, свирепо вцепившись в штурвал комбайна, застыл в картинной позе, а напротив него, на сиденье трактора, балансировал верткий фотограф.

— Му-учают! — весело зашумел Игнат, заметив Столярова и Слепченко.

— Терпи, Бондарь! — крикнул Корней. — Терпи! То на пользу!

— Терза-ают! — пожаловался Игнат и, отмахнувшись от фотографа, сбежал вниз.

Тракторист повернул фару, осветил приезжих.

Столяров нагнулся, провел рукой по низкой, с парикмахерским тщанием скошенной стерне, похвалил:

— Молодец! Как низко режет! Тут же влежку лежала пшеница! А он ее снял!..

— Мастер! — кивнул Слепченко. — На него всех ориентируем...

Столяров заметил неподалеку рассеченную косой перепелку, дотянулся, достал теплое трепещущее тельце пичуги, осторожно, чтобы не окровяниться, поднес к глазам.

— Не рассчитала, — вздохнул он и спросил подошедшего Игната: — Что? Не привыкли перепела к низкому срезу?

— Не в курсе рационализации! — усмехнулся Игнат. — Тут ночью гадюке отсекли голову... Все сплошь стрижем! А ну погодите...— Он присел, всмотрелся в помутневшую степь, сказал недовольно: — Великомученик подломался! Сигналы подает...

Столяров тоже присел, приложил ладонь к бровям.

— Что за великомученик?

— Великомученик? — Игнат взял из рук Столярова еще не остывшую перепелку, с силой отшвырнул ее, обтер ладони, пояснил: — Старичишка тут косит... Не поймешь, в чем душа. Семь раз инвалид. И машиненка вся на бечевочках... Нет, косит... Мучает и себя и семейство. А вы и на него план даете! — строго глянул он на Корнея.

— Ну, ну! — насупился Корней. — Что же, одним героям план давать? Подтягивай товарища. Опыта ему подкинь...

— Опыта?! — сплюнул Игнат. — Во что там класть опыт? Ему, старичишке тому, давно надо на печи лежать... Держат рухлядь! Опыт! Этот великомученик еще дядьку моего учил комбайны водить, а дядько шесть лет в могиле...

Он стоял избоченившись, и Столяров, невольно любуясь ладной фигурой хлопца, прикинул, что этот Игнат — находка для фотографов. В лице его, хищноватом, тонком — нос крупный, горбатый, подбородок вздернут к сухим губам,— было столько невыбродившей силы и лихости, что по одной карточке можно судить, чтó Игнат за человек.

— Плетется! — заметил Игнат, прислушиваясь.

В самом деле послышались шаги, и на свет шагнула фигура в поношенном ватнике. Размотала, откинула платок, и на мужчин глянуло немолодое женское лицо, худое, остроносое, в оспинках, с заметной щербатиной во рту.

— Подломались, Андреевна? — спросил Игнат.

— Шестеренка! — женщина выпростала из длинных рукавов руки, достала из кармана обломки шестерни. Крупичатым изломом сверкнул чугун. — Не найдется? — спросила она виновато.

— Видишь, Андреевна, — прищурился Игнат, разглядывая остатки шестерни,— сказать тебе, что не найдется, так твой Трофимыч тому не даст веры, бо знает, что Игнат Бондарь без запаса не живет. Найдется! А не дам! Бачишь? — он кивнул на маячившего неподалеку фотографа. — Бачишь? — указал он на Слепченко и Столярова. — Политику делают моим комбайном. На район!

— Да, политика, — вздохнула женщина. — То я понимаю... Политика...

Столяров строго глянул на Игната, но тут же решил, что скупость парня извинительна: если еще и Бондарь «подломается», погаснет единственная звезда района.

— Ладно, — выручил Слепченко. — Отдай ей, Игнат, шестеренку, я тебе подкину утречком. Отдай...

Они подождали, пока подошел комбайн. Игнат махнул трактористу, остановил его. Женщина обошла нарядную, залитую светом машину, сказала завистливо:

— Новенькая у вас, Игнат Васильевич!..

— И мы не старенькие!

— Хорошая!

— И у вас была бы такая же! — учительно сказал Игнат. — Пять раз вашу надо было списать. И начальство не против. Кто вам виноватый? Великомученики!

— Никто не виноватый! — потупилась жен-

щина и спросила: — А на прошлогодней вашей Гришка косит?

— Гришка.

— А на позапрошлогодней? Петро?

— Петро.

— Счастливые вы!..

— Это счастье, Андреевна, у каждого под мозолями лежит. Понятно? — важно сказал Игнат и добавил негромко: — Счастливый-то счастливый, а дочку за меня не отдала...

— То ее воля, — сдержанно сказала женщина. — Ее, Раисы...

— Вашего роду! — сказал Игнат значительно и подал завернутую в бумагу шестерню. — На! Пользуйтесь! Да скажи Трофимычу: пускай не убивается... Не докосит своей загонки — я помогу. Я хату ставлю, мне грошей много надо...

— Ну-ну! — оборвал его Корней. — Передай комбайнеру, тетка, чтоб не ждал буксиров. Пусть на план жмет. Ты кто у него? Штурвальная?

— Жинка я у него.

— Жинка? — Корней вскинул голову, любопытство на миг осветило глаза. — Жинка? Ишь ты!.. Ну вот что, жинка, — деловито заговорил Корней, — ты жми на старика! Жми, жми! План давайте!

Женщина встрепенулась, проворно спрятала шестеренку, строго-осуждающе глянула на мужчин. Столярову показалось, что она хочет что-то сказать, может, пожаловаться, может, выругаться. Но она, помолчав минуту, резко, наотмашь, махнула рукой и только выдавила злое, презрительное:

— Эх, вы!..

И скрылась в степи.

— Что это она? — встревожился Столяров, вслушиваясь в быстрые удаляющиеся шаги женщины.

— Завидки взяли на Игната, — спокойно объяснил Корней. — Тут так повелось: как выбьется человек в гору, так все и косятся. Завидущий район, ревнивый!.. Черт те что!.. Казачество! Ничего, злее в работе будут! — заключил он и обернулся к Игнату. — Ты только не задавайся, герой!

— Я свое знаю, — с достоинством ответил Игнат. — Мое дело — косить.

— Ну, то-то! — кивнул Корней и сказал Столярову: — Пора, Павел Иваныч! Люди, наверно, съехались... Весь район будет слушать! — поднял он палец. — Радистам команда подана...

...Все было, как положено... Игнату поднесли подарок, и он сказал речь. И Слепченко сказал речь. Уверенный, что его слушает весь район, Корней, шурша перед микрофоном бумагами, выкрикивал:

— Тринадцатая бригада! Где темпы? Кожухов! Ты чуешь меня, Кожухов? Почему отстаешь?

И, отвлекшись от микрофона, трижды обрушивался на бригадира Степана Галабурду, сидевшего напротив.

— Ты мне смотри, друг! — грозил он ему пальцем. — К Бондарю на стажировку поставлю. Чуешь?

А Галабурда, небольшой круглолицый казак, по-петушиному всплескивал руками, как крыльями, и оборонялся:

— Да Корней Тихонович! Да боже ж мой!.. Да за что?!

Отчитав людей, Корней отложил бумаги, откашлялся и спокойно, внятно, дельно стал объяснять, как надо косить полегшую пшеницу. И, странная вещь, Столярову показалось, что выкрикивал: «Почему отстаешь?» — один человек, неумный, грубый, которому больше нечего сказать людям, а о пшенице, о сегментах и косах заговорил другой человек, мудрый, дальновидный, заботливый... Столяров взглянул на комбайнеров и бригадиров. Их съехалось немного. Усталые, пыльные, в масле, с воспаленными от половы глазами, они сидели на земле все в одной позе, обняв руками колени. И по притухшим взглядам, по постным лицам угадал Столяров, что люди томятся, ждут, когда все это кончится, а на Игната, приметил он, косятся, как на чужого...

Слепченко закрыл собрание и позвал бригадиров в вагончик толковать о запасных частях. Столяров вышел из-под навеса, подошел к Галабурде, опустился рядом на бревно и спросил участливо:

— Тяжеленько?

— Ох, тяжеленько! — Галабурда мотнул головой.

Поговорили о том, как трудна эта страда, столкнулись папиросами над зажженной спичкой, и Столяров, глядя в желтоватые, узкие, с хитрецой глаза Галабурды, сказал:

— А Игната не любите...

— Почему? — громко возразил Галабурда, но сторожко оглянулся и, не заметив никого поблизости, признался: — Нелюбимый.

— Плох?

— Игнат! — ахнул Галабурда. — Игнат плох?! Да лучший же косарь!.. Да такого хлопца!.. Такого хлопца!.. Э, что там говорить! Такого хлопца... Да боже ж мой! Нет в районе другого такого хлопца... Один! Зиму — весну слоняется квелый, сонный, хоть молоко на нем вози... А подойдет хлеб, выкинут команду: «Хлопцы! По загонам!» — он как врубится... И рубит и рубит, день и ночь, день и ночь, как струна, натянутый... Все горит под рукой... Куда там за ним гнаться? Бешеный! Свою загонку кончит, еще и дружков-соседей обкосит по самые колеса... У-у-у!.. Куда там! А нелюбимый!

— Зазнался?

— Не-ет, — зажмурился Галабурда, — он и до Звезды был такой. Батько его кормил-поил и невестку, жинку игнатову, кормил-поил с дитем, пока Игнат отбывал службу... А Игнат со службы возвернулся, взял раздел, привел понятых, все домашние чашки-ложки пересчитал, поделил на пять кучек, забрал свою долю и досвиданьичка родному батьке не сказал... Нет, нелюбимый! Людей в упор не видит. Старик его тут учил, а он того старика под смех пустил. Такой! Идет передом, бьет всех нас выработкой, а чтоб я к нему на стажировку пошел? Да боже ж мой!..

— А кто любимый?

— Галабурда! — донесся раздраженный голос Корнея.

— Ой, лышенько! — забеспокоился Галабурда. — Оставит Корней Тихонович без полотен...

— Кто любимый? — повторил Столяров.

Галабурда поднялся, указал в темноту:

— Во-он... Бачите зирочку? Чуть-чуть блестит. Ото... — И дробным шагом потрусил к Корнею.

Столяров глянул туда, куда указал бригадир, приметил неяркий красноватый огонек, прикинул: далеченько... Но огонек моргал, звал... Столяров оглянулся на Корнея, согнувшегося над бумагами, одернул гимнастерку и, по привычке степного человека, не опасаясь ям на скошенном поле, зашагал по скользкой стерне...

* * *

Комбайн светился странно, изнутри, и, только подойдя ближе, Столяров догадался, что это человек орудует внутри машины и светит себе фонарем. Дробно постукивал молоток, потом напильник несколько раз прошелся по металлу, послышалась громкая речь. Женщина очень знакомым звонким голосом что-то рассказывала, а из машины ей отвечал глуховатый мужской голос. Столяров наткнулся на копну, опустился на солому, прислушался.

— Корней сказал, чтоб жали, план давали, — рассказывала женщина. — Ты чуешь, батько?

«Великомученики», — понял Столяров, припомнив сердитую комбайнерку. Так вот кто любимый...

— Ты чуешь, батько? — допытывалась женщина. — План давайте...

— Чую! — ответили из комбайна.

Напильник с силой врезался в железо, примолк, раздалось тревожное:

— А ты говоришь: скинули Корнея. Опять он?

— Он председатель.

— А-а-а...

Напильник зашаркал сердито, точно бы отчитывая кого-то.

— А нового бачила?

— Бачила.

— Какой?

— Та лобастенький...

— А-а-а...

Столярову стало жарко, он расстегнул воротник. Вот он и вошел в жизнь этих людей.

Напильник шуршал успокоенно, видно, комбайнер кончал зачищать заклепку. Неподалеку раздались шаги. Кто-то, пригибая стерню, легко скользил по ней подошвами.

— Где тут он? — спросили молодо.

— Раиса! — отозвалась женщина. — Ты, Раиса?

— Я, мамо, — ответил молодой голос, и тотчас же из машины показался свет, очертил две женские фигуры — одну знакомую, в ватнике, а другую молодую — полную, статную.

— Что там дома, Раиса? — спросил мужчина.

— Ой, притомилась!.. От Ивана письмо.

— Ну? — нетерпеливо спросили из комбайна. — Как там?

— Та ничего. Служит.

— Когда явится?

— Про то не пишет.

— А про что?

— Пишет: батько, не отдавайте наш комбайн, еще я на нем покошу.

В машине промолчали. Застучал молоток, быстро, бойко вызванивая.

— А вы все латаете, батько? — спросила молодая. — Может, подсобить?

— Ой, лышенько! — вздохнула пожилая. — Двадцать первый год на одной машине... И каждый день латать... И все пестаемся... Игнат сказал: никто вам не виноватый, что мучаетесь, давно надо списать комбайн, а то вы, как великомученики...

— Как? — усмехнулись в машине. — Великомученики? То истинно... То ж он нам в похвалу...

— Кабы в похвалу! — вздохнула молодая.

В машине молчали.

— Та хай ему грец, комбайну! — с неожиданным ожесточением сказала пожилая. — Пускай списывают, новый дают... На новом Звезду заслужим. Ты чуешь, батько?

— Та чую.

— И рука у тебя пораненная и нога... Хай списывают, все одно спасибо не говорят! Одно знают: план, план... Должен быть конец?

— Ага! — ответили коротко и строго спросили: — Это кто ж тут латал? Ты, Раиса?

— Где? — встрепенулась молодая.

— Под шнеком. По две наклепки в дыру... Эх!

— Я не латала, батько.

— А кто? Иван?

— Я латала, — негромко призналась пожилая. — По две в дыру? То с войны латка...

— С какой войны?! — взволнованно спросили из комбайна. — Я военные твои все поотдирал.

— Видно, не все. То первая. Заклепки из гвоздя?

— Из гвоздя.

— Мои! — вздохнула мать. — То мы с Ванюшкой латали. Я все пальцы пооббивала молотком. А Раиса Лидку нянчила. Ты служил, не знаешь...

В машине что-то заскрежетало.

— Не отдирай, батько! — крикнула пожилая. — Хай память останется.

— А говоришь, списать... — глуховато усмехнулись в комбайне. — Как его спишешь, когда он кругом меченый... Вся жизнь на нем...

Столярову, как и всегда, когда подступало волнение, смертно захотелось курить. Он потянулся, нащупал папиросы, но совладал с собой. У комбайна молчали, видно, охваченные воспоминаниями. Лениво, как бы в задумчи-

вости, постукивал молоток. Наконец пожилая сказала дочери:

— А Игнат за тебя укорял, Раиса... Почему не отдали... Помнит.

— Не надо про то, — попросила дочь.

— А любила? — в голосе матери дрогнула тревожная нотка.

— Ой, не знаю, мамочка...

Снова помолчали. Мать заметила:

— Опять ему Корней подарок привез. Приемник.

— То надо, Катя! — объяснили из машины.

— И сам Игнат хвалился: моим комбайном политику делают.

— И то надо!

— А мы? Не политика? Хотя б спасибо нам...

— От кого спасибо? От Корнея Тихоновича? — усмехнулась дочь. — Дождетесь... «План есть план!» — она так похоже передразнила Корнея, что Столяров не сдержал улыбки.

— Ну, расстрекотались! — начальственно прикрикнули из машины. — Корней — хлопотун. Ишь, какой район на плечах. Много вы понимаете!

— А чего ж он такой смутный, батько? На людей смотрит, как, скажите, они ему все по тыще рублей должны... План, план, план... Другого и слова нет... Ему что Игнат, что Кондрат — нет разницы...

— Такой уродился, — вздохнули в машине. — Что ему люди? — Комбайнер стукнул два раза молотком, добавил: — А так он ничего, Корней... Безвредный...

Столярову стало так совестно, точно это не Корнея, а его самого оценили люди. А у комбайна журчала беседа. Дочь рассказывала:

— Федько Шкаруба что надумал, батько... Хвалился: мы вашу машину на площадь вытянем, а начальство пускай как хочет...

— Это к чему?

— А чтоб все глянули... Двадцать лет, говорит, сохраняете комбайн... Мы, хвалится, посчитали: семьсот тысяч пудов ваш батько намолотил... Чуешь, батько? Семьсот...

Из машины не ответили. Застучал молоток. Потом раздалось негромкое:

— То богато они насчитали... Я думаю: шестьсот от силы...

— По бумагам! — живо возразила дочь.

— Ну разве что по бумагам...

— Сказали: будем твоему батьке Звезду просить, а начальство пускай как хочет...

Отец молчал.

— Звезду! — повторила дочь. — Ты чуешь?

— Не положено, — спокойно ответили из комбайна. — Звезда за сезонную выработку дается... Мало ли что я за двадцать лет намолотил...

— А Федько говорит: мы знаем, что за выработку... А мы в Москву напишем, чтоб Трофимычу вашему за все дали... За всю службу...

— А он, Федько, к тебе в женихи не набивается? — усмехнулись в комбайне.

— Батько! — гневно сказала дочь.

— Не положено! — строго ответили из машины.

— Как не положено?! — выкрикнула мать. — Двадцать лет — не положено? Все комбайнеры от тебя науку приняли — не положено? Семейство все...

— Ключ дайте! — попросили из комбайна. — На четырнадцать...

— Тьфу, бесчувственный! — притопнула ногой мать. — Ему про что, а он ключ...

— Ты, батько, слухай! — подхватила молодая.

— Ладно, звезды! — добродушно усмехнулись в машине. — Ты, Раиса, гукни Панька. Я кончаю, пускай трактор заводит.

Теперь надо было выйти к людям. Столяров вытянул затекшую ногу и вздрогнул, ослепленный. Вывернувшись из-за соседней копны, к комбайну, колыхаясь на бороздах, шла «Победа» и поливала все кругом холодным зеленоватым светом.

— Досватались! — с тревогой сказал комбайнер, вылезая из-под машины. — Начальство...

За комбайном звучно распахнулась дверца, и раздался сердитый голос Корнея Слепченко:

— И тут стоят... Ах, черт!

Он грузно шагал к людям, рассыпая вопросы, жесткие, как иглы:

— Давно стоите?.. Что?.. Горючее?.. Поломка?.. Где водитель?..

Комбайнер, стряхивая с себя полову, шагнул к Корнею, остановился, нагнув голову, как путник, застигнутый в дороге внезапной грозой.

— Степанченко? — строго спросил Корней. — Ты что стоишь, дорогой? Без ножа режешь... План-то...

— Я план тяну, Корней Тихонович, — с достоинством ответил комбайнер.

— Тянешь? Как тянешь? А ну, подверни свет! — обернулся он к шоферу и полез в карман.

Пока Слепченко доставал бумаги и водружал на нос очки, Столяров разглядел «великомученика». Был он еще не дряхл, этот сутулый невысокий человек. Заматеревшая сила угадывалась в округлом, выступавшем из майки плече. Он стоял вполоборота, и Столяров не видел глаз, видел лишь нос, крупный, в таких же оспинках, как у жены, да впалую щеку, да еще короткие, торчком, седые волосы...

— Так, Степанченко, — говорил Корней, вчитываясь в бумагу и не глядя на комбайнера. — А ну, как ты тянешь? Ну-ну... Вы, брат, все у меня на персональном учете, все, как один... Ага, вот оно... Двести шестьдесят... Ишь ты! Ну, неплохо, Степанченко. Только учти, у Бондаря триста...

— Кем вы нас дразните! — вспыхнула пожилая. — Бондарь, Бондарь... А не мы вашего Бондаря образовали?!

— Катя! — прикрикнул комбайнер.

— Ох, ревнущая у тебя жена! — засмеялся Корней. — Может, и вы образовали, милая, а теперь у него же и поучитесь... А как ты думала?

Столярову снова показалось, что это говорит не тот Корней, какого он привык встречать на совещаниях, — толковый и вдумчивый, а другой Корней — неумный, крикливый, грубый, который потому и «нукает» на людей, что не имеет для них других слов...

«Эх, послушать бы тебе, что люди говорят насчет твоих «ну-ну»!» — зло подумал Столяров и, с силой одернув гимнастерку, вышел на свет.

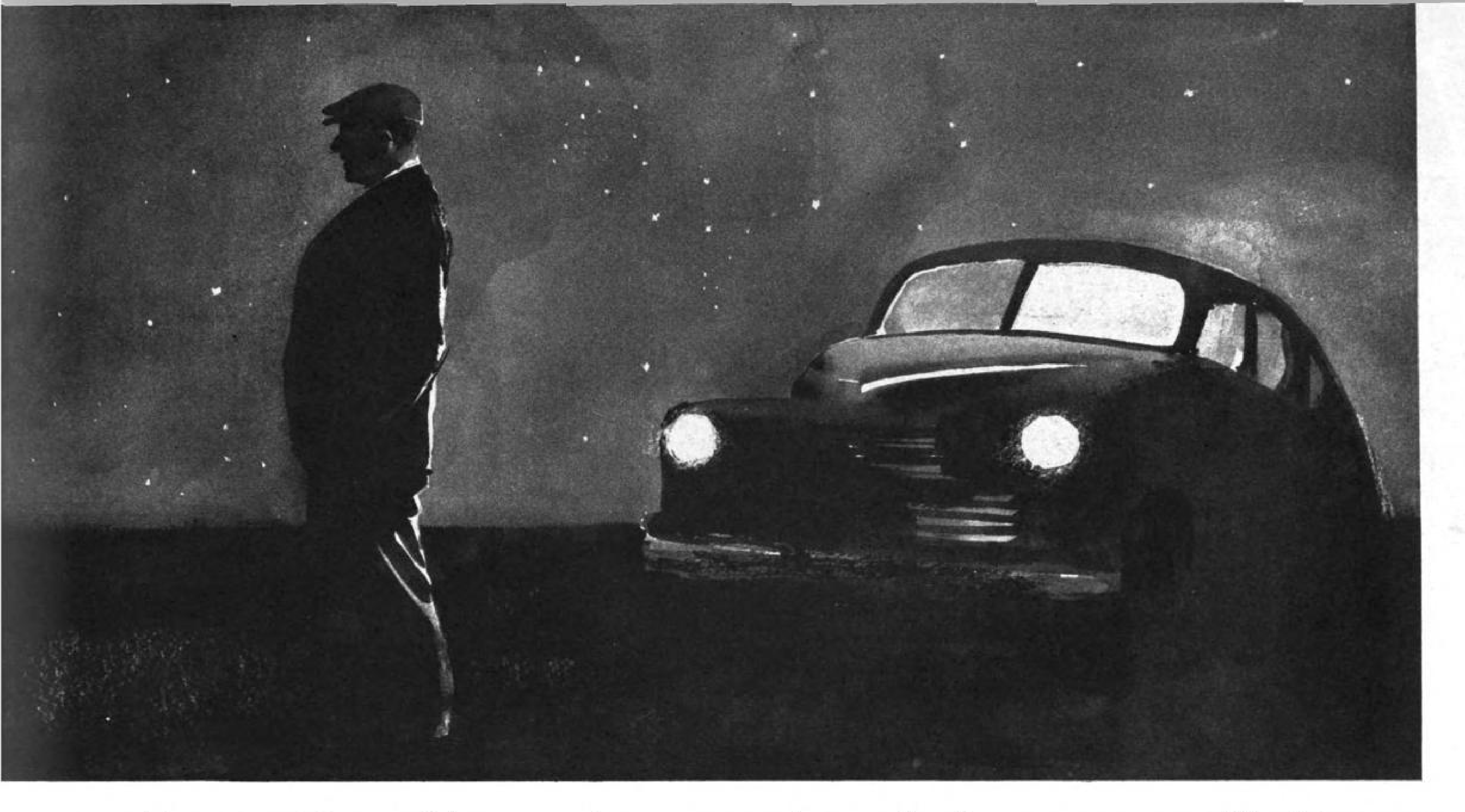
— Ты? — обрадовался Корней. — А мы всю степь обшарили...

* * *

Два часа спустя, подобрав по дороге Галабурду, они возвращались в станицу. Столяров, растроганный разговором со стариком, молчал. Корней сконфуженно посапывал, цедил виновато:

— Признаю, есть наш недосмотр, Павел Иваныч... Надо бы этому Степанченко хоть премию дать за сохранение машины...

— Хоть премию! — Столяров поморщился. — Нет, чествовать будем! Всем районом и широчайше... И Звезду ему попросим... Сколько



он комбайнеров выучил? Восемьдесят? А намолотил? Семьсот тысяч? А в семье у него сколько комбайнеров? Четверо? Вот за все за это... И за терпение!

«Ну, начался шум-гром!» — вздохнул Корней.

— А комбайн — это верно придумано — вытянем на площадь, поставим на помост...

— С латками?

— С латками.

— Ой, добре! — причмокнул Галабурда. — Значит, отметим Трофимыча? Ну, за него и я...

— Тебе только дай! — зыкнул на него Корней. — Тебе хоть за Трофимыча, хоть за Максимыча... Абы гульнуть...

— Не-ет, извиняйте! — обиделся Галабурда. — Когда Игната поздравляли, я ни-ни! Ни росиночки! А за Трофимыча? Да это же...: — Галабурда защелкал пальцами, как бы вылущивая слово, — это же человек! — выкрикнул он. — Человек! Игнат — первый комбайнер, а Трофимыч — первый человек из комбайнеров...

— Поне-ес... — отмахнулся Корней.

— Нет, первый! Игнат, тот двадцать дней в году геройствует, а Трофимыч — день в день. Скажи ему, самому старому комбайнеру: «Илья Трофимыч! Будь ласка, сложи печку в конюшне»,— и сложит, та еще и добре сложит. А гляньте на семейства. У Игната — он комбайнует, а жинка базарюет. А у Трофимыча?.. Та что там говорить!..

— И в безвестности! — раздраженно перебил Столяров.— Такой человек — и в безвестности, да еще под насмешками... А что он от тебя слыхал? «Ну-ну», «жми-жми»?..

— А машина? — Галабурда, почуяв поддержку, оживился, сбросил кубанку. — Что мы, такие бедные, что не могли Трофимычу новую машину дать? Та могли! Мало ли их приходит? Так он же не просит... Ладит и ладит свою двадцатилетнюю. «Такой я, — говорит, — к одному приверженный. Жинка у меня на всю жизнь одна, ну, и машина одна». А Игнат? Ему нового комбайна не дадите — не поедет косить. Каждый сезон — новесенький...

— А ты как думал? — рассердился Слепченко. — Кому давать новую машину? Тому, кто от нее все возьмет!

— Игнат-то возьмет, — кивнул Галабурда. — Но поимейте в виду, Корней Тихонович, когда Игната со Звездой поздравляли, веселья не было.

— А мы и не стремились! — отрезал Корней и метнул быстрый взгляд на Столярова. — Мы без оркестров! Что мне Игнат — сват? Да такой же сват, как и ты... Он мне как фигура нужен, а не как личность. Понял? Мне его опыт взять да другим передать, а так мне с ним не целоваться...

«Что Игнат, что Кондрат», — вспомнил Столяров и подивился: как же метко люди оценили Корнея!

— То воля ваша, — смиренно кивнул Галабурда. — Конечно, как фигура... Как говорится: кому что... Это мне директор в прошлую весну передает по радио: «Послал к тебе, Степан, две фигуры. Враз хлеб выхватят». Выхватили! Расколотили мне машину в пух! А по выработке, заметьте, без малого в фигуры не выскочили...

— Ну-ну! Ты с кем Игната равняешь? Что он — машины бьет?

— Бить не бьет — этого не скажу, не стану грешить на хлопца... Но то-оже, — Столяров уловил в зеркале, как сощурились, растянулись в лукавой усмешке глаза Галабурды, — то-оже от него соблазн идет, от Игната... Он же, я говорю, геройствует месяц в году, когда всякая минута в наградной листочек ложится, а после уборки он не дюже старается. Не-ет, Корней Тихонович, как хотите, может, вам и фигуры требуются, а нам личность давайте... Такую, чтоб я мог и молодым хлопцам на нее показать... Игнат — он чем берет? Лихостью, моторностью, запалом. То не всякому дается. А Трофимыч чем берет? Он же,— как тут поясней? — он приверженностью берет, преданностью... Это любому доступная вещь. Нет, если б Трофимычу Звезду... А то станешь на него показывать хлопцам, а они хоть и не суперечат, а тоже себе прикидывают: а до чего же у нас Трофимыч дослужился? А? Как разумеете, Корней Тихонович?

— Да ты что заладил? — вспылил Корней.— Звезду, Звезду... Что я, Верховный Совет?

Но Галабурду не так легко было унять.

— Пускай он, может, приотстал на тридцать — сорок гектаров, зато человек...

«Вот привязался же! — ругнулся про себя Корней и с опаской глянул на Столярова.— Как репей!» Строго посмотрел на Галабурду:

— Ты куда гнешь, друг? Приотстал... Себя оправдываешь? Нет, любезные, любите — не любите Игната, я вас не приневоливаю, а изволъте к нему тянуться! Попробуй-ка мне его опыт не применить...

— Та применю, применю,— струхнул Галабурда.— Но... — замялся он,— знаете, Корней Тихонович, как оно брать науку из нелюбимых рук? А вот если б вы нас сегодня к Трофимычу свезли, вышло б способней. Там и опыт и душа...

— Душа! — отмахнулся Корней.— Ревнуете вы все к Игнату, так и скажи. А то душа... Ишь, тонкости...

Столярова разозлил Корней, и он с удовольствием вслушивался, как ловко одолевает его доводами въедливый бригадир. «Так тебе, так тебе!»— про себя приговаривал Столяров, но задумался и озабоченно глянул в потемневшее, раздраженное лицо Корнея: «Что с тобой? Ведь не чиновник же ты, честно, не для карьеры служишь людям... Людям служишь, а что ж ты к ним так? Небось, если сядешь за график, так все наизнанку вывернешь, пока не докопаешься до сути... А что ж с людьми этак-то — не мудро? «Завидуете» — и весь приговор?»

В первый день не гоже было затевать спор. Чтобы рассеяться, Столяров опустил стекло, подставил ладонь ветру. Машина шла по-над Кубанью. В пойменных болотцах видный издалека под звездным небом лежал туман. За рекой показались огни адыгейского совхоза, и впереди зажглась красноватая цепочка — районная станица.

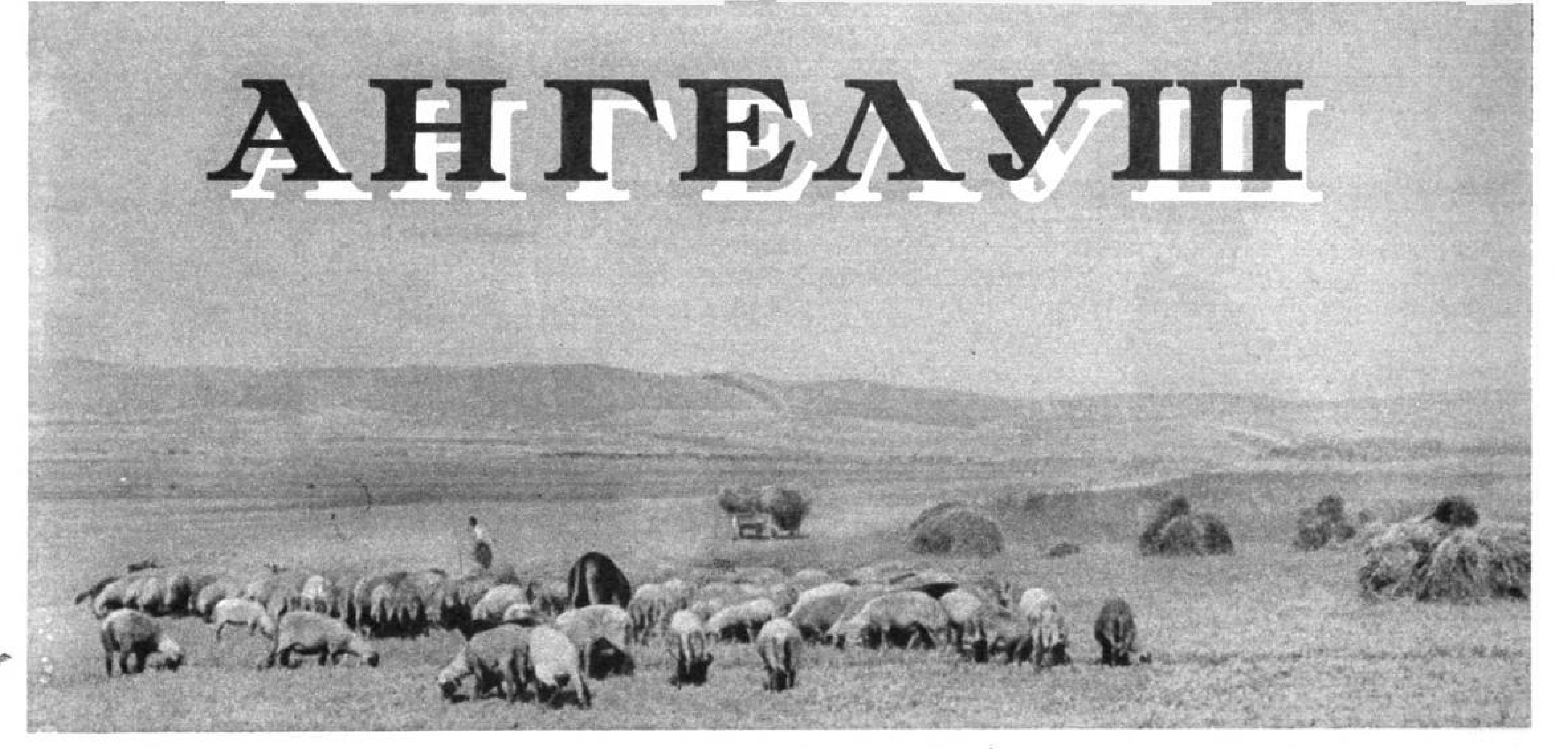
— Ночь глазастая! — сказал Столяров, выглянув из машины.

— Под такими звездами косить добре,— отозвался Галабурда.— Гляньте, их сколько, Корней Тихонович!

— На нефтебазу заедем? — суховато предложил Корней.— Как там с автолом?

— Заедем,— согласился Столяров, прикинув, что и это все с утра падет на плечи: и автол, и сводки, и севообороты, и школы — все, из чего складывается жизнь. Но только б это не заслонило людей! Только б не заслонило!

А Корней Тихонович старался думать о деле — об автоле и еще о том, что надо рыть шахтные колодцы, а не артезианские,— это соображение пришло ему в голову дорогой. Но, тесня эти привычные деловые мысли, гудел в ушах неотвязный вопрос: чем же, чем Павел Столяров сильнее его, Корнея Слепченко? Чем?!



АНГЕЛУШ

З. ХИРЕН

Фото А. НОВИКОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

1

Дорога в Ангелуш мало напоминает другие дороги Румынии. Не встретишь здесь ни крытой цыновкой румынской каруцы, в глубине которой дремлет возвращающийся с базара крестьянин, ни пастуха в длинной, почти до колен, домотканной белой рубахе и в таких же белых узких штанах, ни женщину с огромным кувшином или высокой корзиной на голове. Бросаются в глаза другая одежда, другие обычаи, другие дома: здесь живут большей частью венгры.

Кто бывал в Трансильвании, тот не раз, наверное, изумлялся ее горам, лесам, просторным пастбищам, долинам. Случилось так, что на этих-то благодатных землях, где, казалось бы, людям только и жить счастливо, пожиная плоды своего труда, на протяжении многих десятилетий не остывала жесточайшая, несправедливейшая битва. Румыния — страна многонациональная, рядом с румынами живут пятнадцать других народностей. Где-нибудь в районе Сибиу встретите вы немцев в таких старинных нарядах, которые вряд ли сохранились в самой Германии; на берегах бурной Тиссы услышите те же песни, которые распевают у нас на Полтавщине; в дельте Дуная, среди живописных ериков, найдете вы липован — русских людей, потомков тех сектантов, что были сосланы сюда в далекие времена за свою веру. Живут в Румынии греки, албанцы, татары, болгары, сербы... Но венгров больше других, они составляют чуть ли не десятую часть населения страны. В разные времена все эти народы вместе с румынами отстаивали честь и свободу родины. Вместе с румынами они сражались под знаменами Тудора Владимиреску и Николае Бэлческу. А в феврале 1933 года участвовали в знаменитых революционных боях, начавшихся в железнодорожных мастерских Гривица. И вот против этой вековой дружбы населяющих Румынию народов в годы фашистской диктатуры действовало 400 законов, волчьих расистских законов.

Бухарестские друзья не раз говорили нам, что нельзя понять все новое, что произошло у них в стране, не побывав в Венгерской автономной области, расположенной в сердце Румынии — Трансильвании.

Мы увидели там институты, в которых молодые венгры учатся на родном языке; побывали в венгерских школах и техникумах, в театрах и клубах; познакомились с крупнейшей в стране теплоэлектроцентралью Сынджурджу-де-Пэдуре, которую венгры построили вместе с румынами; разговаривали с крестьянами, рабочими, учеными, художниками. Сейчас в Румынии 77 депутатов Великого Национального Собрания и свыше 17 500 депутатов Народных Советов — представители национальных меньшинств; более чем в 3 200 начальных, семилетних и средних школах преподавание идет на родном языке этих народов.

Здесь мы хотим рассказать об одном из сел Венгерской автономной области, о селе Ангелуш. Оно расположено в двухстах пятидесяти километрах от областного города Тыргу-Муреш. Когда мы подъезжали к Сфынту-Георге — районному центру, куда входит Ангелуш,— попалась нам навстречу толпа венгерских крестьян и крестьянок. Вечер был воскресный, и веселье, начавшееся, должно быть, с обеда или раньше, не утихало.

...Почти прозрачные облака, словно боясь опоздать, торопливо проносились над холмами. С красных черепичных крыш глядели на людей, как где-нибудь на Украине в такой же веселый воскресный сельский вечер, аисты, которых там, у нас, ласково называют «бузьку» или «лелека». Двое деревенских скрипачей, переходя от одной компании к другой, не переставали играть, приглашая всех на танцы. Заглушая смех и громкий говор, неистовствовал чардаш. Еще недавно, всего несколько дней тому назад, мы видели и слушали вот таких же, а может быть, и этих самых, музыкантов и танцоров в Бухаресте, в саду «Арена свободы». Вместе с румынами, немцами, сербами, украинцами выступали и они в концерте художественной самодеятельности перед многотысячной аудиторией, где было немало зарубежных гостей. Сейчас у себя, в селе, музыканты и танцоры выглядели еще задорнее.

И вот мы снова на той же дороге, которую впервые увидели вчера вечером. Сейчас она залита ярким полуденным солнцем. С ближних холмов, потонувших в мареве, спускаются отары овец. Впереди шествует заросший длинной шерстью черный козел с медным колоколом на шее. Неподалеку от него лениво плетется, мотая головой, серый от пыли ослик, видимо, главный гужевой транспорт двух молоденьких пастухов, которые, то сбегая вниз, то вновь карабкаясь наверх, хлопочут возле порученного им стада. Жарко, и овцы не очень-то спешат, часто останавливаются и, уткнувшись мордочками в землю, с жадностью вдыхают прохладу густых трав.

На старшем пастушонке темная фетровая шляпа с опущенными полями, но, видно, поля эти плохо защищают от солнца: мальчик загорел так, что одни зубы белеют. На плече длинный посох, жилет расстегнут, рукава белой сорочки закатаны до локтей, широкие коричневые штаны снизу перевязаны тесемками. Это Болинт Андраш. Лет ему шестнадцать, не больше. Но с помощником, веснушчатым пареньком Фабианом Михаем, он держится довольно строго. Оба они из коллективного хозяйства имени Габора Арона, что в Ангелуше. Старший объясняет, что и поля, раскинувшиеся по обе стороны дороги, и темнеющие вдали сады, и красная башенка,— словом, все, что мы тут видим, принадлежит Ангелушу. Как бы невзначай он добавляет, что, пока они с товарищем пасут овец, там, в Ангелуше, счетовод отщелкивает им на счетах трудодни и что их у него и у семьи теперь столько, что зимой обойдутся и без его заработка, а он собирается поступать в железнодорожный техникум. Почему именно в железнодорожный? На этот вопрос он отвечает не сразу, что-то обдумывает. Но помощнику не терпится, и он выпаливает, густо при том покраснев: «Чтоб кататься бесплатно». Андраш сердится: «Ты бы лучше за овцами глядел, видишь, куда полезли». И правда, несколько овец, перейдя дорогу, устремились к сжатому хлебу. Михай кидает в них комьями земли, и они бегут к отаре.

Пока мы разговаривали, неподалеку остановилась повозка, запряженная парой белых быков, с нее соскочил высокий широколицый мужчина. Ему как раз нужен был Андраш — товарищ его сына, который тоже едет учиться. Его-то сын избрал железнодорожный техникум потому, что и отец был когда-то путевым обходчиком. Впрочем, давно пришлось оставить эту профессию. Должность, казалось бы, простая, особенного образования не требует, так нет же — в старой Румынии каждый год устраивали экзамены по румынскому языку даже для уличных метельщиков.

— Не выдержал я экзамена, и с работы выгнали,— говорит крестьянин.— Теперь у нас и университет и институты, где преподают на венгерском языке, а было прежде так, что даже в самом паршивеньком учреждении на стенках висели таблички: «Здесь разговаривают только по-румынски». Почему вся беднота шла в батраки? Может быть, многим сподручнее было в городе остаться, особенно мастеровым, да вот экзамены эти проклятые... Но это что! Тут вот неподалеку гвардия Маниу еще в 1944 году во дворе школы казнила десятерых венгров, а за что, спрашивается? Венгры — вот и вся причина...

Услышав, что мы собираемся к ним в село, Андраш дает нам в проводники своего помощника.

Рядом с нами шагает Михай. То и дело поглядывает он на поля и, видно, что-то хочет сказать, но не решается. Наконец, густо покраснев, как и в первый раз, он начинает говорить, да так быстро, что переводчик едва за ним поспевает. А вот он слышал, что скоро

В ВЕНГЕРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Фото А. НОВИКОВА.

→ В час обеденного перерыва в огородной бригаде коллективного хозяйства «Гривица Роша» села Сынтана-де-Муреш.

Румын Николай Чизмаш в гостях у венгра Яноша Сентоннои (справа). Коллективное хозяйство «Гривица Роша».

На теплоэлектроцентрали Сынджурджу-де-Пэдуре.

Дорога на Ангелуш.

Воскресенье в селе Селиваш.

хлеб у них в Ангелуше будут собирать не так, как сейчас, снопов вязать не надо будет. От кого же он это слышал? Председатель коллективного хозяйства Криштай Мартон говорил. Говорил, что комбайны придут. Пусть Андраш отправляется на свою железную дорогу, а он, Михай, никуда из Ангелуша не уйдет.

Мы подошли к серому двухэтажному особняку. Михай объявил, что это и есть правление их коллективного хозяйства, и тут же куда-то скрылся. Две женщины в белых платочках, узнав, кто нам нужен, посмотрели на нас с удивлением:

— В такой-то денек будет вам Криштай Мартон в правлении сидеть? Его теперь сюда не заманишь, он все время в поле.

Было жарко, и одна из женщин пригласила нас в дом попить воды. За нами пошла и ее подруга.

— Фасон мне снять надо,—объяснила она,— видите ли, шью своему Ференцу брюки, а модели нет. Первый сын — до этого одни девочки были. Так вот иду к соседке за моделью, а проще сказать, за штанами ее Иожефа.

— А сколько вашему Ференцу?

— Восемь месяцев.

— А Иожефу?

— Пять лет.

Конечно, все смеются: восьмимесячный жених! Но в это время, запыхавшись, влетает наш славный проводник Михай. Оказывается, он все предусмотрел. Еще по дороге разузнал, где председатель, и как только проводил нас к правлению, побежал за ним,— теперь председатель нас ждет.

2

Посреди большой, не очень уютной комнаты стоял круглый, покрытый клетчатой скатертью стол. Поближе к окну — другой, письменный, на пузатых ножках, с зеленым сукном в чернильных кляксах. Было не совсем понятно, откуда взялись кляксы: нигде поблизости— ни бумаг, ни чернильниц, ни других канцелярских принадлежностей. Нас встретил невысокого роста человек в белой сорочке, лет сорока — сорока пяти. Высокий лоб, пристальный взгляд, лицо усталое, озабоченное. Это и был Криштай Мартон.

Похоже было, что он больше настроен слушать, чем рассказывать. Может быть, поэтому разговор начался с шуток:

— Нет, кляксы не колхозные: дом этот принадлежал помещику, ну, после него, наверное, и остался этот стол. Но как только заговорили о коллективном хозяйстве, наш собеседник стал серьезным. Ему хотелось, чтобы мы получили представление о том, кем были прежде жители Ангелуша. Он подчеркнул, что это очень важно. Когда только начинали создавать коллективное хозяйство, многим со стороны казалось, что в Ангелуше-то сразу все запишутся. Почему? У них чуть ли не полсела — бывшие помещичьи слуги и батраки, люди, у которых никогда не было ни кола, ни двора,— сам Криштай Мартон с шестнадцати лет прислуживал помещику вот в этом самом доме, где сейчас правление,— а тут получили землю, стали хозяевами своей судьбы. Многие, как только получили землю, с утра до ночи топтались на ней, обмеряли, щупали,— словом, праздник был большой. Но потом призадумались: где достать семена, инвентарь? Страна после войны еще на ноги не стала, а тут неурожайный 1946 год надвинулся. Люди послабее стали роптать. В селе тогда уже существовала партийная организация, и секретарем ее был Криштай Мартон. Он тоже, как и другие, получил два гектара земли, а что с ними было делать? О земле никто уже не думал. Волновались о детях, нечем было их кормить.

Криштай Мартон как мог старался успокоить народ. Говорил о том, что в Бухаресте партия, правительство, что Ангелуш там не забудут, что и детям помогут.

Вскоре приходит в Ангелуш несколько машин. Их прислали из Бухареста за детьми, поместили детей в санаторий. В это же время в Констанце, в порту, начали разгружать пароходы с советским зерном, потом пришли из Советского же Союза сельскохозяйственные машины. Обо всем этом сообщалось в газетах, и Криштай Мартон старался, чтобы побольше людей узнало о том, как истинные друзья познаются в беде.

И пришел день, когда в Ангелуш привезли зерно, сельскохозяйственный инвентарь. К концу лета дети вернулись окрепшими, веселыми. Люди стали внимательнее прислушиваться к тому, что говорил им Криштай Мартон. И вот он сперва на партийном, потом на общекрестьянском собрании внес предложение создать коллективное хозяйство. Одни соглашались, другие возражали.

— Новый строй наш, в этом мы теперь убедились,— говорили они,— все делается в нашу пользу, но ведь мы не знаем, что такое коллективное хозяйство, не видели.

Тогда-то Криштай Мартон предложил поехать в село Турья, где уже создано было коллективное хозяйство. В первый же вечер после возвращения из Турьи шестнадцать человек записались в коллективное хозяйство, но остальные не торопились. И Криштай Мартон понял, что тут без большой разъяснительной работы ничего не добьешься. Лишь в середине 1950 года было организовано коллективное хозяйство. Председателем избрали Криштая Мартона. Только принялись за работу, а в сентябре его в составе делегации румынских крестьян послали в Советский Союз.

Когда Криштай Мартон начал рассказывать об этой своей поездке, мы очень ясно, почти ощутимо, представили себе, как внимательно этот человек слушал наших колхозников, агрономов, зоотехников, как приглядывался к хозяйству, задавал вопросы, записывал себе в книжечку.

Не раз в Румынии встречали мы таких же людей, как Криштай Мартон, ездивших с крестьянскими делегациями в Советский Союз. Мы уже привыкли к тому, что многие из них, показывая нам свое хозяйство, то и дело называют фамилии известных советских колхозников, чьи методы они применяют сейчас у себя дома.

Так было и в Ангелуше. Вернувшись на родину, Криштай Мартон изменил методы обработки сахарной свеклы, чуть ли не вдвое повысил урожай пшеницы.

Но тут следует заметить, что не сразу ему это удалось. По возвращении он не застал в Ангелуше ни жены, ни детей. Они бежали в Сфынту-Георге. В его отсутствие кулаки напали на дома активистов. Пришлось ему отложить планы и взяться за наведение порядка в селе.

— Каждое дело брали с боя,— говорит председатель,— вот, например, сахарная свекла. Сейчас снимаем с гектара два вагона, а помещики больше вагона никогда не убирали. А ведь началось все с Казахстана!

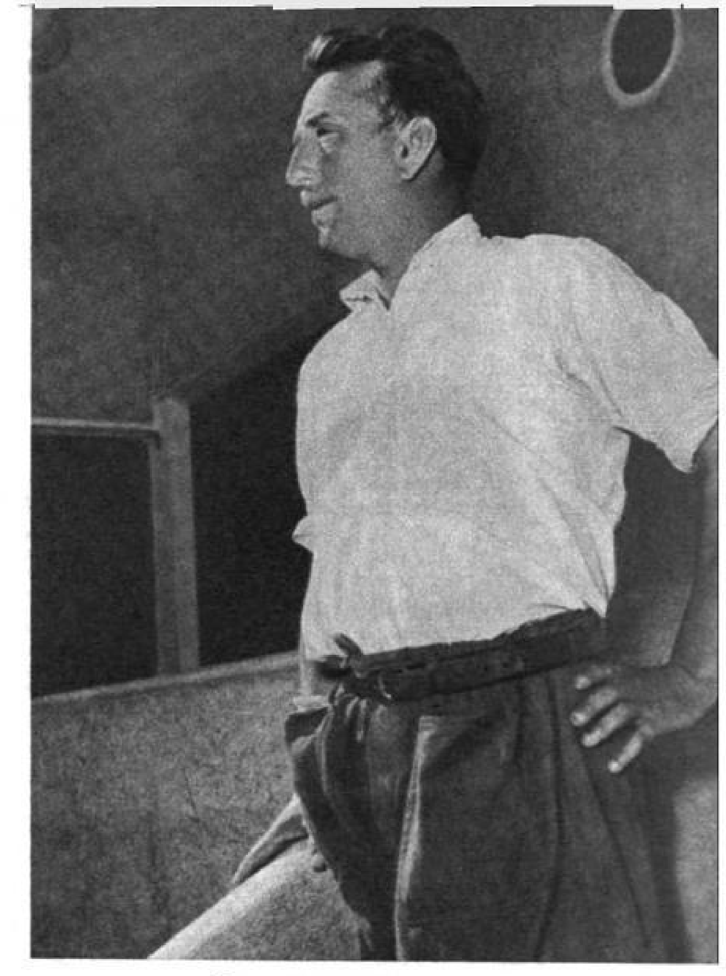
Там, в Казахстане, Криштай Мартон узнал, как ухаживать за свеклой, а когда рассказал товарищам, люди задумались над тем, чтобы и свое внести в это дело. Приходят однажды два бригадира — Вираг Йёжеф и Оле Андраш. Прежде он не замечал, чтобы они дружили. Вираг Йёжеф почти все время в поле, а Оле Андраш у себя в мастерской. А пришли они с предложением, которое подготовили вдвоем. Много времени тратилось на уборку свеклы. Йёжеф посоветовался с Андрашем. Нельзя ли что-нибудь придумать? Андраш, выслушав его, отправился в поле. Вскоре сконструировали приспособление. Теперь с помощью таких приспособлений убирают свеклу не только в Ангелуше, но и в других хозяйствах. Плохо хранился хлеб. Плотники предложили построить трехэтажный амбар.

Люди, у которых еще несколько лет тому назад не было зернышка, чтоб засеять свою землю, сейчас на каждый трудодень получают: два килограмма пшеницы, два килограмма ржи, килограмм ячменя, килограмм овса, пятьсот граммов сахару, шерсть, картофель, сено, солому, люцерну, кроме того, наличные деньги.

Теперь к ним приезжают со всех концов области люди, интересующиеся выращиванием высоких урожаев сахарной свеклы, пшеницы, животноводством.

3

Во всю ширь полей, почти до самых предгорий, сложен в крестцы сжатый хлеб. Крестцов тут, наверно, несколько тысяч, и выстроились они в таком образцовом порядке, словно кто-то предварительно расчертил поля на одинаковые квадраты. Трудно пройти мимо них равнодушно.


Криштай Мартон.

Женщины, встретившиеся нам на пороге правления, были правы. Криштай Мартон не мог усидеть в доме и позвал нас сюда. Оказывается, крестцы-то эти его самого в восторг не приводят. Может быть, это и верно: народ хорошо, дружно поработал, но не в этом сейчас дело. Крестцы, по его мнению, отживают свой век, и не в нынешнем, так в будущем году их совсем не будет на полях Румынии, разве только где-нибудь в глубине Трансильвании еще останутся они, потому что поля там повсюду крошечные, зажаты горами и лесами. Туда комбайну не подняться. Да и делать там ему нечего: комбайнам нужен простор. Криштай Мартон видел, как работают они в Казахстане, есть они уже и в Румынии, будут и в Ангелуше.

Слева, поближе к красной башенке, двое пожилых крестьян старательно обмеряли веревкой готовый стог. Издалека доносился шум движка на току. По дороге один за другим шли возы, запряженные белыми быками. Навстречу, вздымая клубы пыли, пронесся грузовик. Криштай Мартон, подняв руку, остановил его. Он что-то сказал молодым парням, стоявшим в кузове на мешках с зерном нового урожая, и те, поправив флаг, прикрепленный к борту, застучали кулаками в крышу кабины шофера и, крикнув что-то похожее на наше «поехали», вновь укатили.

Криштай Мартон, поглядев им вслед, тихо произнес:

— На этих парней можно надеяться: первыми справились. А есть еще у нас люди, которые больше заняты своими личными делами, есть, есть... Не будь их, мы сделали бы куда больше.

Он рассказывает нам, что по той земле, по которой мы сейчас с ним ходим, в позапрошлом году ходили советские колхозники. Они приехали на семи автомашинах. Целый день провели в Ангелуше. Венгры удивлялись, думали: раз гости приехали, погуляем вместе, повеселимся,— а русские с утра до ночи в поле, стараются все, что знают, передать друзьям.

— Откровенно скажу вам,— тихо произносит председатель,— приезд этих людей для нас имел большое значение. Они многим помогли нам.

Выходим на дорогу. По склонам высоких холмов поднимается отара овец. Позади отары медленно движутся знакомые фигурки двух наших утренних приятелей — Андраша и Михая.

ПОЕДИНОК

Глава из третьей части романа «Открытая книга»

В. КАВЕРИН

Рисунки И. Гринштейна.

Трилогия «Открытая книга» посвящена истории советской женщины — врача и деятеля науки.

В первом романе — «Юность» — рассказывается о детстве и студенческих годах моей героини. Во второй части — «Доктор Власенкова», — охватывающей тридцатые годы, показана работа ученого-микробиолога, связанная со знаменательными открытиями советской медицины. В третьей части — «Поиски и надежды» — я хочу рассказать о «незримом» фронте, на котором, предупреждая болезни, работали деятели нашей микробиологии в годы войны.

Впрочем, наука занимает в жизни моей героини хотя и важное, но далеко не единственное место...

События, описанные в публикуемой главе, относятся к 1943 году. Новый препарат, открытый в лаборатории Татьяной Власенковой, проходит клинические испытания. Удача ученого встречает враждебное отношение со стороны того круга микробиологов, который возглавляет старый противник Власенковой — профессор Крамов.

Не следует думать, что жизнь на планете Земля остановилась в молчаливом ожидании нашего решительного наступления на плесень во всех ее видах и превращениях. Жизнь продолжалась, и даже в моей собственной жизни произошло событие, которое в другое время показалось бы мне необыкновенным.

Это было утром, я торопилась в институт и, стоя в пальто, разговаривала по телефону. В парадном позвонили, я открыла дверь, вернулась к телефону и, только поговорив еще минуты две, поняла, кто с чемоданом в руке остановился у порога. Это был мой отец, которого я не видела со студенческих лет.

Давно забытое чувство страха перед тем неожиданным, что всегда входило в мою жизнь вместе с появлением отца, шевельнулось в душе, когда я увидела его маленькую, худенькую, но еще довольно крепкую фигурку. Но вот мы обнялись, расцеловались, я стала расспрашивать его, он не мог отвечать от волнения и только утирал слезы, так и катившиеся по его румяным щечкам, и мне стало стыдно этого чувства.

— Таня? — сказал он не очень уверенно. — Господи помилуй, родная дочь.

Он приехал чистенький, аккуратный, с пушистыми седыми усами, над которыми совсем уж по-стариковски висел красненький нос. Впрочем, нос был теперь красненький вообще, а не по известной причине. Еще до войны отец сообщил мне, что бросил пить, но не «резко», как это опрометчиво сделала его покойная супруга, а постепенно, по «методе, — писал он, — Демидова князя Сан-Донато».

Если не считать, что время от времени он присылал мне длиннейшие письма, посвященные главным образом улучшению складского дела на железнодорожном транспорте, у нас, в сущности, не было никаких отношений. Но вот он сидел передо мной и плакал, и было совершенно ясно, что эти как бы несуществующие отношения на самом деле связывали нас неразрывно-прочно.

— Успокойся, папа! Что же ты не написал, я могла оказаться в отъезде. Раздевайся же! Ты молодец, что приехал!

Он уже оправился, снял пальто, аккуратно расчесал усы.

— Да вот надумал, понимаешь ты это, — сказал он. — У меня тут дела в Москве. Самоцветов звонил — лично просит свидания. У них тут с хранением швах. Пришлось поехать.

Самоцветов был заместителем наркома путей сообщения, и едва ли он стал бы лично просить о свидании моего отца, занимающего скромную должность в камере хранения на Амурской железной дороге. Я невольно засмеялась, и мне вдруг стало легко с отцом.

— Ты прямо с вокзала?

— Так точно. А что? Проведать дочь, а там — алле-марше! Ведь тут в Москве сейчас Петька Строгов. Говорят, персона. Так можно к нему. Что ж такого? Я понимаю.

— Вот еще! Никуда я тебя не пущу. Я одна сейчас и очень скучаю. У нас ведь еще две комнаты, не только эта. Пойдем, я тебе покажу.

Должно быть, отец понял слово «одна» в том смысле, что я разошлась с Андреем, потому что он поморгал, и в светлых глазах появилось тревожное выражение.

— Одна? А супруг?

— Супруг в Сталинграде.

Мы пошли смотреть комнаты, и отец надолго замер перед портретом Павлика, висевшим над письменным столом в кабинете Андрея.

— Внучек?

— Да.

— Красавец, а? Весь в бабку! Ведь она в молодости какая была? Косищи — во! Элеонора Дузе. Ужасно, безобразно красива.

Я сказала, что отправила Павлика в Лопахин, и старик вдруг радостно захохотал — так и залился, как ребенок.

— В Лопахин? Значит, пригодился еще наш Лопахин!

За чаем он вернулся к Самоцветову, высказав весьма вероятное предположение, что этот ответственный товарищ намерен поручить ему хранение «во всесоюзном масштабе» и что в этом нет ничего удивительного, поскольку у него, Петра Власенкова, в этом деле еще с гражданской войны солиднейший опыт.

Я сказала, чтобы он не торопился к Самоцветову, а сперва отдохнул дня три с дороги. Он подумал и согласился: в самом деле, подождет Самоцветов.

Как это ни странно, а в Наркомате путей сообщения действительно не торопились с назначением Петра Власенкова на пост всесоюзного руководителя камер хранения, иначе у него не оказалось бы так много свободного времени, которое он решил употребить на устройство моих дел, находившихся, по его мнению, в полном беспорядке. По лимиту, например, продукты получала соседка — та самая кокетливая пожилая дама, которая при виде Репнина обнаружила такой острый интерес к действиям наших танковых частей на Центральном фронте. За услугу она получала натурой, и отец торжественно доказал, что эта «натура» равняется едва ли не трети лимита. На другой день он сам отправился в магазин и, вернувшись с топленым маслом, сказал, что давно так приятно не проводил время — в избранном обществе действительных членов Академии наук, среди которых, к его удивлению, оказалось довольно много женщин. Это были, конечно, не академики, а их жены или домашние работницы, но они действительно называли себя академиками — это я не раз слышала и сама.

Мои электрические дела отец устроил менее успешно, затеяв генеральную уборку квартиры с помощью пылесоса.

Этот полузабытый с довоенных времен аппарат он взял у кого-то напрокат, заплатив за пользование манной крупой, пропахшей нафталином, — крупа стояла под кроватью еще с апреля сорок второго года. Мысль была прекрасная — я имею в виду пылесос, а не крупу, — и квартира была убрана с неслыханной быстротой. Жаль только, что едва было закончено это мероприятие, как явилась белокурая девушка лет 16, которая, весело напевая что-то, перерезала провода, пояснив в двух словах, что мы использовали электрический лимит, полагающийся нам до конца года.

Но все это были мелочи в сравнении с трактатами, посвященными Т. П. Власенковой, доктору медицинских наук. Дело в том, что, приглядевшись к моему, в общем, весьма беспокойному существованию, отец пришел к выводу, что образ жизни Т. П. Власенковой не соответствует ее научным заслугам и что он как отец обязан обратить на эту ненормальность внимание начальства. «Поскольку личность работает не для купидомства, а исключительно в отношении советской науки, — писал он в одном из трактатов, — советую обратить внимание, пока не села на якорь». Словом, отец доказывал, что раз уж Т. П. Власенкова посвятила себя заботам о здоровье народа, народ, в свою очередь, должен позаботиться о ее здоровье и, в частности, не позволять ей оставаться ночевать на работе. Тут же приводились очень толковые, хотя и не относящиеся к делу соображения относительно нецелесообразности выдачи водки на промтоварные единички. Очевидно, хотя отец и бросил пить, его волновала судьба других граждан, еще не воспользовавшихся системой Демидова князя Сан-Донато.

В общем, с приездом отца мне стало куда веселее и легче, чем прежде. Возвращаясь с работы, я знала, что он ждет меня — чистенький, аккуратный, в пижаме Андрея, с расчесанными седыми усами. Он читал мне газеты, высказывая весьма дельные соображения по поводу глубоких потрясений, которые испытало складское дело во время войны, и сетуя, что в прессе почти не отражена боевая деятельность наших интендантов, что, кстати сказать, было совершенно верно. Когда ко мне заходили друзья, он умело поддерживал разговор, рассказывая главным образом о грандиозных аферах прошлого века и пересыпая свои рассказы фамилиями крупных дельцов и авантюристов, с которыми, по его словам, он был «на короткой ноге». При этом он не забывал упомянуть, что бурная, полная приключений жизнь не помешала ему воспитать дочь, в которой он давно угадал будущее светило медицинского мира.

Я ездила в этот день на Клинский завод и очень устала, потому что наш заслуженный «газик» вдруг отказал и пришлось несколько часов провести на пыльной дороге. Мечтая лишь о том, как бы поскорее добраться до постели, я вернулась домой и еще в передней, открыв своим ключом входную дверь, догадалась, что этой надежде суждено осуществиться не скоро. Два голоса донеслись до меня, один — отцовский, а второй... О, услышав второй голос, я с изумлением поняла, что удостоилась чести, о которой не смела и думать! Высокий гость поджидал меня, почтенный, глубокоуважаемый гость, с пухлыми, улыбающимися губами, с облысевшей головой, вокруг которой лежал венчик седых волос.

Я бесшумно закрыла входную дверь и немного постояла в передней: мне хотелось послушать, о чем они говорят. Потом вошла.

— Здравствуйте, Валентин Сергеич.

Крамов встал, улыбаясь, и протянул мне

свою маленькую, со слабыми пальцами, почти детскую руку.

— Ну, Татьяна Петровна, я на вас в претензии, честное слово. Вы знаете меня столько лет и никогда не упоминали о вашем батюшке. Да вы его от нас просто скрывали!

Я посмотрела на отца. Он приосанился, выгнул грудь и с достоинством провел рукой по усам. Он был чрезвычайно доволен.

— Отец недавно приехал. Извините, Валентин Сергеич, я переоденусь, умоюсь. Прямо с работы.

— Ради бога! У нас тут такой интереснейший разговор, что я даже прошу вас не торопиться.

Я похолодела, услышав из соседней комнаты этот интереснейший разговор: отец рассказывал о том, как в 1903 году его приятель Петька Строгов «под видом прошенья» покушался на жизнь Николая II.

— Значит, оделся он, тройка приличная, крахмалé, цепочка от часов серебряная аршин, подходит честь-честью, а тут черкесы, конвой его величества. «Стой, осади назад!» Ладно. Отступил и через забор в сад. Идет, не подавая вида, смотрит, графиня Румянцева, он знал. Стоит и нюхает розу. «Ты что?» «Да царя поглядеть». — «Вали в церковь». А царский кортеж уже показался, кучер вот с такой бородой, черкесы с саблями наголо, дворяне, которые покрупнее, пажи. Ну, думает, ладно! Будь, что будет. Я сжег корабли.

Должно быть, у меня было каменное лицо, когда, поспешно умывшись, я вернулась в столовую, потому что, взглянув на меня, отец робко заморгал и осекся. Потом перевел взгляд на Крамова, который слушал его с неподдельным интересом, и приободрился, даже повеселел.

— Слушайте дальше, чем кончится — драмой, — значительно сказал он. — Вот, значит, заходит он в церковь. Народу полно. Запах от дам — задохнешься, сирень. Вдруг — суматоха, кортеж. Подождал он еще немного, да и шмыг к алтарю! То-се, копых-ворых — пробрался, руки назад и стоит. Тут — он, а тут — Александра Федоровна.— Отец усмехнулся.— Простота нравов.

Я послушала еще немного и, наконец, не выдержала, когда Петька упал перед царем на колени, одной рукой придерживая на голове прошенье, а другую засунув в карман, где находилась бомба.

— Извини, папа, я занята. Да и у Валентина Сергеича, должно быть, не так уж много времени! Ты в другой раз доскажешь эту историю.

— Татьяна Петровна, — укоризненно сказал Крамов.

Отец пробормотал: «Конечно, конечно...», испуганно закивал и вышел.

— Я вас слушаю, Валентин Сергеич.

— А, может быть, и я — в другой раз? Тем более, что я без звонка явился. Правда, пытался созвониться, но вы сегодня, повидимому, путешествовали с утра. Много работы?

Тон был участливый, дружеский — и фальшивый.

— Не столько работы, сколько ненужных хлопот, которые мешают работать.

Крамов помолчал. Он пришел почему-то с палкой (впрочем, еще у наркома я заметила, что он немного хромает) и теперь, поставив ее между колен, удобно устроил на набалдашнике руки.

— Татьяна Петровна, я очень жалел, что наш разговор у Максимова окончился так печально. Хотите — верьте, хотите — нет, мне и в голову не приходило обойтись без вас в этом деле! Скажу более, это было бы невозможно. Но, с другой стороны, вольно же было вам не опубликовать вашу работу! Я был уверен, что у вас ничего не вышло.

Он лгал. Перед самой войной мы с Леной Быстровой выступали в Обществе микробиологов с докладом, в котором были приведены первые данные и рассказана история болезни Катеньки Стогиной. Но мне было все равно, лжет он или говорит правду.

— Не будем вспоминать прошлое, Валентин Сергеич, тем более, что вы ничего не выиграете от этих воспоминаний. Мы в полной мере расплатились за то, что своевременно не опубликовали работу. Но не вам упрекать нас за то, что мы опоздали.

Крамов серьезно посмотрел на меня.

— Это правда, — задумчиво сказал он. — Я виноват. Много у меня грехов: и неполнота знаний, которую я скрывал, и равнодушие, которым сам подчас тяготился, и честолюбие, ради которого поступался и поступаюсь многим. Но самый большой мой грех — отношение к вам, Татьяна Петровна. Как могло случиться, что я не понял вас, в то время как вы всегда были для меня живым воплощением времени? Не знаю.

— Благодарю вас.

— О, это искренне! — возразил Крамов. — Я человек не только другого поколения, но, можно сказать, другой психологической структуры, а вы... Ну, да не о том речь, — поспешно добавил он, должно быть, заметив, что меня ничуть не трогают эти запоздалые и сомнительные признания. — Я не уверен, дорогая Татьяна Петровна, что вы с полной ясностью представляете себе положение дела. Даже англичанам оказалось не под силу поднять пенициллин, несмотря на солидные технические средства. В Оксфорде не одна и не две лаборатории полностью переключились на эту работу. Привлечены патологи, биохимики, инженеры. А все-таки Джонсон вынужден был поехать в Америку, и только там ему удалось получить препарат, впрочем, не более одного килограмма.

Я слушала с интересом. Так, Джонсон ездил в Америку. Килограмм, ого! Хорошо бы узнать, в жидком или порошкообразном виде?

— Я знаю вашу энергию, вашу способность безраздельно отдаваться работе,— продолжал Крамов. — Но хорошо ли взвесили вы свои силы?

— Думаю, что да. Ведь я училась этому у вас, Валентин Сергеич.

Он улыбнулся.

— Странная вещь, — сказал он очень свободно. — У меня в жизни было много врагов Меня не любили, старались подорвать, отстранить, я платил тем же, и в конечном счете победа оставалась за мной. Вероятно, я мог бы поставить в безвыходное положение и вас, тем более, что у вас есть слабая черта: вы неосторожны. Но всякий раз меня останавливает необъяснимое чувство. Мне начинает казаться, что я сражаюсь не против вас, а против себя. Право, можно подумать, что вы воплощаете все, чего мне не хватает!

— Зачем такое сложное объяснение, Валентин Сергеич? Просто у вас еще сохранились в душе остатки совести, которые вас беспокоят.

— И вы даже не хотите узнать, зачем я пришел?

— Нет, хочу. Впрочем, об этом легко догадаться. Вы прикинули: а что если эти беспокойные люди доведут до конца свою затею? Вы поняли, что пенициллин — не случайная удача, а целое направление, которое еще бог весть что может натворить в науке. Причем убедили вас не мы — куда там! — а, разумеется, англичане. Вы пришли, чтобы помочь нам, не правда ли?

— Да.

— Спасибо. Я подумаю. А теперь, когда мы объяснились, давайте пить чай. Признаться, я голодна и очень устала.

Он был очень мил за чаем: интересно рассказывал о своей поездке в Лондон, остроумно подшучивал над Андреем, напечатавшим в «Известиях» корреспонденцию из Сталинграда.

— И не боится, отчаянный человек, что врачи будут считать его хорошим писателем, а писатели — хорошим врачом!

Я смеялась. Он тоже смеялся. Но неуловимое движение время от времени проходило по холеному маленькому лицу. Равнодушие? Ненависть? Усталость?

Мы перебрали весь ход нашей работы, все ступени, одну за другой. Мы снова впрыснули наш препарат мышам и кроликам в огромных дозах и снова убедились в том, что здоровые животные относятся к пенициллину, или крустозину (как бы его ни называть), более чем хладнокровно. Мы снова впрыснули его друг другу, и, кроме жжения и легкой красноты в местах уколов, не было замечено решительно ничего, заслуживающего внимания. Мы снова проверили активность препарата на мышах и вылечили их с быстротой, которая показалась бы фантастической, если бы два года тому назад не были живыми свидетелями столь же фантастического выздоровления.

Все было — и ничего не было. Разве могла я сравнить наши первые, робкие, спотыкающиеся шаги — шаги ребенка, который только что научился ходить, — с этим смелым маршем по дорогам и без дорог? Мы действовали тогда неуверенно, наугад, почти вслепую. Мы дрожали над каждым миллиграммом препарата — грубо очищенного, слабоактивного. Матрасы с питательной средой, на которых росла зеленая плесень, стояли во всех лабораториях, и чуть ли не две сотни этих матрасов понадобились, чтобы спасти одну-единственную человеческую жизнь. А теперь нам казалось чудом не то, что мы спасли Катень-

ку Стогину, а то, что наш слабый, неочищенный препарат мог произвести это чудо.

Работа была еще далеко не закончена, еще нужно было одно испытать, другое проверить, третье закрепить новой серией опытов, о четвертом просто подумать. Еще неприбранное, неоштукатуренное, только что подведенное под крышу, открытое всем ветрам стояло наше здание — «Пенициллин-крустозин ВИЭМ», как мы назвали его после мучительных размышлений. Еще леса были не убраны, строительный мусор валялся здесь и там под ногами, а уже подошел, наступил тот долгожданный день, о котором мы думали со стесненным сердцем, которого боялись, о котором мечтали.

Теперь, когда пенициллин можно приобрести в любой аптеке, когда на этикетке каждого флакона печатаются данные, установленные в результате тщательного многолетнего изучения, когда на основе этого открытия возникла новая большая отрасль промышленности, какими робкими представляются мне наши первые шаги в практической медицине! Как мы были осторожны, как неуверенны, с каким трепетом ждали, что скажут враги! Мы связались с несколькими клиниками, мы раздали препарат хирургам, кожникам, терапевтам — и в лабораторию со всех сторон стали слетаться вести. Их было очень много, этих вестей, и для ясности можно, пожалуй, разделить их на три группы: неопределенно-хорошие, просто хорошие и неправдоподобно-хорошие, причем последних с каждым днем становилось все больше.

...Каждый четверг в моем кабинете собирались врачи и профессора, хирурги и нейрохирурги, кожники, педиатры, терапевты — препарат испытывался в шести клиниках одновременно. Уже и в этом была увлекательная новизна. И тогда, на заре изучения, «спектр действия» пенициллина поражал своей яркостью и широтой.

В каком количестве впрыскивать препарат? Сколько раз в день? Внутримышечно или внутривенно? Как устранить болезненность? Почему в некоторых случаях повышается температура?

Разговор начинался обычно около двух часов дня, а к пяти вдруг приезжал Никольский и требовал, чтобы все было рассказано сначала. Сгорбившись, положив ногу на ногу, задумчиво почесывая подбородок, выслушивал он очередные новости, и характерное скептическое лицо никуда не торопящегося, очень старого человека постепенно смягчалось, принимало удивленное, умиленное выражение. Да и было чему удивляться!

В эти дни мы заглянули далеко вперед, и перед широко открытыми глазами открылись такие дали, что невольно закружилась не одна горячая голова.

А потом стали приходить письма. Каждое утро они нетерпеливо врывались в дом, требуя, чтобы их прочитали. Они слетались со всех концов страны, свернутые треугольниками, в самодельных конвертах; иные больше месяца проводили в дороге. Они лежали вокруг меня на столе, на окнах, на диване, на откидной крышке бюро, так что Андрей, вернувшийся в конце марта из Сталинграда, сказал, что я «вписана» в этот эпистолярный пейзаж, как шишкинские медведи — в пейзаж соснового леса. Это были письма-просьбы, письма-исповеди, письма-признания. Это были простые и страшные истории о том, как, внезапно врываясь в жизнь, болезнь переворачивала ее вверх дном, не оставляя камня на камне. Одних с размаху приковывала к постели, других убивала медленно, почти незаметно, как будто нарочно, чтобы человек испытал всю муку затянувшегося на годы умирания. Одних ожесточала, заставляя терять веру в близких, не думать ни о чем, кроме своей болезни, не испытывать никаких желаний, кроме страстного, полубезумного желания выздоровления. Других превращала в замкнутых эгоистов, с холодным упорством мучивших своих жен и детей.

Это были письма о страданиях, которые должны были отступить — «ведь теперь в этом можно не сомневаться, не правда ли?» — перед волшебной силой науки. Это были письма солдат и офицеров, мечтавших о скорейшем возвращении в строй и просивших, чтобы я не теряла ни одной минуты, исцелила их от тяжелых послераневых осложнений.

Среди этого ливня, который нежданно-негаданно обрушился на меня, попадались письма, которые нельзя было читать без улыбки: некий гражданин со странной фамилией Непейпиво спрашивал меня, не помогает ли наш препарат при выпадении волос. Он, Непейпиво, недавно вторично женился и теперь до крайности озабочен тем, что «самый факт ускорившегося за последнее время выпаденья» может неблагоприятно отразиться на отношении к нему молодой супруги. Лесной объездчик сообщал, что открытое нами средство известно ему вот уже более 25 лет и успешно применяется старухами-знахарками при лечении желтухи. Счетный работник из Кунгура интересовался, замужем ли я, и упоминал между строк, что, потеряв в 1935 году супругу, с которой благополучно прожил более двух десятков лет, подумывает о том, что недурно бы вновь сочетаться браком.

И только в большом светлом доме, занимающем чуть ли не половину Рахмановского переулка, никто не интересуется нашим «большим экзаменом», как назвал клинические испытания Никольский.

На неделю раньше назначенного срока мы с Коломниным приходим к члену коллегии, и

с грубоватой снисходительностью принимает нас сей государственный муж.

Входят и выходят бесшумные, хорошо одетые секретарши, негромкими, почтительными голосами разговаривают заведующие отделами и подотделами, которых по разным вопросам, не имеющим отношения ни к русскому, ни к английскому пенициллину, вызывает член коллегии. Поросшая толстыми рыжими волосами рука нажимает звонок, и является тот, кому надлежит, и произносит то, что надлежит. Все совершается быстро, свободно, легко — но совершается ли? Легкий оттенок непрочности, шаткости сопровождает решительно все, что происходит в этом просторном, богато убранном, устланном большим ковром кабинете. И на самой коренастой фигуре хозяина лежит этот оттенок, даром что он сидит за таким внушительным письменным столом, на котором стоит такой внушительный малахитовый прибор с чашей-чернильницей, вокруг которой обвилась змея — символ мудрейшей из наук, медицины. Можно подумать, что, кроме нас, здесь присутствует некий неведомый и невидимый дух, и прежде чем ответить на любой вопрос, член коллегии безмолвно советуется с этим духом, да не советуется, а с унизительной покорностью прислушивается к каждому его слову. «Что ты думаешь по этому поводу, глубокоуважаемый дух?» — как будто спрашивает он, и дух отвечает или молчит, и, если он молчит, член коллегии тоже молчит, предоставляя нам понимать его молчание так или иначе.

Кто же этот дух, эти флюиды, рассеянные в воздухе, невидимые, но обладающие магической силой? Боязнь ответственности, страх перед начальством, попытка угадать, что скажет тот или подумает этот? Кто знает! Но почти все, что мы слышим, говорит этот дух, а на долю члена коллегии остается немногое, очень немногое, почти ничего.

Я завожу вопрос о расширении производственной лаборатории: количество пенициллина, которое мы выпускаем, ничтожно, а потребность велика и растет с каждым днем. Начальство соглашается, но будет ли расширена лаборатория, это почему-то остается неясным.

Я напоминаю, что еще в мае месяце Столов (хозуправление) обещал обеспечить моих четырех сотрудников продовольственным лимитом. Начальство соглашается и даже ставит на листке настольного календаря загадочную закорючку. Но при одном взгляде на эту закорючку у меня почему-то окончательно пропадает надежда, что сотрудники получат лимит.

Недобро поблескивая глазами, Коломнин спрашивает, известно ли уважаемому Павлу Ильичу, что в Англии уже приступили к строительству пенициллинового завода. Павел Ильич соглашается: пора подумать и нам. Но, повидимому, невидимый дух, с которым он ежеминутно советуется, еще не принял решения по этому вопросу. Поэтому, сказав «пора и нам», член коллегии умолкает и лишь произносит неопределенный звук, когда мы спрашиваем, когда будут вызваны руководители колбасных фабрик, на базе которых можно временно наладить массовый выпуск пенициллина.

Не в очень веселом настроении покидаем мы просторный кабинет с высокими окнами, с тяжелым письменным столом, за которым сидит человек, от которого, к сожалению, зависит очень многое в огромной, стройной, единственной в мире системе советского здравоохранения.

— Черт побери, стоило сходить с ума, не спать ночами! Он даже не поблагодарил нас.

Коломнин бледен, расстроен, зол.

— А вы ради его благодарности не спали ночами?

— Нет, конечно! Но все-таки... Грубиян. Вы заметили, он не встал, когда мы уходили?

— Еще вставать! Не огорчайтесь, дорогой Иван Петрович. Не в нашей власти назначать членов коллегии.

— К сожалению.

— А если бы на месте Максимова был настоящий человек — талантливый, образованный, смелый... Каков был бы наш разговор? Помечтаем.

И всю дорогу от Рахмановского до Ленинградского шоссе мы утешаемся тем, что придумываем этот несостоявшийся разговор. Вот он:

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ (приветливо). А, товарищи Власенкова и Коломнин! Ну, как дела? Можно поздравить?

Я. Благодарю вас. (Скромно). Да, кажется, кое-что получилось.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. Хотелось бы мне, чтобы это «кое-что» почаще повторялось в нашей науке. Садитесь, прошу вас. Иван Петрович, вы курите? Может быть, чаю?

Коломнин закуривает, я отказываюсь.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. Прежде всего, Татьяна Петровна, как ваше здоровье? Ох, как я ругал себя за то, что вызвал Крамова, не поговорив предварительно с вами.

Я. Да что уж! Дело прошлое. Кто старое помянет, тому глаз вон.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. Впрочем, нет худа без добра. Волей-неволей я был свидетелем сцены, которая говорит об очень сложных отношениях в научной среде. А ведь уж кому-кому, а мне-то не мешало бы в них разобраться!

КОЛОМНИН. М-да.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. Но об этом речь впереди. А теперь, в чем нуждается ваша группа? Довольны ли вы техническим оборудованием? Обеспечены ли лимитом? Прошу вас, говорите все, не стесняйтесь.

Я. Благодарю вас. Нам нужно... Иван Петрович, прочитайте список.

Коломнин читает список. В нем сто три пункта. Заместитель наркома внимательно слушает, изредка кивая головой в знак одобрения.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. И это все?

МЫ. Да, в основном.

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ. Очень хорошо. Оставьте мне этот список. Все будет сделано. (Заметив наши недоверчивые улыбки.) И гораздо скорее, чем вы думаете, товарищи. Да, да, гораздо скорее!

Мы собираемся уходить, он встает и провожает нас до самой двери.

Не столь велик был в действительности наш список, и не надеялись мы, что начальство будет махать нам вслед носовым платком. Но ведь мы пришли к Максимову после напряженной, выматывающей душу работы, когда на карту, в полном смысле слова, была поставлена научная честь,— неужели не мог он найти для нас ободряющего, дружеского слова? Нужно было еще многое взвесить, обдумать, решить. Нужно было одним взглядом окинуть то, что сделано, а другим — то, что еще оставалось сделать. Нужно было оценить не только свои силы и возможности, но силы и возможности английских и американских ученых, работавших параллельно с нами.

Ничуть не бывало! Равнодушие, скрытое пренебрежение и поразительное, полное непонимание дела!

Нельзя сказать, что клинические испытания прошли так уж гладко, без промахов и ошибок! Так, в разгар удачи, когда самые придирчивые скептики были вынуждены признать, что «спектр действия» нашего препарата необычайно широк, произошел случай, который показался нам загадочным, необъяснимым...

В эвакогоспитале, которым руководил известный хирург Левитов, лежал лейтенант-артиллерист, еще совсем мальчик, лет восемнадцати, тяжело раненный в левое бедро, с переломом кости. Рана была обработана поздно, началось заражение крови, и, когда Левитов решил применить пенициллин, состояние больного было уже довольно тяжелым.

— Ну что, доктор,— сказал лейтенант, когда я пришла навестить его после первых инъекций,— как говорится, «до смерти четыре шага»?

Он был смуглый, широколицый, с нежным пушком на щеках и страдающими глазами.

— Ничуть не бывало! Будете жить и жить, Петр Алексеевич.

— Алексеевич! Просто Петя. Меня еще никто и не называл по имени-отчеству. Вот заважничаю и не умру.

— Ну, так я вас иначе и называть не стану.

— ...А вы, оказывается, совсем и не доктор,— сказал он мне в другой раз.— Профессор! На вид и не скажешь.

— Непохожа?

— Нет. Вы скорее на артистку похожи.

Я засмеялась, и он так смутился, что даже пот выступил на бледном смуглом лице. Но быстро оправился.

— Я так сказал, потому что у меня мать артистка,— негромко возразил он.— А вы чем-то похожи на мать.

Левитов начал с маленьких доз, потом перешел к средним, и уже на третий день состояние настолько улучшилось, что мы решили было, что наш больной поправится и без пенициллина, с которым все еще приходилось обращаться весьма экономно. Потом все-таки решили продолжать, тем более, что лейтенант стал жаловаться на головные боли. Каждые четыре часа он получал вполне солидную, по нашим тогдашним понятиям, дозу. Но бог весть почему магическое средство, с помощью которого уже были спасены сотни людей, вдруг потеряло силу. Вновь поднялась температура, начались бурные мозговые явления, и, когда на девятый день мы с Левитовым встретились у постели больного, стало ясно, что конец неизбежен.

Почему он погиб? Потому что мы начали с маленькой дозы? Когда наступило улучшение, мы пропустили несколько впрыскиваний,— быть может, это было ошибкой?

Полумертвая пришла я в лабораторию, и Коломнин должен был целый день возиться со мной, доказывая, что нет ничего неожиданного в том, что безнадежного больного не удалось спасти с помощью нового средства.

Быть может, именно эта история, дойдя до Максимова в искаженном виде, заставила его отнестись к нашему опыту с таким недоверием? Выше я упомянула о том, что каждый четверг в нашу лабораторию слетались добрые вести. Но, кроме вестей, слетались еще и слухи, и среди этих богатых разнообразными оттенками слухов были и такие, которые сильно смахивали на клевету. Мы смеялись — пустая болтовня, вздор, глупые сплетни! Но вскоре я поняла, что нельзя, более того, вредно для дела недооценивать влияние этих невесомых, на первый взгляд, величин.

На заседании Московского хирургического общества профессор Власенкова была вынуждена огласить записку, автор которой спрашивал, сделала ли она соответствующие выводы из того обстоятельства, что ее препарат послужил непосредственной причиной гибели генерал-лейтенанта, лежащего в клинике Бурденко. Генерал-лейтенанта? Да, известного, его имя часто упоминалось в приказах!

Расстроенная лаборантка приходит на работу и под строжайшим секретом спрашивает Виктора Мерзлякова: правда ли, что Татьяну Петровну отдают под суд за то, что она дала больному непроверенный препарат? Кто вам сказал? Лаборантка из соседнего института.

«Безвреден, если не убивает» — кому принадлежит эта тупая острота? Неизвестно. Но доподлинно известно, что академик Никольский сказал, что пенициллин, как всякое оружие, опасен в руках тех, кто не умеет с ним обращаться.

Взволнованная Лена Быстрова звонит из Казани: правда ли, что наш препарат спешно изымается из всех лабораторий, госпиталей и клиник? Что за вздор! Почему изымается? Да тут все говорят, что фармакологический комитет взял назад свое одобрение!

Виднейшие хирурги и терапевты обращаются в Ученый совет Наркомздрава с письмом, в котором они протестуют против распространения клеветнических слухов, и бог весть как и почему это письмо превращается в собственную противоположность. «Как известно, в Советском Союзе запрещены опыты на людях,— будто бы пишут с негодованием эти виднейшие профессора и врачи.— Почему же этот гуманнейший закон не распространяется на Т. П. Власенкову, испытывающую токсический препарат на раненых воинах?»

Старый знакомый, которого вы знаете вот уже добрых двадцать лет, вдруг смущается и переводит разговор, когда вы начинаете рассказывать ему о своих удачах. У него становятся виноватые глаза, и вы догадываетесь, что хотя он глубоко сочувствует вам, но, к сожалению, не верит. Сочувствует, но не верит.

Соединяясь самым причудливым образом, упорно повторяются эти темные слухи. То уходят — и тогда начинает казаться, что это был просто мираж, на который не стоит, разумеется, обращать никакого внимания. Мало ли о чем говорят? То возвращаются — и вместе с ними возвращается тревожная мысль о том, что все это неспроста, не случайно, что кому-то наруку эта сложная, глухая игра.

Рубакин приезжает из Казани, чтобы хлопотать о возвращении института в Москву, и мы надолго, часа на три, запираемся в моем кабинете. Он изменился за годы войны, похудел, постарел, и уже трудно представить себе, что в молодости он был розовый, круглый и чем-то походил на доброго лохматого пса. Теперь стали особенно заметны его маленький рост, седина. Характерные, убегающие вверх брови поросли большими толстыми волосами. Но способность сомневаться осталась такой же и даже стала, мне кажется, еще острее, чем прежде.

— Крамов? Ну нет! Он все-таки крупнее, Татьяна.

— Не он, так его окружение.

— Новое дело всегда обрастает слухами. На вашем месте я не обращал бы на них никакого внимания.

— Пробовала. Не выходит. Петр Николаевич, когда-то вы рассказали мне историю Крамова, объяснили секрет его влияния, успеха. Это было открытием для меня и одновременно уроком. Вы блестяще доказали тогда, что его теория — это оружие не науки, а благополучия и славы. Вы думаете, он не понимал, что мы пытались выбить это оружие из его рук и, вероятно, выбили бы, если бы не помешала война?

— Еще бы не понимал! Так вы полагаете, Татьяна, что он надумал, наконец, расплатиться?

— Нет, сложнее. Он знает, что война только отодвинула наш спор, что мы еще вернемся к нему — или если не мы, так другие. А ведь положение изменилось. Интерес к его теории потерян, школа постепенно превращается в группу людей, связанных личными интересами,— и только. Теперь он в сто раз опаснее, чем до войны, когда на институтской конференции осмелился откровенно признаться в том, что работает мало и плохо. Теперь он совсем не работает, вот почему он будет держаться за свое положение зубами! Вот почему он будет хвататься за малейшую возможность показать, что он деятель большой науки. Он и прежде умел связывать со своим именем каждый новый значительный факт. Но что там отдельные факты, когда ими уже нечего подпирать? Новое направление — вот куда устремляется мысль. Возглавить направление — это по-крамовски! Вы согласны со мной?

— В общем, да. Но при чем же здесь слухи?

— А вот при чем. Вы думаете, я обвиняю Крамова в том, что он, как базарная торговка, занимается распространением слухов? Нет. Он сказал десять слов. Но этого достаточно для тех людей, которые его окружают. Одни попрежнему слепо верят ему, другие боятся, третьи трезво оценивают его влияние, четвертые держатся за него просто потому, что без поводыря ни на что не способны в науке. Теперь представьте себе, что у всей этой компании вдруг отнимают успех, которого хватило бы на всю жизнь. Не беда, что никто из них никогда не занимался плесенью, не беда, что они боролись против этой мысли, или не замечали ее, или относились к ней с нескрываемым презрением! Пришло время, когда эта мысль, уже превращаясь в практическое достижение, оказалась у них в руках. С какой же бешеной энергией они должны были за нее схватиться!

Рубакин слушал, подняв кверху умное, ироническое лицо.

— А что, собственно, оказалось у них в руках? — спросил он.

— Как что?! Да вы только представьте себе, что могло произойти, если бы Крамов убедил правительство приобрести английский патент. Во-первых, он оказал бы государству крупную услугу, предложив препарат, с помощью которого можно удвоить или утроить возвращение раненых в строй. Во-вторых, он немедленно напечатал бы добрый десяток статей о том, что новые явления должны стать управляемыми, а для этого необходимо их объяснить, и для этого нужна теория — и соответствующая теория была бы очерчена талантливо, остроумно, метко. Словом, для меня плесень — это муки сомнений, колебаний, горечь неудач, мысль, с которой я возилась годами. А для него — беспроигрышная карта, верная возможность заставить говорить о себе. Это новые связи, новая слава, новое богатство,— а уж он-то прекрасно знает, что делать с деньгами! И еще одно: он самолюбив, быть может, его смелость основана на одном самолюбии. Вы думаете, он простил себе, что рукопись Лебедева пятнадцать лет пролежала в его архиве? Он прекрасно понимает, что если бы у него хватило чутья, он сам занялся бы плесенью и прежде нас добился бы успеха. Как он, должно быть, ругал себя! Как мучила его досада!

Я говорила очень быстро, и задохнулась, и засмеялась, когда Петр Николаевич молча налил стакан воды и поставил его передо мною.

— Успокойтесь, Татьяна. Все верно. И все-таки при чем же здесь слухи?

— А вот теперь поговорим о слухах. К чему они сводятся, если отбросить частности, найти основное? Основное заключается в том, что хотя сам по себе препарат и хорош, но не отечественный, а заграничный. Что практики, испытавшие пенициллин из лаборатории Власенковой, убедились в его непригодности. Что Власенкова и Коломнин обманывают государство, и это плохо кончится не только для них, но и для тех, кто их поддерживает и признает их заслуги! Если Крамов при всех его качествах был человеком науки и еще смутно помнит об этом, так ведь у его последователей нет прошлого, нет ничего, кроме того, чему он их научил. Эти люди способны на преступление...

К счастью, не все хозяева просторного дома на Рахмановском переулке в такой степени подвержены влиянию невидимых, но магических величин. Другой член коллегии, у которого это высокое звание не написано на лице, не влияет на образ мышления и не заставляет ежеминутно стремиться к еще более высокому званию, хватает меня за руку, и тащит к наркому, и требует, чтобы нарком немедленно занялся загадочной историей крустозина-пенициллина ВИЭМ. И через неделю мы получаем небольшое, но удобное здание на берегу Москвы-реки, недалеко от Новодевичьего монастыря — восемь комнат, в которых можно разместить людей, лаборатории, мастерские...

Два стихотворения

Игорь КОБЗЕВ

Над Ла-Маншем

Как летели мы над Ла-Маншем,
С моря мутной волной туман шел,
Самолет наш попал в грозу.
Ничего не ухватишь взглядом,
Только молнии рвутся рядом
Да вода сторожит внизу.

Горбоносая стюардесса,
Словно мертвая, вмерзла в кресло,
В потолок глазами впилась
И, надев аварийный пояс,
О судьбе своей беспокоясь,
Воле божеской предалась.

Вдруг ей словно во сне приснилось —
Не поймет никак, что случилось:
Пламя пляшет невдалеке,
Самолет весь дрожит от грома,
А в кабине поют, как дома,
На родном своем языке.

И мотив у них не печальный,
Не отчаянный, не прощальный,
Все слова удальством полны.
Слышно ей сквозь металла скрежет:
Из-за острова, мол, на стрежень,
На простор-де речной волны...

И у всех так спокойны лица —
То ли смерть их сама боится,
То ли жизнь им своя ни в грош!!
Эти русские, россияне,
Точно дальние марсиане —
Ничего у них не поймешь!

...Как потом сообщала пресса,
Потрясенная стюардесса
Не забыла про тот полет
И твердит с тех пор все упрямей:
«Надо с русскими быть друзьями —
Музыкальный они народ...»

Сыну

Сын лежит на маминой подушке
И, совсем еще не дуя в ус,
Гуттаперчевые погремушки
С любопытством пробует на вкус.

И глаза сверкают в восхищенье,
Словно две полтины серебра,
Никогда не бывших в обращенье —
Только что с Монетного двора...

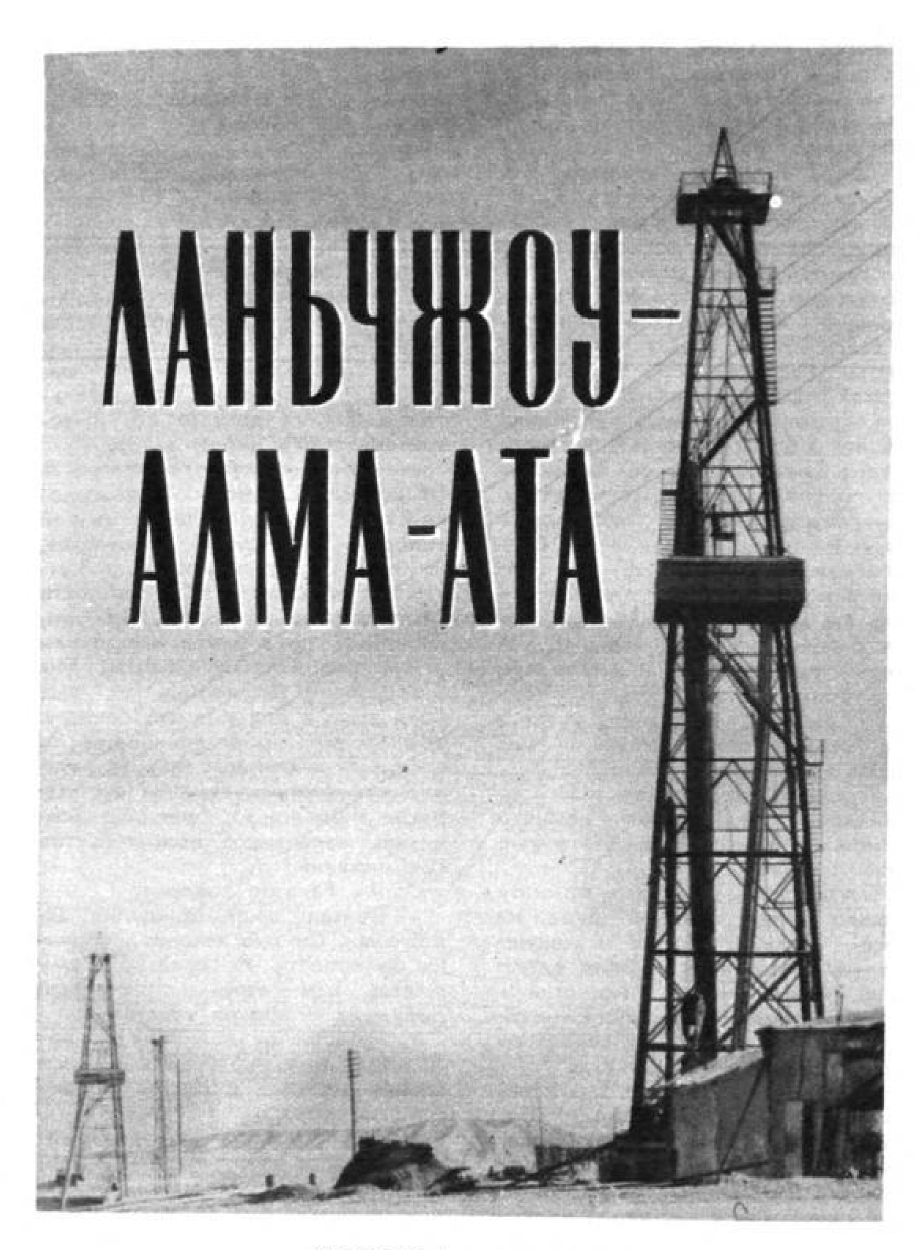
Крохотный, забавный человечек,
Он еще не знает ничего.
До чего он ласков и доверчив,
Аж берет опаска за него!

Весь он словно солнышком согретый,
Пальчики, как зернышки, малы.
А кругом колючие предметы,
Сквозняки и острые углы.

Сколько раз ему придется в драке
Плакать оттого, что нос разбит,
Убегать в испуге от собаки,
Горевать от боли и обид!

Впрочем, это мелкие обиды.
Их ему бояться ни к чему.
Но и те, что мной не позабыты,
Тоже могут встретиться ему.

Потому я спорю, ссорюсь, езжу
И, пока он безмятежно спит,
Все стараюсь, чтобы было меньше
Разных огорчений и обид.



ЛАНЬЧЖОУ — АЛМА-АТА

ПИСЬМА С ДОРОГИ

Г. БОРОВИК **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

3

Дорога от Сучжоу до нефтяного промысла Ляоцзюнмяо — это на полпути между Сучжоу и Юймынем — идет мимо последней башни, стоящей у западного конца Великой китайской стены. Когда-то путник, выходивший за ее пределы, ломал здесь одну из своих стрел и половинку оставлял в башне. Возвращаясь обратно, он предъявлял вторую половинку, и если линия излома совпадала, то его «документы» считались в порядке.

Сейчас дорога идет не сквозь ворота, а через отверстие в стене — здесь, на северо-западе, она не каменная, а глиняная, метра в три высотой. Говорят, что отверстие пробил какой-то древний китайский генерал, побоявшийся вести свои войска через ворота последней башни, — считалось, будто это приносит беду...

Навстречу несутся с огромной скоростью автоцистерны. Чешские десятитонки, германские «ИФА», наши «МАЗы». Везут на восток нефть, бензин, керосин с юймыньских месторождений. Перевозка, конечно, обходится дороговато, поэтому нефтяники с особым нетерпением ждут, когда пройдет здесь железная дорога Ланьчжоу — Алма-Ата. Нам говорили, что за один год эксплуатации уже построенного участка (Тяньшуй — Ланьчжоу) переброшено столько грузов, сколько при старом способе транспортировки нельзя было перевезти и за двадцать лет.

Пыль от грузовиков стоит над дорогой неподвижным длинным облаком: ни малейшего ветерка. Наша машина идет, как в тумане. Пыль проникает всюду, даже в вечную ручку. Приходится писать не химическими чернилами, а какой-то грязью зеленоватого цвета...

Вдалеке от дороги белеет несколько палаток. Наши спутники объясняют, что это лагерь топографов, но не «железнодорожных», а других — «нефтяных». Они производят съемку местности для геологоразведочных работ. Железнодорожники ушли уже гораздо дальше.

В Ланьчжоу один топограф сказал нам: «Наша дорога — это великое железнодорожное наступление на северо-запад. Если Баоцзи, Тяньшуй, Ланьчжоу — тыл, а в Кулане и Увэе — фронт наступления, то мы, топографы, — разведчики, ушедшие далеко за линию боев».

«Чудесная черная жидкость»

Ляоцзюнмяо — городок с новым театром, клубом, новыми жилыми зданиями, домами отдыха, прекрасной больницей и нефтеперегонным заводом. Нефтяные скважины расположены вокруг города, в горах, высоко над уровнем моря.

Как водится, нам прежде всего показали ясли. Там случилось нечто для нас трагическое: кто-то из ребятишек, заинтересовавшись фотоаппаратурой, сбросил со стола импульсную лампу с аккумулятором. Прощайте, вечерние и ночные съемки! Прощайте, съемки в закрытом помещении!

Китайские товарищи, желая нас утешить, шутливо говорят, что все же один снимок в помещении можно сделать. Они имеют в виду заводскую амбулаторию, куда недавно доставлены кварцевые лампы, и рабочие после смены проходят облучение. Мой спутник на мгновение забывает о своем несчастье: кварцевые лампы в пустыне Гоби — это ли не свидетельство того, как быстро шагает история!

Надо сказать, что «медицинские традиции» Ляоцзюнмяо восходят к временам глубокой древности. Еще в шестом веке, как свидетельствуют старинные книги, жители города Сучжоу употребляли в качестве мази для растирания «чудесную черную жидкость», которая била из земли неподалеку. Ту же жидкость, только поднеся к ней горящий факел, жители с успехом выливали ведрами на головы кочевников, осаждавших стены города. Однако серьезная геологическая разведка в этих местах была предпринята только в 1934 году и связана с именем китайского ученого Сун Цзянь-цу. В центре Ляоцзюнмяо стоит обелиск в его честь.

Вслед за Сун Цзянь-цу сюда приехали американские инженеры Уэллер и Садден. Они заявили, что запасы нефти ничтожны и развивать добычу не имеет смысла. Цель американцев была ясна: умышленно преуменьшить запасы, чтобы в дальнейшем прибрать к рукам лакомый кусочек. Гоминдановские власти вняли голосу американских авантюристов, с мнением же Сун Цзянь-цу не посчитались.

Только в 1939 году гоминдановцы пробурили тут первую скважину.

В 1945 году нефтяной район посетил еще один американский «геолог». Это был некто Белтс, агент «Стандард ойл компани», ее представитель на Суматре. Он долго распространялся перед служащими промысла о необходимости сотрудничества между передовыми и слаборазвитыми странами. Затем познакомился детально с промыслами и исчез. Как выяснилось позже, он беседовал с гоминдановским министром и договаривался с ним о том, что американцы получат исключительное право разрабатывать юймыньские месторождения.

И вот в 1947 году здесь появилась большая группа американцев — представителей трех крупнейших американских нефтяных компаний. Они были снабжены всем необходимым для ведения разведывательной (отнюдь не только геологической!) работы: самолетами, радиоаппаратурой, фотоаппаратами и т. д. В печати о прибытии этой группы не сообщалось.

На промысле были установлены американские порядки. Убрали неугодных новым хозяевам людей, на смену им поставили ярых проамериканцев. Янки дошли до того, что подготовили приказ: китайцев допускать только к черной работе, всю же технику вверить американским специалистам. Китайские машинистки, печатавшие этот приказ, рассказали о нем на промысле. В результате всеобщего возмущения американцам пришлось отказаться от своего требования.

По условиям торга, американцы предоставляли гоминдановцам только 10 вышек, все остальные промысловые скважины должны были эксплуатироваться заокеанскими дельцами. Гоминдановские правители сразу не решились подписать такие условия. Переговоры затянулись. Потом они и вовсе были сорваны: к Юймыню подошла Народно-освободительная армия.

После освобождения снова начались изыскательные работы с участием Сун Цзянь-цу. Запасы оказались в несколько раз больше, чем утверждали американцы. Юймыньские месторождения превращаются сейчас в крупную нефтяную базу Китая.

«Я делал то же, что другие»

О товарище Яо Ши-цзе, старом рабочем нефтеперегонного завода Ляоцзюнмяо, нам сказали, что он участник знаменитых здесь событий 5 апреля 1949 года. Мы встретились с ним на «скважине дружбы» — так ее назвали китайские рабочие. Румынские нефтяники ведут здесь бурение, используя оборудование, изготовленное на «Уралмаше».

В последние перед освобождением годы китайским рабочим жилось особенно тяжело. Гоминдановцы воровали, затягивали выдачу заработной платы. А деньги тогда падали в цене каждый час.

Яо Ши-цзе жил с женой и пятью детьми в соломенном шалаше около завода. Однажды, когда особенно надолго задержали заработную плату, Яо по просьбе рабочих пошел к управляющему.

См. «Огонек» №№ 50 и 51.

Тот обещал вечером раздать деньги, но не выполнил обещания. Наутро 5 апреля 1949 года триста рабочих направились к дому управляющего. Откормленный, он выехал к ним навстречу в легковой машине. Изголодавшиеся рабочие перевернули ее, избили управляющего и разошлись.

На другой день начались массовые аресты. Яо арестовали и вызвали к следователю. Тот закричал, стукнув пистолетом о стол: «Птица без головы не летает, человек не ходит, рабочие не совершают преступления! Кто был головой? Ты? Нет? А кто же?!» В комнате наготове стояли орудия пыток. Яо подвесили к потолку и начали бить. В три часа ночи его снова вызвали и потребовали подписать «признание». Яо не подписал.

Арестованных увезли в жандармерию Сучжоу... Их семьи выселили из лачуг и бросили на улице погибать с голоду. Оставшиеся на воле рабочие тайно помогали семьям арестованных, собирали деньги. Если бы не эта помощь, жена и дети Яо погибли бы.

В августе 1949 года народная армия освободила Ланьчжоу и приближалась к Сучжоу. Полиция, боясь возмездия, выпустила заключенных на поруки.

Когда после освобождения Сучжоу бывших арестованных привезли в Ляоцзюнмяо, рабочие вышли их встречать далеко за пределы промысла.

— Увозили нас в тюрьму тайно, ночью, — рассказывал нам товарищ Яо Ши-цзе. — И когда мы вернулись, я сказал на общем собрании: нас увозили в темноте, а теперь я увидел солнце!

Вот это и есть история событий 5 апреля. Я ничего особенного тогда не совершил. Делал то же, что другие...

...По дороге из Ляоцзюнмяо обратно в Сучжоу мы заехали в тот самый лагерь топографов, который видели раньше. Четыре палатки, тлеющий костер, два верблюда, привязанные к колышкам, — вот и все. Было часов девять утра, и топографы давно разошлись группами по степи. Мы застали только повариху, которая сообщила, где мы можем найти ближайшую партию.

Потом к лагерю по целине подъехал грузовик. Из него вытащили какой-то деревянный ящик, и машина укатила. Около ящика остался молодой парень. Он удивленно посмотрел на нас, потом открыл свой сундук и начал выкладывать на брезентовый подстил содержимое. Это были книги, а парень оказался директором, продавцом, кассиром и бухгалтером передвижного книжного магазина «Синьхуа». Он ездит по лагерям топографов и геологов, которых здесь великое множество, и продает книги.

— Много покупают у вас?

— Ого, еще как!

— Сколько же вы привезли книг?

— Сейчас триста. А начинаю обычно с пятисот. У нас таких передвижных магазинов много. Меня зовут Коу Кэ-чжан. Жаль, что ничего не привез на русском языке, а то бы и для вас нашлось...

Молодожены

Провинция Синьцзян — одна из крупнейших в Китае. В Синьцзяне встретишь самые жаркие места в стране и самые холодные. Здесь поднимаются снежные вершины гор, но есть и впадины, лежащие почти на триста метров ниже уровня моря. В центре провинции — громадная безводная пустыня, и есть районы, где население живет ловлей рыбы. На стыке пустынь Гоби и Такла-Макан выращивают ту самую хамийскую дыню, о которой нам рассказывали в самолете. Природные богатства провинции, равной по территории нескольким государствам Европы, несметны. Вы услышите здесь рассказы синьцзянцев о национальной вражде, насаждавшейся раньше гоминдановцами, и о великой дружбе, соединившей все тринадцать национальностей, населяющих Синьцзян, после освобождения. Даже простое перечисление всего значительного, что связано с этой провинцией, потребовало бы целой книги.

...Мы сидим в просторном бревенчатом домике правительства восьмого района уезда Урумчи. Дом стоит на дне глубокой ложбины. Там, наверху, ветер, а здесь тишина. Деревья лениво стряхивают с себя желтые и красные листья. Рыжее солнце мягко освещает выгоревшую за лето траву, и склоны гор кажутся укутанными теплым старым войлоком, как та юрта, что стоит рядом с домиком правительства.

В ложбине — еще несколько жилых домов и школа. Это все новые строения: скотоводы только недавно начали строить такие. В них живут зимой, а сейчас хозяева на пастбищах — в юртах. Возле школы бродит целый табун стреноженных лошадей: они ждут своих маленьких хозяев, сидящих за партами.

— Ну, что вам еще сказать о наших изменениях? — говорит секретарь районного комитета партии Го Чжин. — Вот недавно мы искали для ветеринарной станции пастухов. Нужно было двадцать человек. Думали, простое дело: плата ведь хорошая. Оказалось, нет, не простое. Никто не хочет из своего хозяйства уходить, когда оно у него, как на дрожжах, поднимается. Разве до освобождения мог когда-нибудь встать вопрос: где взять пастухов? Да пожалуйста! Сколько угодно их, за гроши пойдут. Больше 100 семейств в районе — а всего их 480 — не имели своего скота. Батрачили. А теперь ни одной такой семьи не осталось.

Секретарь достает из ящика какие-то бумаги, листает их и приводит данные, какая семья сколько получила ссуд от государства.

— Всего триста миллионов юаней, — заключает он. — Это безвозвратные. Зерно и фураж я не считаю.

В это время за окнами раздаются ржание лошадей, какие-то веселые крики. Мальчишки, только что прижимавшие носы к оконным стеклам, исчезли. Товарищ Го Чжин пошел выяснить, в чем дело. Через минуту вернулся.

— Молодожены! — весело сообщил он. — Придется немного отложить беседу. Кызыр, это уже твои обязанности.

Открылась дверь, и в комнату вошло пять человек. Двое из них — молодой парень и девушка — в праздничных ярких одеждах. Видимо, жених и невеста.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Кызыр Ракатов, секретарь правительства. — Вы откуда?

— Из второго селения, — ответил жених и поднял вверх подбородок — это значит, что аул далеко. — Мы выехали оттуда вчера вечером. Верхом.

— Так какое у вас дело? — спросил Ракатов, делая вид, что не догадывается о цели посещения.

— Мы хотим пожениться, товарищ! — торжественно ответил жених.

— Да, пожениться... — тихо добавила невеста.

— Ну что ж, это — очень хорошее дело, если вы действительно любите друг друга. По закону, каждый из вас может высказаться перед регистрацией. Ведь бывают у нас еще случаи, когда парень и девушка женятся не по любви, а по настоянию родителей или из-за того, что жених платит большой калым.

В комнате наступает тишина, затем жених медленно говорит:

— Я ее люблю, товарищ. Очень. Больше гор, больше пастбищ, больше рек и солнца, товарищ. Мне 26 лет. Теперь в моей семье есть уже бараны, коровы, есть мука и деньги. Я бы мог заплатить любой калым теперь, но она мне сказала, что самый большой калым на свете — это то, что я люблю ее. Правда, Мыкыш?

Невеста зарделась и опустила глаза.

— Если так, — торжественно и важно начал Кызыр, — если вы сочетаетесь браком по собственному желанию, то вы должны всю жизнь быть вместе и соблюдать все законы. Согласны?

Кызыр читает им обязательство. Жених вынимает из кармана печать и ставит ее вместо подписи под обязательством. Невеста делает то же самое. Затем Кызыр просит предъявить справку, выданную волостным правительством. Жених достает ее, и секретарь снова читает вслух:

— «Правительству района № 8. От волости Саршокы. Проживающий во втором селении нашей волости Мунсыбай Иканбаев, 26 лет, и проживающая в четвертом поселке этой волости Мыкыш Садываккасова, 19 лет, полюбили друг друга и просили у нас разрешения на брак. Мы всесторонне проверили их любовь друг к другу путем бесед с родителями, родственниками и соседями и считаем бракосочетание возможным. Просим вас зарегистрировать их брак. Председатель волостного правительства Шабмардан».

Затем Ракатов говорит:

— Считаю ваши обещания законными. Считаю законной справку из волости. И согласно этому выдаю вам этот пожизненный документ и желаю счастья.

У невесты от волнения падает на пол кнут, который она все время держала в руках. В комнате смеются.

Мы спрашиваем молодых, когда свадьба.

— Как вернемся в аул, так на другой день. Все селение гулять будет. Наша бригада взаимопомощи постановила выделить на это дело деньги из общего фонда.

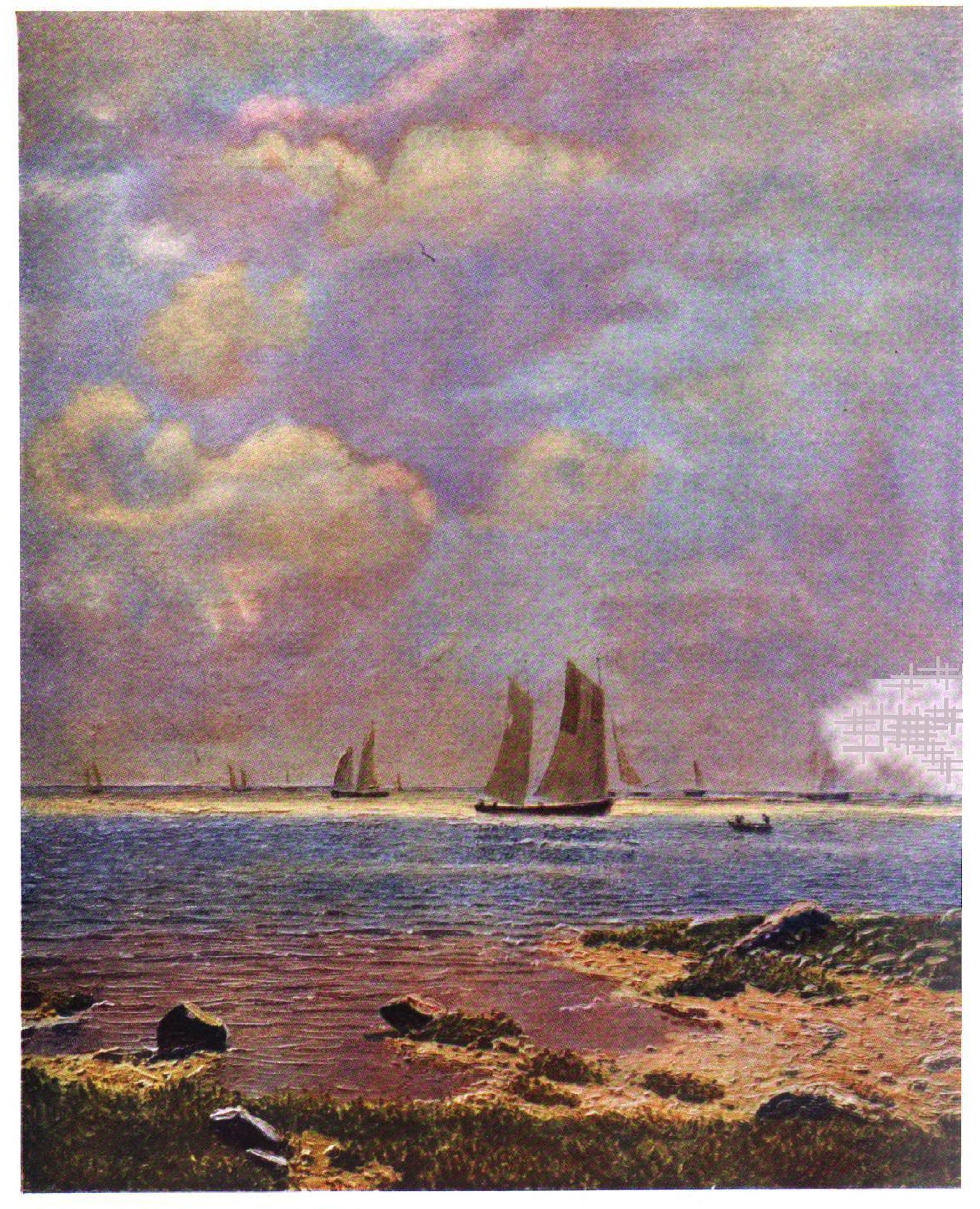
Все пятеро еще немного посидели, выпили по чашке чая с молоком, поговорили о своих делах и вышли. Окруженные толпой любопытных ребятишек, они оседлали своих низкорослых лошадок и, попрощавшись со всеми, медленно двинулись по дороге: муж и жена — впереди, трое сопровождающих — чуть сзади.

* * *

Холодным ноябрьским утром самолет поднялся с аэродрома Урумчи. После двух часов полета он сделал посадку в Кульдже и затем взял курс на Аламоту — так в Китае называют город Алма-Ата. Он миновал горы и летел над равниной. Внизу мелькнула длинная вспаханная полоска земли. Это была граница.

Пекин — Алма-Ата,
октябрь — ноябрь.

Кызыр Ракатов прощается с молодоженами.



Н. Н. Дубовской. 1859—1918. ПОЛДЕНЬ НА ВЗМОРЬЕ.

И. И. Левитан. 1861—1900. ВЫСОКИЙ БЕРЕГ (ЛЕСИСТЫЙ БЕРЕГ).

Из фондов Калининской картинной галереи

В центре города Калинина, в красивом здании, построенном в начале XIX века архитектором Львовым, разместились картинная галерея и краеведческий музей.

Калининская областная картинная галерея обладает значительным собранием художественных произведений. Около пяти тысяч экспонатов находится здесь — живопись, графика, скульптура, изделия прикладного искусства. В галерее три больших раздела: русское искусство (XVIII — начало XX века), советское искусство и искусство стран Западной Европы. Некоторые произведения из первого раздела этого собрания мы здесь публикуем.

Море — любимая тема Н. Н. Дубовского, известного художника-пейзажиста, воспевавшего величаво-спокойную красоту русской природы.

Широкие просторы морской дали, синяя глубина неба с легкими облачками... Картина «Море в полдень» написана на обычную для живописца тему — умиротворение в природе, единение с ней человека.

Печатаемый пейзаж И. И. Левитана — обыденный уголок родного края; в нем живописец раскрывает обаяние и прелесть русской природы. Не шелохнется водная гладь, сплошной стеной обступила ее молодая поросль леса, закатные краски неба чуть приглушены, чувствуется близость осени.

Картина О. А. Кипренского «Мечтательница», написанная им около 1828 года, была приобретена Государственной закупочной комиссией из частного собрания и передана в Калининскую картинную галерею. Художник создает светлый и чистый образ молодой девушки, хотя и несколько сентиментальный. Она глубоко задумалась над книгой, далеко унеслись ее мысли, навеянные прочитанным. Радует законченная манера письма художника. В это же время в той же манере Кипренский написал «Бедную Лизу», портрет артистки Семеновой и автопортрет (в халате).

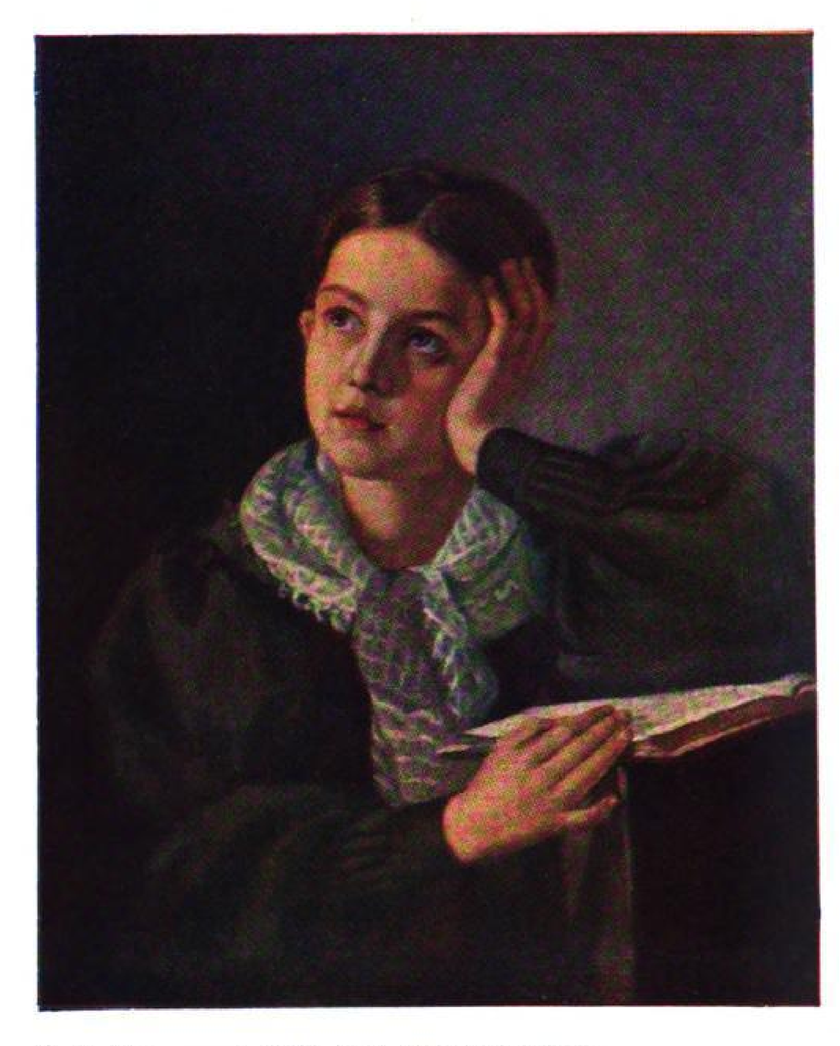
«Мастерская художника» (В. Е. Маковского) — любознательные «натурщики» разбрелись по комнате. В кресле девочка, весь ее вид говорит о том, что она уже знает, что такое крестьянский труд. Оставив кисти, в стороне задумался о чем-то живописец. В композиции особенно тепло и любовно показаны крестьянские ребятишки, которых много раз и с чувством писал Маковский.

Один из талантливых русских живописцев-жанристов, И. М. Прянишников в своих произведениях охотно обращался к изображению народного быта, русской природы. Серия его картин посвящена охоте. В полотне «На тяге» Прянишников, сам страстный охотник, запечатлел характерную охотничью сценку, в которой художником передано его лирическое восприятие родной природы.

Еще холодно, не везде стаял снег, но весна уже близко, она в самом воздухе, в синеватых лужах, в пробивающейся первой траве. Охотник замер в ожидании, он прислушивается к звукам, наполняющим лес. Наготове ружье, настороже собака...

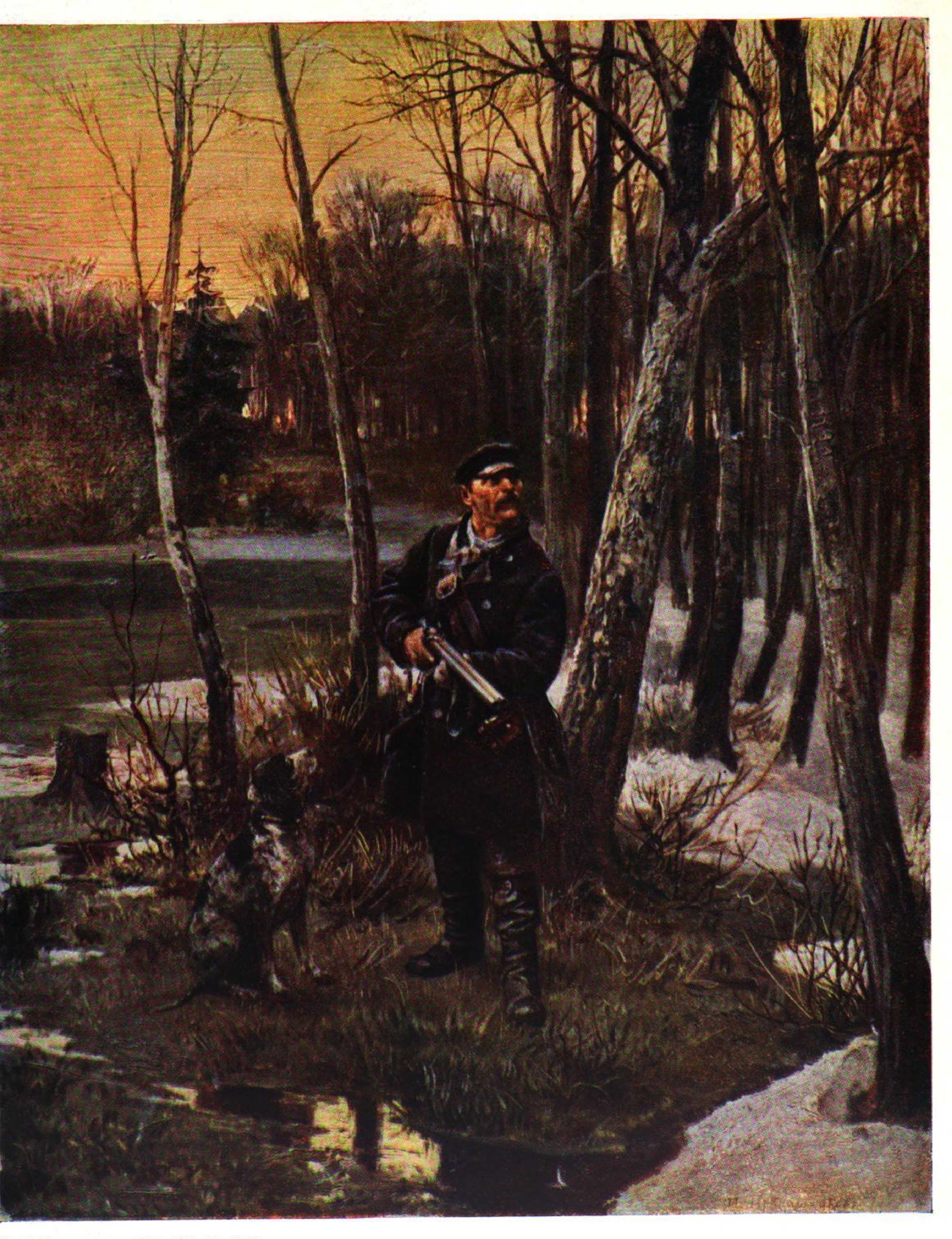
Произведения прославленных певцов русской природы и быта пользуются постоянным вниманием калининцев, которые по праву гордятся своей все растущей картинной галереей.

А. АБРАМОВА



О. А. Кипренский. 1782—1836. МЕЧТАТЕЛЬНИЦА.

В. Е. Маковский. 1846—1920. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА. 1865 год.



И. М. Прянишников. 1840—1894. НА ТЯГЕ.

ТРУДОВОЙ ГОД КРАСНОХОЛМЦЕВ

Ник. ДРАЧИНСКИЙ

Надя Кирюхина у крутильной машины.

Светловолосая девушка стоит у крутильной машины, сложное устройство которой кажется непостижимым. И когда наблюдаешь за точными, уверенными движениями Нади Кирюхиной, отдаешь должное молодой работнице: она постигла хитроумный путь тончайших нитей, которые со временем превратятся в крепкую ткань.

Кирюхина учится на четвертом курсе вечернего техникума. Это и помогло ей сравнительно быстро освоить сложную машину, недавно лишь установленную в цехе. Таких новинок много появилось на Краснохолмском камвольном комбинате в истекающем году.

Комбинат этот—предприятие весьма почтенного возраста: ему без малого сто лет. Но ныне он переживает свою вторую молодость. Отличным оборудованием пополнились цехи: здесь и автоматические ткацкие станки, и быстроходные мотальные машины Климовского завода, и крутильные автоматы из Пензы, и гигантские шлихтовальные агрегаты из Иванова. В последние месяцы смонтированы прядильные установки, полученные из Германской Демократической Республики, и сушильно-ширительные автоматы из Чехословакии.

На месяц раньше срока завершил комбинат годовую производственную программу. К первому января ткацкие станки дадут более полумиллиона метров бостона, трико и шевиота сверх плана. Из этой ткани можно сшить костюмы или пальто для всего населения таких, например, городов, как Брянск и Курск, вместе взятых.

На комбинате больше стало станков. Пришлось инженерам подумать и над более удобным их размещением. Результат мы увидели на одном из участков чесального цеха. Раньше здесь стояло девять машин, теперь разместилось десять. Обслуживают их тоже три работницы, а продукция выросла на десять процентов.

— С тех же производственных площадей мы даем в два раза больше тканей, чем до войны,— говорит директор комбината Николай Николаевич Павлов.— Дело, конечно, не только в новых машинах и более рациональном их размещении: решающую роль сыграли наши люди.

Мы познакомились с Анной Антоновной Скуратовой, двадцать лет работающей в цехе. Несколько поколений молодых ткачих прошли у нее первую выучку. В этом году она отметила своеобразный юбилей: число ее учениц достигло тысячи. Вот и сейчас она занимается с Галей Копассовской.

Нет, пожалуй, на комбинате человека, который не повышал бы свою квалификацию. Учение начинается у станка, а затем переносится в аудиторию, где рядом с классной доской стоит ткацкий станок. Здесь молодежь прослушивает курс лекций, участвует в теоретических занятиях, а затем сдает экзамен. Почти две трети коллектива учится на курсах, в школах рабочей молодежи, вечернем техникуме и заочном институте.

У краснохолмцев учатся работницы и других городов. На комбинате немало молодежи из Белоруссии: это будущие ткачи строящегося в Минске камвольного комбината.

Сейчас с обучением стало легче: новое пополнение приходит с хорошей общеобразовательной подготовкой.

Одна из представительниц такой молодежи — Рая Верещагина, окончившая среднюю школу. Всего два месяца она в цехе, но уже порадовала товарищей своими первыми успехами.

Комбинат выпускает двадцать видов костюмных тканей различных расцветок. В будущем году текстильщикам предстоит освоить новые образцы. К этому они готовятся уже теперь. В лаборатории испытываются новые, яркой расцветки ткани для женских костюмов. Красивая будет ткань, но придется много потрудиться, чтобы наладить ее выпуск.

В короткие промежутки между сменами ткачи беседуют, узнают, какие у кого успехи. Вот собрались соревнующиеся между собой бригады ткачей двух Николаев — Миронова и Разгуляева. В их договоре говорится: «Завершить пятилетний план к 15 июля 1955 года и дать сверх плана 65 400 метров ткани по каждой бригаде».

Подводя итоги минувшего года, краснохолмцы говорят о будущем. Коллектив комбината обязался выполнить пятилетку к 38-й годовщине Октября и выпустить сверх плана два миллиона метров красивых и добротных костюмных материалов.

Рая Верещагина пришла в цех после окончания средней школы.

Две бригады ткачей постоянно соревнуются. Между сменами встречаются бригадиры Н. Миронов (слева) и Н. Разгуляев.

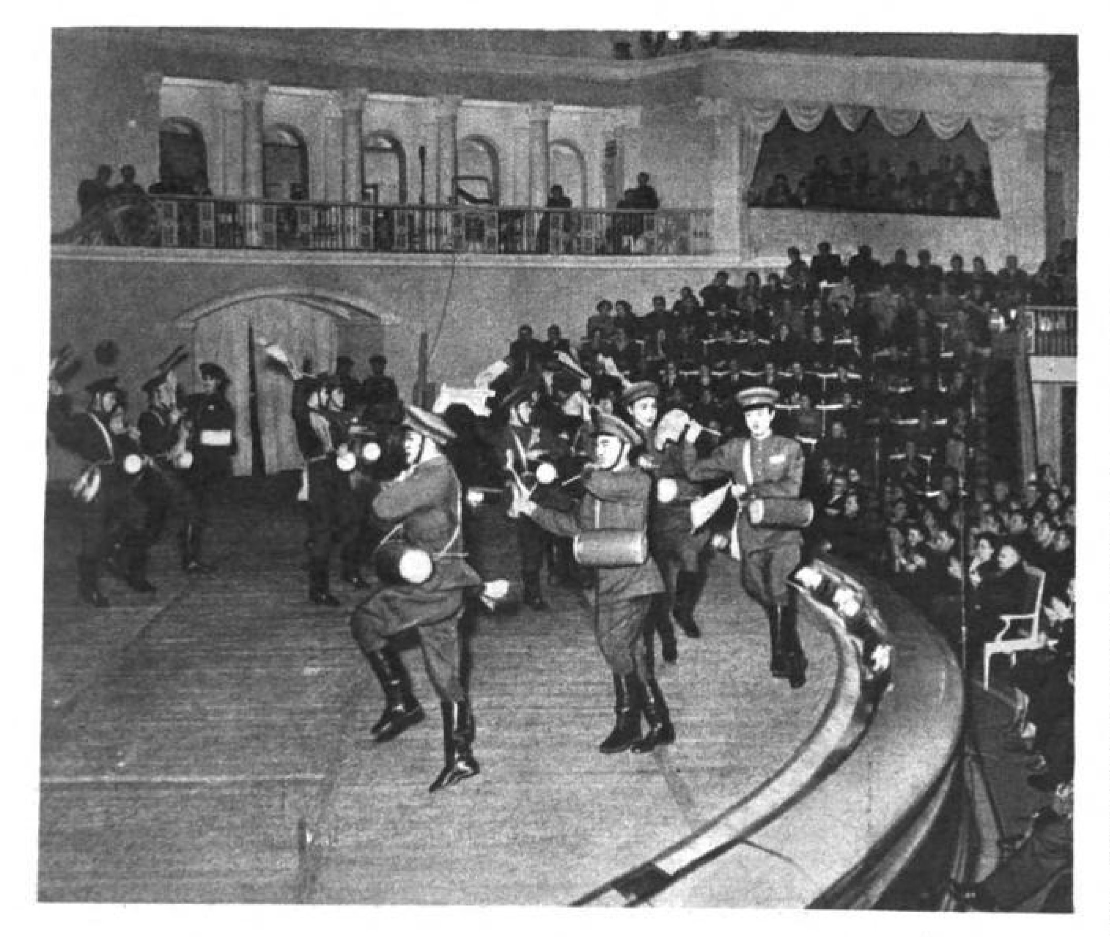
Крепить единство трудящихся

В зале заседаний сессии. Выступает генеральный секретарь ВФП Луи Сайян.

14 декабря закончила свою работу 7-я сессия Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов. На ней присутствовали делегаты более 50 стран Европы, Азии, Америки и Африки. Сессия обсудила вопрос о международном положении и выполнении решений 3-го Всемирного конгресса профсоюзов в области укрепления единства трудящихся в борьбе за реализацию их требований и утвердила Хартию профсоюзных прав трудящихся.

В резолюции по первому вопросу Генеральный совет призвал все входящие и не входящие в ВФП профсоюзные организации «проявлять всяческую инициативу по укреплению и расширению национального и международного единства трудящихся. Только таким путем, — говорится в резолюции, — трудящиеся одержат решающие успехи в их борьбе за мирное сосуществование всех государств, за экономическое и культурное сотрудничество между народами, за повышение жизненного уровня трудящихся масс, за благосостояние, свободу и мир».

На концерте китайских друзей



В различных городах Советского Союза с большим успехом проходят концерты Ансамбля песни и пляски Народно-освободительной армии Китая. На снимке: выступление ансамбля в Москве, в зале имени П. И. Чайковского. Танцевальная группа исполняет танец «Армейский барабан».

Фото О. Кнорринга и Е. Умнова.

За что благодарят лорда Рассела простые англичане

Недавно английский корреспондент газеты «Нейшнл гардиан» направился к лорду Расселу Ливерпульскому в его поместье близ деревни Шир. По дороге он спросил человека, работавшего в поле, как пройти к поместью Рассела. При упоминании этого имени глаза работника заблестели, и он сказал: «Если увидите лорда Рассела, передайте ему, пожалуйста, привет и поблагодарите его от имени солдата, который сражался с нацистами не для того, чтобы видеть их снова вооруженными».

Чем заслужил лорд Рассел благодарность простого англичанина? Лорд Рассел Ливерпульский до недавнего времени был помощником главного военного прокурора Англии. Он написал книгу «Проклятие свастики», в которой приводится история злодеяний гитлеровцев во время второй мировой войны. Однако после того, как он сообщил о своем намерении опубликовать книгу, Расселу дали понять, что, если он это сделает, ему придется уйти с занимаемого поста без права получения пенсии.

Но угроза не подействовала. Рассел вышел в отставку и опубликовал книгу. Успех ее в Англии был исключительный. Она выдержала уже четыре издания, а спрос на нее все увеличивается. Книга переводится на многие иностранные языки.

В газету «Дейли экспресс» Рассел написал: «Теперь, когда я ушел в отставку... я, как никогда, уверен, что сделал правильно, решив не уступать... Сейчас всем должно быть так же ясно, как и мне, что вооружение немцев неизбежно связано с определенными опасностями. Никто не может найти обоснованного решения этого важнейшего вопроса, не взвесив предварительно все возможности и все факты. Я знаю, что дошел до такого рубежа, на котором должен был либо оказать сопротивление, либо пойти против своих убеждений. Вот почему я предпочел быть свободным... Я полагаю, что в интересах мира во всем мире не следует забывать подобные факты».

Расселу хорошо известны преступления гитлеровцев в различных странах Европы. Участник ряда судебных процессов над фашистскими военными преступниками, он оперирует неопровержимыми данными. Они собраны, как заявляет Рассел, на основании показаний и документов, предъявленных на различных процессах по делам военных преступников. «Преступления, описываемые в данной книге,— заявляет Рассел,— не были случайными; это с очевидностью вытекает из самих их масштабов. Порабощение миллионов людей и высылка в Германию, убийства и жестокое обращение с военнослужащими, массовые казни мирных жителей, расстрелы заложников и людей, заключенных в тюрьмы в порядке репрессий, а также «окончательное решение» еврейского вопроса — все это было результатом длительного планирования». Рассел приводит страшную цифру — 12 миллионов мирных граждан, замученных, повешенных, расстрелянных, задушенных в газовых камерах, сожженных в крематориях. Таков итог фашистских зверств и убийств. Рассел неоднократно подчеркивает, что ответственность за эти преступления лежит не на немецком народе, а на гитлеризме, носителе и проводнике фашистской идеологии.

Ныне в организации западногерманской армии видную роль играют крупные военные преступники Кессельринг, Фалькенхаузен, Мантейфель и другие. Некоторые из них фигурируют в книге Рассела. В ней рассказывается, например, о бывшем командующем немецкими войсками в Италии Кессельринге. Подробно описывается, как расстреливались по его приказам тысячи итальянских патриотов и заложников. Кстати сказать, этот «цивилизованный людоед» — так назвала его одна английская газета — недавно выступал по лондонской телевизионной сети. Он напомнил слушателям, как «доблестно» сражалась германская авиация, когда она совершала варварские налеты на английские города во время второй мировой войны. Простые люди Англии по достоинству оценили это выступление и дали понять дирекции английского телевидения, что нельзя безнаказанно глумиться над памятью жертв фашистских стервятников, над достоинством английского народа.

Со времени выхода в свет книги «Проклятие свастики» лорд Рассел получил множество писем от людей самых различных профессий — учителей, адвокатов, докеров, солдат и офицеров, писателей и домашних хозяек. Английский солдат, шестнадцать лет прослуживший в армии, с горькой иронией пишет: «Если бы наши политические деятели пожили в Германии столько, сколько я, а не ограничились бы прогулкой в несколько дней, их бы не ввело в заблуждение «миролюбие» западногерманских немцев и они, я в этом уверен, убедились бы, с каким опасным огнем они играют». Среди писем, получаемых Расселом, есть такие, которые имеют особое значение. Это письма бывших узников фашистских застенков и заключенных концентрационных лагерей — живых свидетелей варварских преступлений нацистов, описанных Расселом. Одна из таких свидетельниц, миссис Кеннеди, проведшая более трех лет в лагере Освенцим, опубликовала свое письмо в газете «Дейли уоркер». «Если мы не были истреблены все,— пишет она,— то только потому, что нацисты в паническом страхе разбежались перед приходом Красной Армии». Госпожа Кеннеди восклицает:

«И теперь я спрашиваю: разве наши дети могут сражаться бок о бок с теми, кто убивал и мучил их родителей, причем против тех союзников, которые сделали все, что только можно, чтобы спасти их отцов и матерей... Можно ли перевоспитать немцев? Да. А перевооружить их? Во имя всех умерших, во имя всех перенесенных нами страданий — нет!»

В. БАТМАНОВ

Рудник в Хибинах

К 25-летию со дня основания города Кировска

Город Кировск. Индустриальная улица. Фото А. Моклецова.

Среди заснеженных Хибинских гор выделяется массивная громада Кукисвумчорра. В короткие часы полярного дня, когда неяркое солнце едва поднимается над горизонтом, снизу отчетливо виден огромный уступ. Точно какой-то гигант вырвал часть горы, обнажив серую сердцевину породы. Здесь, на склоне Кукисвумчорра, ведутся открытые разработки апатитовой руды — ценнейшего сырья для минеральных удобрений. Эшелон за эшелоном увозят отсюда глыбы апатита. На руднике имени С. М. Кирова, лежащем в центре Хибинских гор, добыча ведется одновременно открытым и закрытым способами.

Удивительно красивы штольни апатитового рудника! Зеленовато-серая зернистая порода, из которой состоят стены и своды, искрится и блестит под лучами электрических лампочек, уходящих вдаль непрерывной нитью. Искорки отраженного света сопровождают горняка на всем его пути — от начала штольни до узких забоев.

Весь процесс добычи на руднике полностью механизирован. Горняки вооружены новейшими перфораторами, мощными породопогрузочными машинами. Многочисленные электровозы перебрасывают руду внутри рудника.

...Добыча апатита в Хибинах началась двадцать пять лет назад. В январе 1930 года здесь, в глухом и необжитом месте, где на десятках километров в окружности две саамские семьи составляли все население, был заложен социалистический город Хибиногорск, позднее переименованный в Кировск.

Сейчас в Кировске живут десятки тысяч людей. Город лежит на берегу озера Большой Вудьявр. А в пяти километрах от Кировска, у подножия Кукисвумчорра, раскинулся большой горняцкий поселок.

Неподалеку отсюда загораются огни новых Юкспорских разработок, а еще дальше прорубаются штольни в массиве Расвумчорра. Добыча апатита будет увеличиваться с каждым годом.

В. АРХИПЕНКО

Мать и дочь встретились

Можно начать рассказ об этом событии с конца.

Несколько недель тому назад Софья Ульяновна Гудьева, проживающая в городе Караганде, отправилась на вокзал, чтобы встретить свою дочь Нину.

Встреча состоялась. Мать и дочь после долгой, очень долгой разлуки снова вместе!

Немало событий предшествовало их разлуке и встрече.

В самом начале войны отец шестилетней Нины Гудьевой погиб на фронте. В дни вражеского нашествия Нина по воле нелепого случая была оторвана от матери. Девочка оказалась неподалеку от района военных действий, мать — в глубоком тылу.

Тотчас по приезде в Караганду Софья Ульяновна начала поиски своей дочери. Она хлопотала, запрашивала, наводила справки, но безуспешно. Матери удалось лишь узнать, что в 1942 году ее дочь была в Звенигороде.

Окончилась война. Люди, разлученные ею, находили друг друга. А Софья Ульяновна продолжала рассылать запросы, с материнской настойчивостью все искала исчезнувшую дочь.

В январе 1954 года библиотекарша карагандинского Дома инвалидов, знавшая про горе своей сослуживицы Гудьевой, перебирая книги, остановила взгляд на одной из них. На обложке значилось:

«Агния Барто. Звенигород. Поэма».

Звенигород... Там была Нина Гудьева.

В тот же день библиотекарша передала книжку Софье Ульяновне. Поэма рассказывала о детском доме.

Здесь со всех концов
страны
Собраны ребята.
В этот дом их в дни
войны
Привезли когда-то...

Книга прочитана. С еще большей силой ощутила Софья Гудьева свое одиночество. И ей захотелось рассказать о своем материнском горе писательнице, так тепло воспевшей жизнь детей, которые «на реке с восьми часов затевают игры, и от звонких голосов весь звенит Звенигород...»

Никаких просьб и жалоб не содержало письмо, полученное поэтессой Барто из Караганды. Да и могла ли Софья Ульяновна думать, что именно это письмо поможет ей вернуть дочку.

Но вот как бывает в жизни! Агния Барто отправилась с письмом матери в отдел розыска управления милиции Москвы. Она просила полковника Д. А. Кокохина и майора В. И. Петрова сделать все возможное, чтобы отыскать Нину Гудьеву. Это сложное дело (прошло 12 лет!) поручили сотруднику отдела розыска И. И. Зеневичу. Несколько месяцев он подробно опрашивал людей, разослал десятки запросов. На исходе восьмого месяца поисков Зеневич получил первую, хоть и не очень точную весть: девочка как будто жила в городе Умани, Черкасской области.

Дальнейшие поиски подтвердили это сообщение. В Умани на швейной фабрике работала 18-летняя Нина Константиновна Гудьева, родная дочь Софьи Ульяновны. В октябре отдел розыска управления милиции Москвы послал в Караганду — матери и в Умань — дочери сообщения, из которых они узнали друг о друге. Третье сообщение получила поэтесса Барто.

Вскоре к Софье Гудьевой пришло письмо от Нины, а затем мать и дочь встретились в Караганде. Нина Гудьева живет теперь снова со своей матерью...

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Софья Ульяновна и ее дочка Нина получили очередное письмо с поздравлением.
Фото П. Федорова (ТАСС).

70-летие президента Чехословакии Антонина Запотоцкого

18 декабря в честь 70-летия Антонина Запотоцкого в Национальном театре в Праге состоялся торжественный вечер, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК Коммунистической партии Чехословакии, министры, виднейшие ученые, писатели, представители общественности и трудящихся.

В адрес юбиляра поступили приветствия от глав правительств, коммунистических и рабочих партий стран народной демократии. Антонин Запотоцкий получил поздравительные телеграммы от ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР, а также от председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова.

Лидеры советского хоккея

Три сильнейшие команды являются лидерами хоккея с шайбой: московское «Динамо», Центральный спортивный клуб Министерства обороны и «Крылья Советов». Они первыми в совершенстве овладели техникой и тактикой хоккейной игры. И тем, что наши хоккеисты стали чемпионами мира, мы обязаны именно этим трем коллективам.

Почти закончился первый круг чемпионата страны 1955 года — не сыграны всего два матча. Лидерами вновь являются те же три московские команды. Набрав по 14 очков, они значительно опередили остальных. Правда, прошлогодние чемпионы — динамовцы — провели на один матч больше, чем их соперники.

Интересной была борьба, проведенная в Челябинске. Первыми потерпели поражение динамовцы. Они не смогли противостоять дружным атакам команды «Крылья Советов» и проиграли — 1 : 4.

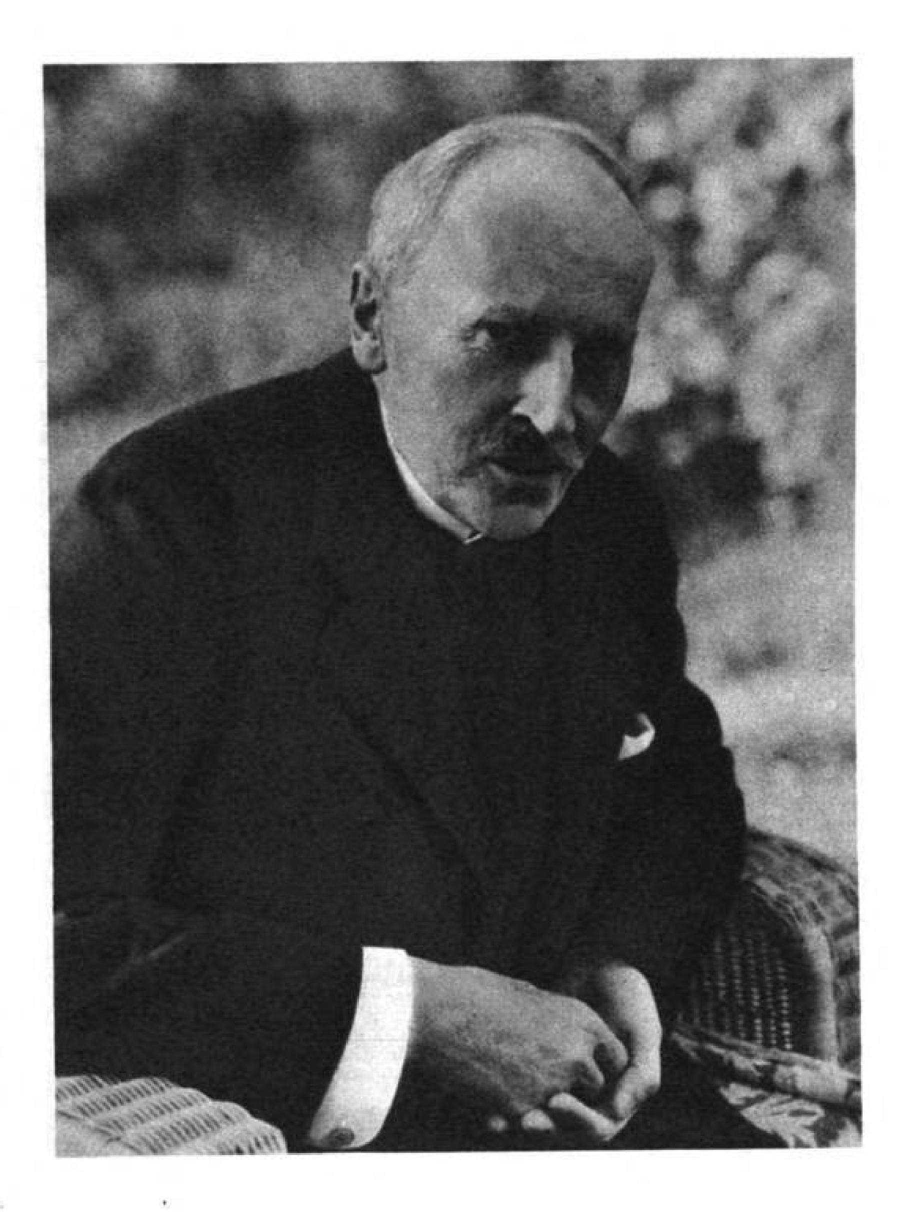
Затем два очка потеряла и команда «Крылья Советов». Захватывающим и на редкость стремительным был ее матч с армейскими хоккеистами. Армейцы играли более четко в обороне, а две шайбы, проведенные Николаем Сологубовым и Всеволодом Бобровым, решили исход встречи в их пользу.

Не удалось избежать поражения и армейским спортсменам. Динамовцы противопоставили их натиску исключительно самоотверженную игру в обороне. Проигрывая 0 : 1, чемпион страны нашел в себе силы продолжать борьбу. Юрий Крылов, а затем Виктор Климович дважды забросили шайбу в ворота армейцев.

Итак, лидеры нанесли друг другу по поражению. Во втором круге, который начнется в Москве в начале января, борьба между ними как бы начнется сначала.

Но спортсмены ЦСК МО, «Динамо» и «Крыльев Советов» не только соперники: в международных матчах они выступают вместе — в сборной команде страны.

В. ФРОЛОВ



РОМЭН РОЛЛАН

К 10-летию со дня смерти

Ромэна Роллана не раз называли Дон-Кихотом. В 1926 году заговорил об этом и А. М. Горький. Не принимая и не опровергая этого суждения, он заметил: «человек, который жаждет идеальной справедливости — тоже сила»,— и добавил: — сила эта заключается в том, что Роллан жаждет справедливости для трудящихся, зная, что «только они могут установить ее для всего мира». В этих словах Горького — ключ к творческому наследию великого французского писателя.

Роллан оставил современникам и потомкам романы, повести, пьесы, очерки, статьи, дневники — плоды неустанного труда, длившегося с конца XIX до середины XX века. Этого писателя можно узнать по любой странице любого из его произведений. У него взволнованный голос глашатая, зовущего за собой; он стремится воплотить свою мысль в изобилие сравнений и метафор, чтобы усилить производимое ею эмоциональное воздействие; он не только отображает, но и с неиссякаемым пафосом выражает свое отношение к изображенному, горячо восторгаясь и страстно негодуя.

К 1914 году Роллан создал ставший бессмертным образ простого человека из народа. Горький сказал о «Кола Брюньоне»: «Нужно иметь сердце, способное творить чудеса, чтобы создать во Франции, после трагедий, пережитых ею, столь бодрую книгу, книгу непоколебимой и мужественной веры в своего, родного человека». «Бог ты мой, и вынесла же, милые мои, наша спинушка и вёдра и дождя! И пекло же нас, и жарило, и прополаскивало!» — смеется старый Кола, которого никому никогда не удавалось согнуть. И как бы в назидание потомкам говорит он о Франции, своей родине: «Здесь я хозяин, и здесь мой дом». Книга озарена неугасимой верой в трудовой народ, который будет хозяином жизни на земле.

«Кола Брюньон» — единственное в своем роде произведение Роллана. В остальных его книгах чаще всего изображались незаурядные люди. Существовали ли они в действительности, как Бетховен и Лев Толстой, или были, как Жан-Кристоф, порождением авторской фантазии,— так или иначе, они принадлежали к числу «избранных». Но Роллан придавал этому слову особый смысл. Он писал в дневнике: «Не отделяясь в походе от народа, получаешь право на титул избранного. Избранные — те, которые маршируют во главе колонны лицом к огню».

Всегда шел навстречу огню Жан-Кристоф. Сын кухарки, ставший знаменитым композитором, он хотел жить и творить для тружеников всей земли, а жить и творить для них значило восставать против гнета. При этом Жан-Кристоф действительно был чуть-чуть похож на Дон-Кихота. Правда, Кристоф никогда не дрался с ветряными мельницами; напротив, он умел распознавать врага и под маской; сквозь мишурный блеск он разглядел распад и гниение буржуазной цивилизации. Но слишком часто он боролся с социальным злом один на один, и оружием в этой борьбе было лишь его отважное сердце, горевшее ненавистью к несправедливости и любовью к «тысячам простых сердец», обездоленных, но достойных счастья. И хотя Кристоф однажды сражался на баррикаде плечом к плечу с революционными рабочими Парижа, он все же не знал, какие пути ведут трудящихся к светлому «грядущему дню», за который был готов отдать свою жизнь. И сам автор тогда не мог ничего подсказать герою.

Прошло немало времени, прежде чем Ромэн Роллан ясно представил себе, что значит в наши дни «маршировать во главе колонны лицом к огню». Не сразу, а постепенно, искореняя в своем сознании иллюзию за иллюзией, понимал и принимал писатель то новое, что принесла миру Советская страна. В этом Роллану помог Горький, с которым его связала крепкая дружба.

Две последние книги «Очарованной души» создавались писателем в ту самую пору, когда в нем совершался внутренний переворот. Роман стал зеркалом, в котором узнали себя многие представители современной французской интеллигенции. В давно прошедшие времена буржуазия Франции торжественно провозгласила свободу, равенство и братство. С тех пор буржуа интересовались только свободой наживы, а настоящую свободу затоптали в грязь. Интеллигенты прятались от этой грязи в четырех стенах своего индивидуализма, воздвигнутых ими не наяву, а лишь в их сознании, и в этом мнимом убежище поклонялись отвлеченным понятиям справедливости и человечности, как богам.

Марк Ривьер, герой романа «Очарованная душа», чувствовал себя, как в тюрьме, в призрачном убежище интеллигентского гуманизма, он рвался на волю, жаждал действия. Мать Марка как-то сказала ему: в наше время только подлец в безопасности. Аннета Ривьер передала своему сыну мужественную готовность к подвигу, но он сам должен был искать и найти верный жизненный путь.

Марк вырастал в мире, расколотом надвое: с одной стороны, Советский Союз, с другой — агрессивный империализм, кое-где в Европе уже начавший перерастать в фашизм. Те, которые решались смотреть правде в глаза, не могли не видеть, что дорогие их сердцу понятия свободы и справедливости, миролюбия и гуманизма в Советском Союзе из абстракции превращаются в реальность. Марк Ривьер стал на сторону нового мира. За это фашисты убили его. Мать Марка остаток своей жизни посвятила делу сына.

Так в произведениях Роллана появились герои, чья борьба за светлое будущее народов уже не имела ничего общего с донкихотством. Пусть художник зря окружил этих героев ореолом добровольного мученичества, пусть он напрасно сгустил краски, подчеркивая трагедийность не до конца преодоленных ими душевных сомнений,— не это главное. Роман «Очарованная душа» ценен тем, что в нем правдиво отображены как исторически закономерная смерть старого, буржуазного гуманизма, так и рождение нового, подлинно гуманистического мировоззрения. Писателю стало ясно, что в наши дни лишь тот достоин благородного звания гуманиста, кто вступает во всенародную армию борцов за демократию, мир и свободу, армию, в первых рядах которой шагают коммунисты. Эту обретенную ясность Роллан передавал другим со свойственным ему пафосом провозвестника.

В своей книге «Сын народа» Морис Торез вспоминает: «Я бывал иногда у Ромэн Роллана в его доме в Вильневе, на берегу Женевского озера... Мы прогуливались в этом маленьком зеленом уголке, над которым возвышаются вершины альпийских гор. Мы говорили о борьбе за мир, об успехах рабочего движения, о деятельности партии, принадлежностью к которой он гордился». Торез называет имя Роллана рядом с именами Анри Барбюса и Поля Вайяна-Кутюрье. Ведь еще в 1926 году Барбюс и Роллан основали «Международный комитет борьбы с фашизмом». А спустя шесть лет по их же инициативе был созван первый из международных конгрессов сторонников мира.

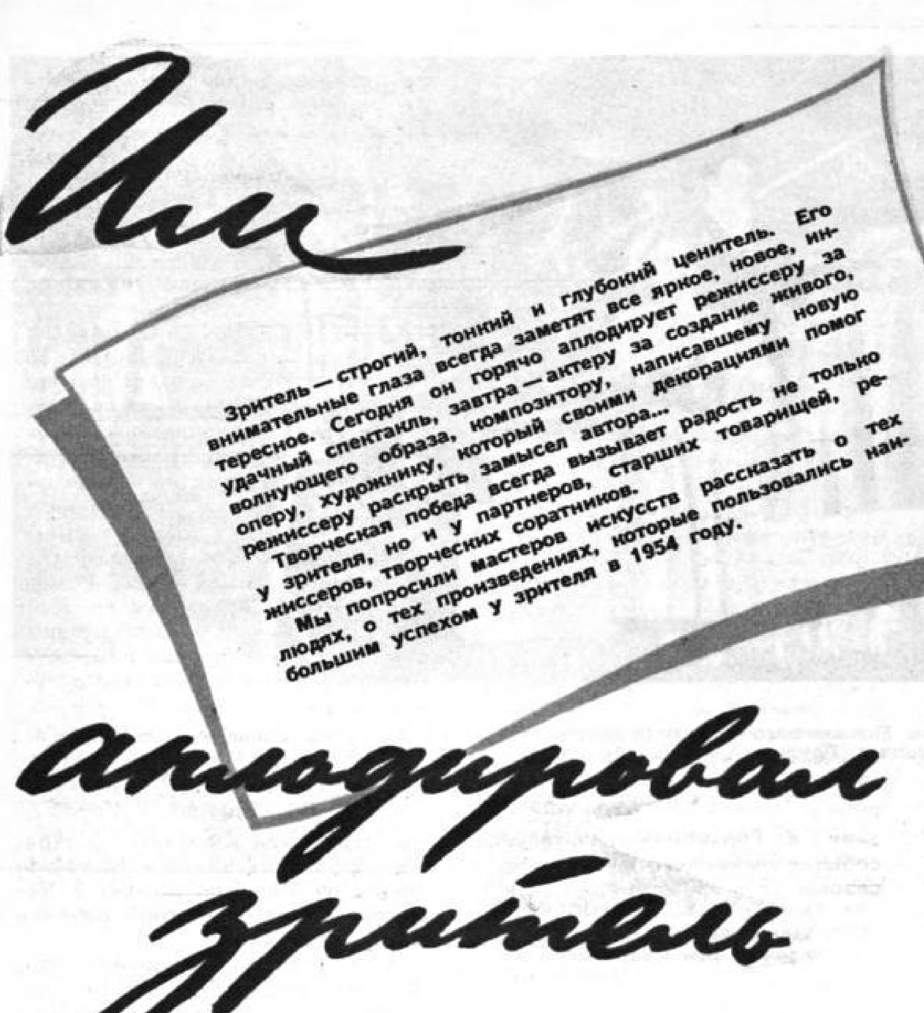
За год до своего семидесятилетия Роллан побывал в СССР. «Я уезжаю с подлинным убеждением в том, что я и предчувствовал, приезжая сюда: что единственно настоящий мировой прогресс неотделимо связан с судьбами СССР»,— говорится в прощальном письме Роллана, опубликованном в «Правде».

Мучительны были последние годы великого писателя. Старый и больной, он тяжело переживал несчастья своей родины, оккупированной гитлеровскими фашистами, хотя и не терял веры в то, что демократия победит фашизм. И когда она победила, он еще нашел в себе силы приехать в освобожденный Париж и побывать в советском посольстве. 30 декабря 1944 года Ромэн Роллан скончался.

«Человек — умирает, мысль его остается жить»,— говорил Горький. Само собою разумеется, что он имел в виду не мертворожденную мысль, цепляющуюся за обреченное прошлое, а мысль живую, такую, которая стремится к новому, к передовому, к будущему. Это стремление всегда воодушевляло Роллана. Вот почему жива его творческая мысль.

Л. СИМОНЯН

Им аплодировал зритель



Зритель — строгий, тонкий и глубокий ценитель. Его внимательные глаза всегда заметят все яркое, новое, интересное. Сегодня он горячо аплодирует режиссеру за удачный спектакль, завтра — актеру за создание живого, волнующего образа, композитору, написавшему новую оперу, художнику, который своими декорациями помог режиссеру раскрыть замысел автора...

Творческая победа всегда вызывает радость не только у зрителя, но и у партнеров, старших товарищей, режиссеров, творческих соратников.

Мы попросили мастеров искусств рассказать о тех людях, о тех произведениях, которые пользовались наибольшим успехом у зрителя в 1954 году.

Хельми Пуур — Одетта («Лебединое озеро»).

Фото Е. Умнова.

Солдат Шадрин

Если бы меня спросили, что значит «играть по-вахтанговски», я бы, не задумываясь, ответил: посмотрите И. М. Толчанова в спектакле «Человек с ружьем» (постановка Театра имени Евг. Вахтангова). В образе Ивана Шадрина, созданном Толчановым, органически сочетаются форма и содержание, чего всегда требовал основатель нашего театра. Вот Шадрин появляется на сцене, и в его взгляде, походке, в движениях его натруженных, намерзшихся, мозолистых рук виден человек, три года проведший в окопах. У Толчанова продумана каждая деталь, и это ведет к простоте и четкости сценического рисунка. В роли отсутствует столь ненавистный Вахтангову «бытовой мусор».

Толчанов создает неповторимо индивидуальный образ солдата Ивана Шадрина, и вместе с тем за этой фигурой зритель видит сотни тысяч таких же крестьян, одетых в солдатские шинели.

Убедительно и ярко показывает актер, как шаг за шагом отсталый, ограниченный мелкособственническими интересами крестьянин вырастает в подлинного бойца революции. Меняется его мироощущение, меняются даже глаза его, загораются молодым огнем, в них светится вера в правду народного дела. Революция как бы рождает этого человека заново. Он становится борцом за свободу и справедливость.

В толчановском Шадрине яркий реализм сочетается с революционной романтикой, или, говоря словами Горького, с ощущением «высоты великих целей будущего». Вот почему зритель восторженно следит за перипетиями духовного роста его героя, за его судьбой.

Б. ЗАХАВА,
народный артист РСФСР.

«Человек с ружьем» Н. Погодина в постановке Театра имени Евг. Вахтангова. Сцена в Смольном. В центре (читает) Иван Шадрин — народный артист РСФСР И. Толчанов.

Первая роль

Впервые я увидел Хельми Пуур на репетиции концерта Ленинградского хореографического училища. Она танцевала норвежский танец Грига, привлекая темпераментностью танца, четкостью его рисунка. Тогда и возникла мысль: попробовать поработать с девушкой над образом Одетты-Одилии в балете «Лебединое озеро».

Знакомство наше состоялось зимой 1953 года в Таллине, куда я выехал для постановки балета. В репетиционном зале театра оперы и балета «Эстония» ждала ме-

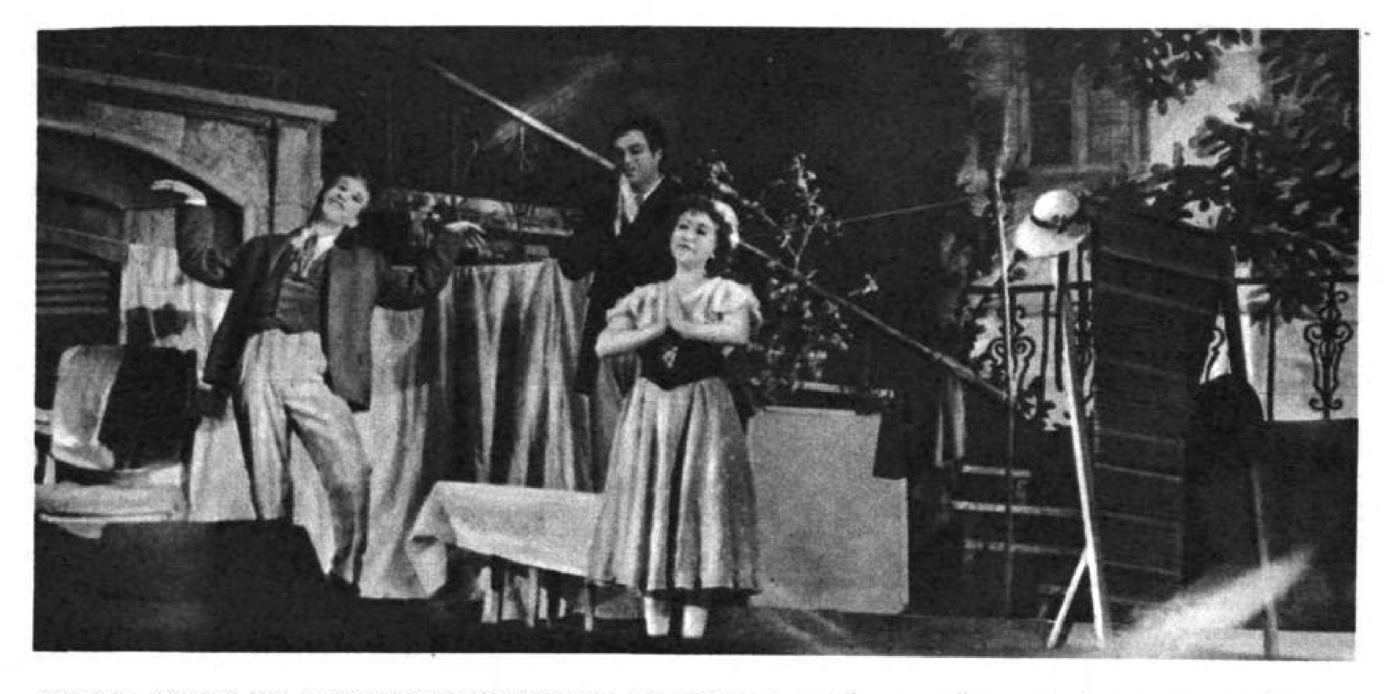
ня вызванная на первую репетицию Хельми Пуур. Будущая Одетта-Одиллия была явно перепугана. Мы начали с беседы о предстоящем спектакле, о главном образе. Я старался подбодрить юную артистку, говоря, что она справится с ролью. Но в ответ слышал одну неуверенную фразу: «Очень страшно, Владимир Павлович!»

Неуверенность — плохое качество, поэтому впечатление, оставшееся после нашего разговора, вселило и в меня некоторые опасения. Но как только раздались первые звуки музыки и Хельми начала репетировать, я понял, что выбор сделан правильно. Очень музыкальная, пластичная, с мягкими, выразительными руками, молодая исполнительница быстро и уверенно преодолевала технические трудности партии. Хельми Пуур ближе по характеру образ белого лебедя. Образ черного лебедя, полного коварства и обмана, резкого и страстного, долго оставался недоступным актрисе. Вовсе не удавался сначала финал вариации 3-го акта и фуэттэ. Не раз после очередной неудачи Хельми молча отходила в сторону, и по вздрагивающим ее плечам было видно, как тяжело будущая Одиллия переживает свою неудачу.

Прошло несколько месяцев упорного труда, ежедневных утренних и вечерних репетиций. И вот премьера в Таллине. Несмотря на молодость балерины и отсутствие сценического опыта, созданный ею образ лебедя отличался трогательной искренностью и простотой. Это ее первое выступление было и вступлением в трудовую жизнь актрисы.

Хельми Пуур в роли Одетты-Одиллии неоднократно танцевала и в Москве в Театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, и каждый раз зрительный зал встречал ее горячими аплодисментами.

В. БУРМЕЙСТЕР,
заслуженный деятель искусств РСФСР.



«Фиалка Монмартра» в постановке Московского театра Оперетты. Сцена из 2-го акта. Слева направо: Эрве — В. Шишкин, Рауль — А. Феона, Виолетта — А. Котова.

Фото О. Солистой.

«Степан Разин»

На сцене Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина поставлена опера «Степан Разин» (композитор—А. Касьянов, автор либретто — поэт Н. Бирюков). Спектакль смотрели уже десятки тысяч трудящихся города, колхозников из пригородных колхозов, учащихся.

На сцене горьковского театра еще в 1939—1940 годах была осуществлена постановка оперы в первой редакции. Спектакль и тогда имел успех, но авторы не прекратили своей работы и дальше, поставив себе целью углубить и развить центральную тему оперы.

В новой редакции либретто и в музыке полнее теперь выражен крестьянский характер движения, возглавляемого Разиным. Шире показаны двор и окружение царя Алексея Михайловича. Новые сцены «Коломенское» и «Дон» помогают раскрытию социального конфликта, достигающего особого напряжения в картине «Стан под Симбирском» (здесь нельзя не отметить хор «Поднялася да Русь крестьянская»).

Заметно обогатился в новой редакции образ главного героя оперы, Степана Разина: он показан в сцене столкновения с воеводой, среди народа в Астрахани, в диалогах с Одноусом, в эпизоде смерти матери и, наконец, в последней картине «единоборства» Степана с царем Алексеем Михайловичем. С большой проникновенностью музыка передает раздолье волжского пейзажа в картине «Струги».

В спектакле отличный музыкальный ансамбль, оставляющий цельное впечатление. Сильной стороной постановки этой народно-музыкальной драмы являются ее хоры, воссоздающие образ народа, страдающего и угнетенного, поднявшегося на борьбу.

В центральной партии выступает молодой артист А. Суханов— воспитанник Горьковской консерватории. Образ народного вождя в его исполнении многогранен: то мудрый и сосредоточенный, то буйный и стремительный, то нежный и радушный, глубоко человечный во всем, Разин сразу завоевывает симпатии зрительного зала.

Постановка оперы «Степан Разин» в Горьком — значительное событие нынешнего музыкального сезона.

Б. ПОКРОВСКИЙ,
заслуженный артист БССР, главный режиссер Большого театра СССР.

«Степан Разин» А. Касьянова в постановке Горьковского государственного театра оперы и балета имени А. С. Пушкина. Степан Разин — А. Суханов.

Фото Н. Капелюша.

Наша воспитанница

Когда Московский театр Оперетты решил ставить «Фиалку Монмартра» И. Кальмана, встал вопрос: кто будет играть заглавную роль,— пожалуй, одну из самых трудных в опереточном мировом репертуаре? «Фиалка»—молоденькая девушка. Но этого мало. Актриса, играющая эту роль, должна обладать внешним обаянием. Виолетта скромна и лукава, смела и робка. Почти вся роль ее проходит на пении — это музыкальная партия со сложной колоратурой и с такими нотами, как верхнее си, до, ре. И в то же время роль обязывает актрису исполнять так называемые «каскадные» номера, требующие виртуозного и изящного танца.

После некоторых споров и размышлений мы решили первой исполнительницей роли Виолетты назначить молодую актрису Анну Котову. Анна родилась в рабочей семье, окончила десятилетку, после этого два года была работницей на обувной фабрике. Участвовала в самодеятельности, оттуда была направлена в студию при нашем театре, а когда эта студия слилась с училищем имени Глазунова, Котова перешла туда. После окончания училища она принята в наш театр. Музыкальность артистки, ее теплое и подвижное колоратурное сопрано, серьезное отношение к каждой порученной ей работе, старание отшлифовать все детали роли, естественность поведения на сцене — все предвещало удачу.

И вот уже наш взыскательный, не прощающий никакой фальши или суррогата зритель аплодирует юной актрисе горячо и единодушно.

Гр. ЯРОН,
народный артист РСФСР.

Молодые киноактеры

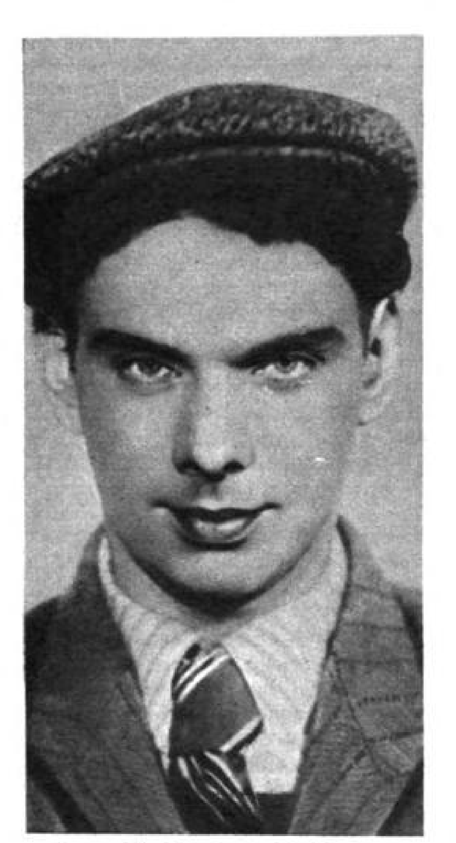
Недавно на экранах страны демонстрировался фильм «Большая семья». Наш творческий коллектив стремился воплотить на экране хорошо знакомые и полюбившиеся читателю по роману В. Кочетова образы чудесной рабочей семьи Журбиных.

Мне, участнику создания этого фильма, трудно судить о том, насколько наши желания и стремления увенчались успехом. Но что мне кажется бесспорным,— это большая удача самых молодых дебютантов — Елены Добронравовой и Алексея Баталова, создавших убедительные, обаятельные и многогранные образы Кати Травниковой и Алеши Журбина. Я несколько раз был в зрительном зале во время демонстрации фильма. Живой отклик зала красноречиво говорил о несомненной талантливости молодых актеров.

Катя Травникова — Е. Добронравова.

Катя Травникова и Алеша Журбин — в общем обыкновенные молодые советские люди, и вместе с тем у каждого из них свои индивидуальные черты, у каждого свой сложный характер, у каждого своя, неповторимая судьба.

Добронравова и Баталов при-



Алексей Журбин — А. Баталов.

шли в кино прямо со школьной скамьи. Больше того, Лена Добронравова одновременно со съемками сдавала выпускные экзамены в Театральном училище имени Щукина. Но не только в училище началось воспитание молодых артистов: они с детства впитали в себя любовь к искусству.

В памяти многих еще живы незабываемые образы, созданные на сцене Художественного театра Борисом Георгиевичем Добронравовым, отцом Лены. Алексей Баталов — сын заслуженного артиста РСФСР, режиссера МХАТа В. Баталова, окончил школу-студию МХАТа.

Первая работа — серьезный экзамен для каждого молодого специалиста. Этот экзамен и Е. Добронравова и А. Баталов выдержали с честью.

И, покидая кинозал, зритель уносит в памяти обаятельные образы Кати Травниковой и Алексея Журбина, созданные молодыми исполнителями.

С. ЛУКЬЯНОВ,
народный артист РСФСР.

Художник театра

Кому из работников театра не известны томительные минуты приятного и трепетного ожидания начала спектакля? Вот сейчас колыхнется театральный занавес, вот он медленно раздвинется, и начнется то, во имя чего из разных концов города собрались сюда люди,— представление.

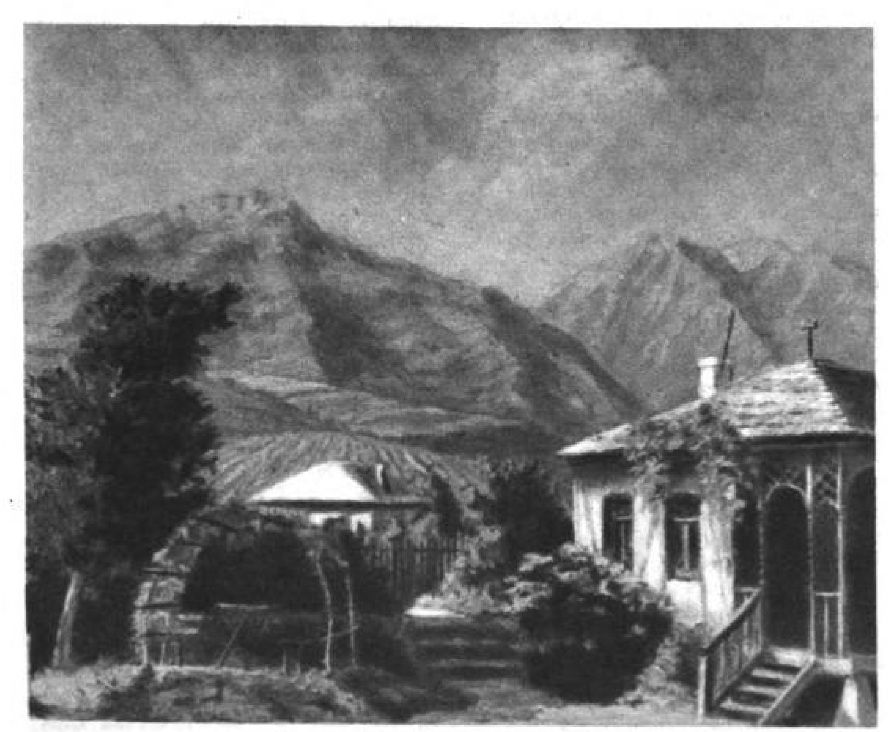
Иной раз уже в первые минуты решается участь пьесы, спектакля, успех или неуспех театра. Сумеет ли его коллектив сразу же завладеть сердцами зрителей, заставить их поверить в происходящее, заинтересовать? Во многом это зависит и от театрального художника.

Подлинным даром театрального оформителя, умеющего ощутить себя действенным участником спектакля, обладает молодой художник Центрального театра Советской Армии А. Матвеев. Его декорации красочны, выразительны, наполнены чувством любви к природе. Они переносят зрителя то в солнечную Грузию («Стрекоза» — ЦТСА), то на поля Белоруссии («Извините, пожалуйста» — ЦТСА), то в могучие леса Урала («Опасный спутник» — Малый театр), то в раздольные донские степи («Сердце не прощает» — МХАТ СССР имени Горького).

Одновременно с театральным молодой художник получил и специальное техническое образование: он окончил школу-студию МХАТа СССР имени Горького и Московский энергетический институт имени Молотова. За научную работу по вопросам светотехники Матвееву была присвоена степень кандидата технических наук. Такая серьезная подготовка потребовала от молодого художника больших усилий, но всегда в трудные минуты его поддерживала настоящая любовь к театру, к искусству.

В этом году декорации А. Матвеева заслужили премию на творческом смотре молодых работников театра. Зрители высоко оценили первые шаги А. Матвеева. Это обязывает его к новым творческим исканиям, к поискам более точных, выразительных и лаконичных решений.

Д. ТУНКЕЛЬ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.



Эскиз декорации А. Матвеева к спектаклю «Стрекоза» в ЦТСА.

МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ЯВЬЮ

Борис ЛЯПУНОВ

...Луна приближается... Даже в самый сильный телескоп не бывает так хорошо виден мертвенно-дикий, исполненный суровой красоты пейзаж. Игра света и тени, которую мы привыкли видеть на фотографиях, становится еще резче, отчетливее. Чужой, неведомый мир уже близок, и позади долгие часы первого космического рейса, далеко позади осталась Земля.

Но еще до того, как началась эта самая необыкновенная в истории человечества экспедиция, луч радиолокатора привел на Луну первую ракету без людей.

На экранах телевизоров увидели звездное небо таким, как оно выглядит за атмосферой. Солнце с короной, которая нам показывается только во время затмений, там — всегда ослепительный шар, с поверхности его вздымаются огненные фонтаны протуберанцев.

Сменялись кадры необыкновенного кинофильма: так же, как сейчас, приближался серебряный шар, потом он вдруг перевернулся и медленно стал расти, превращаясь в огромную чашу. Обгоняя ракету, понеслось вниз древко флага и исчезло. Мгновение — и на экране остановился, замер причудливый горный пейзаж. Скалы, хребты, пики. Вдали заметен флаг, безжизненно опущенный, ибо ветра там не бывает. Все равно этот символ победы возвестил о прилете посланца Земли, и навеки останется древко в каменистом грунте, на который еще не ступала нога человека.

Потом были кадры, повествующие о другой никогда не виданной жителями Земли стороне Луны. Казалось, несколько шагов — и можно стать на ту площадку, что нависла каменной глыбой над черным, бездонным ущельем. Хребты сменялись плоскими равнинами, цирки — глубокими трещинами. Ракета пронеслась над ними и привезла драгоценную пленку самого удивительного в истории кинофильма — фильма, снятого почти за полмиллиона километров от Земли.

Теперь по проторенной небесной дороге несутся к Луне люди, чтобы не только увидеть ее издали, на экране, но и самим ступить на поверхность древнего спутника Земли, чтобы не только созерцать, но и дотронуться до него.

Земля и Луна словно поменялись местами. Земной шар, подобно лунному, меняет фазы — от узкого серпа до полного диска. Луна закрывает собою полнеба и властно зовет к себе. Если повиноваться ее притяжению, через несколько часов корабль со страшной силой врежется в скалы. Ничто не смягчит удара. Беззвучный взрыв — ведь воздуха нет! — превратит ракету в груду осколков. Еще один кратер появится на изрытом лике лунной пустыни.

Но у корабля достаточно силы, чтобы бороться с притяжением и тормозить спуск. Поворот. Земля и Луна буквально меняются местами, и не вверху, а внизу оказывается манивший к себе шар. И вот короткие языки пламени вырываются из ракеты в сторону Луны. Она уступает, прекращается ее грозно-стремительный рост, который готов был возвестить катастрофу. Луна приближается уже медленно, и бурное падение сменяется плавным спуском, словно над ракетой открылся купол парашюта.

У ракеты вырастают ноги — выдвинут посадочный треножник, смягчающий толчок при посадке и не дающий упасть набок. Лунная поверхность совсем близко — будто находишься в центре круга, по краям которого выстроились бесконечные горы. Скорость упала почти до нуля. Толчок — и корабль на Луне.

Кажется, что давно известно, какая картина откроется за окнами корабля. Но, несмотря на это, ни с чем не сравнимое чувство овладевает межпланетными путешественниками. Усильте в тысячу раз волнение мореплавателя, увидевшего остров в океане, которого нет на карте,— и все равно не передашь восторга победителей Вселенной, открывших не клочок суши в привычном нам мире, а целый мир, ранее никому не знакомый.

Нестерпимо медленно тянется время, пока надевается скафандр и откачивается воздух из двойного шлюза. Ведь за стенками пустота, и нельзя, чтобы воздух устремился наружу. Наконец все готово. В тесной камере — крохотном кусочке безвоздушного мирового пространства — стоит путешественник, готовый к выходу, похожий в своем «пустолазном» костюме на глубоководного водолаза или на фантастического робота.

И вот он наконец на поверхности Луны.

Черное небо, усеянное немигающими звездами. Яркое Солнце, по краям которого клубятся огненные вихри — протуберанцы. Большой голубоватый шар неподвижно висит в небе — Земля, луна Луны.

Взору открывается страна ущелий и гор, каких не встретишь на Земле. Горы, причудливо свернутые в огромные кольца и вытянутые в длинные цепи, горы, усеявшие вперемежку с трещинами всю лунную поверхность. Легко

поднявшись на вершину одной из гор, люди обозревают лунную панораму...

Постепенно спутник Земли будет изучен так же хорошо, как и сама Земля. Наши музеи, в которых лишь осколки метеоритов являются единственными представителями чужих миров, пополнятся лунными экспонатами. Появятся полные географические карты Луны. И в истории самой Луны откроется новая глава. Возможно, ей суждено будет стать научно-исследовательским институтом в космосе и вокзалом кораблей Вселенной. Обсерватории, оборудованные по последнему слову астрономической техники, возникнут на Луне, лишенной воздуха и потому идеально удобной для наблюдений. С небесной станции телескопы станут ловить свет звезд, фотографировать Солнце, мощные радиолокаторы — локировать поверхности планет, радиостанции — принимать сигналы из мирового пространства.

Четверть века назад К. Э. Циолковский выдвинул идею составного ракето-поезда...

В подлунном городке, где менее ощущаются резкие колебания температуры, устроят склады горючего, жилые и служебные помещения. А в застекленных оранжереях, под солнечным светом днем, под искусственным ночью, будут выращивать овощи и фрукты. Огромные зеркала поймают энергию Солнца, гелиоэлектростанции дадут ток, нужный для того, чтобы отапливать и освещать станцию в морозные лунные ночи. Ракетодромы послужат для приема и отправки ракет с Земли и на Землю, на планеты и на спутники планет. Радио и солнечный телеграф свяжут Луну с остальным миром. Так появится, возможно, когда-нибудь жизнь на безжизненной Луне, и человек прочтет тогда неведомые страницы ее истории...

Лунный перелет, станция на Луне, полеты к другим планетам... Суждено ли осуществиться этой мечте? Найдена ли дорога к звездам? На этот вопрос можно ответить: да! Доказана возможность осуществления межпланетных путешествий. Президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов сказал, что наука уже достигла такого состояния, когда возможна посылка ракеты на Луну, создание искусственного спутника Земли.

Велики трудности, стоящие перед создателями космической ракеты, рано еще говорить о ракетах-гигантах с десятками пассажиров. И, тем не менее, полет в мировое пространство теперь не просто увлекательная тема фантастических романов, а реальная техническая задача.

Мы, жители Земли, ее пленники, мы прикованы к ней цепями, которые пока еще не в силах разорвать: никто не избавлен от власти земного притяжения.

Но способ борьбы с ним указан наукой. Известно, что с чем большей скоростью брошено тело, тем дальше оно улетит. При начальной скорости около 8 километров в секунду снаряд никогда не упадет на Землю. Он полетит вокруг земного шара по замкнутой кривой — эллипсу — и станет маленькой «луной», спутником нашей планеты. Если скорость еще более возрастет, в полтора — два раза, снаряд станет самостоятельным небесным телом, уже не спутником Земли, а ее братом, таким же, как и она, спутником Солнца, равноправным членом семьи планет.

Достижимы ли «заветные» космические скорости, открывающие дорогу в межпланетное пространство? Знаменитый русский ученый Константин Эдуардович Циолковский попытался представить себе сначала, какие условия придется встретить кораблю среди планет и звезд. Воздуха нет, безвоздушное пространство. Как двигаться в нем, если нет никакой опоры для движения? В поисках аппарата, удовлетворяющего этим требованиям, великий наш соотечественник остановился на ракете. Он открыл непреложный закон, которому подчиняется ее движение: скорость ракеты может достичь огромных величин, если относительный запас топлива в ней достаточно велик.

Чтобы преодолеть трудности, связанные с размещением в ракете очень больших запасов топлива, ученый выдвинул идею создания ракето-поезда, состоящего из нескольких ракет. Лишь одна из них несет полезный груз, а остальные постепенно разгоняют ракетный корабль до необходимой космической скорости. Израсходовав свое горючее, ракеты-ускорители отбрасываются. Обеспечив им благополучный спуск на Землю, их можно использовать снова.

Конечно, составную ракету построить не так-то просто. Однако теперь, спустя четверть века после рождения идеи, жизнь начала подтверждать верность найденного К. Э. Циолковским пути.

Заманчивые перспективы открывает для межпланетных сообщений применение атомной энергии. Энергия атома, возможно, позволит увеличить скорость истечения газов из сопла ракеты до десяти, двенадцати и более километров в секунду, что сильно увеличит скорость движения самой ракеты и сократит сроки межпланетных путешествий. Атомное горючее даст возможность совершать полеты даже с высадкой на планеты и спутники планет и повысит надежность межпланетных сообщений. Отсюда свобода маневра, что особенно важно в космическом рейсе, в котором могут встретиться всякие неожиданности и трудности.

Нынешний уровень техники позволяет представить себе общие контуры будущего космического корабля.

В пассажирской ракете — герметическая кабина со всем необходимым для жизни и научных наблюдений. В ней сосредоточены приборы, аппаратура управления, радиооборудование, фото- и киноаппараты, отопление, системы снабжения кислородом, очищения и кондиционирования воздуха. В средней части размещаются топливные баки, в кормовой — ракетный двигатель. В грузовом отсеке сложены скафандры для выхода в безвоздушное пространство, продовольствие и другие грузы. Кабина может превращаться в посадочный планер после отделения от корпуса ракеты. Для этого у нее имеются выдвижные крылья.

Первому полету в мировое пространство должны будут предшествовать огромная подготовительная работа на Земле и подъемы на большие высоты ракет-автоматов, а затем и пассажирских ракет. Широким фронтом развернутся научные исследования.

Физики и биологи изучат влияние перегрузки, которая встретится при ускоренном полете ракеты, явление невесомости, которую испытывают все свободно падающие тела в пустоте, действие ультрафиолетовых солнечных лучей, высоких и низких температур... Приборостроители сконструируют автоматические механизмы для управления полетом ракет, многочисленные приборы для космической навигации, физических, астрономических и других исследований. Металлурги и химики разработают материалы для ракет, двигателей, приборов. Радиотехники обеспечат связь и телемеханическое управление на больших расстояниях, сквозь атмосферу. Возможно, что первыми отправятся на разведку Вселенной, к Луне и планетам ракеты, управляемые по радио и передающие по радио показания приборов и телевизионные изображения.

Будущим межпланетным путешественникам грозит опасность встречи с метеорами. Столкновение с небесным камнем, даже маленьким, может быть гибельным для корабля. И, хотя вероятность такой встречи невелика, необходимо предусмотреть защиту от нее.

Более полувека назад К. Э. Циолковский впервые в мире высказал идею создания внеземной станции. «Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу и стать спутником Земли»,— писал он.

Трудно переоценить, какой громадный научный интерес представит такой спутник — летающая астрономическая обсерватория. Она позволит получить новые ценные сведения о деятельности Солнца и космическом излучении, о явлениях в самых верхних слоях воздушной оболочки нашей планеты, о состоянии облачного покрова и т. д. Все это тесно связано с жизнью на Земле.

Спутник можно будет использовать и как промежуточную станцию для увеличения дальности телевизионных передач. Таким образом, лаборатория на спутнике поможет решать проблемы, важные для народного хозяйства.

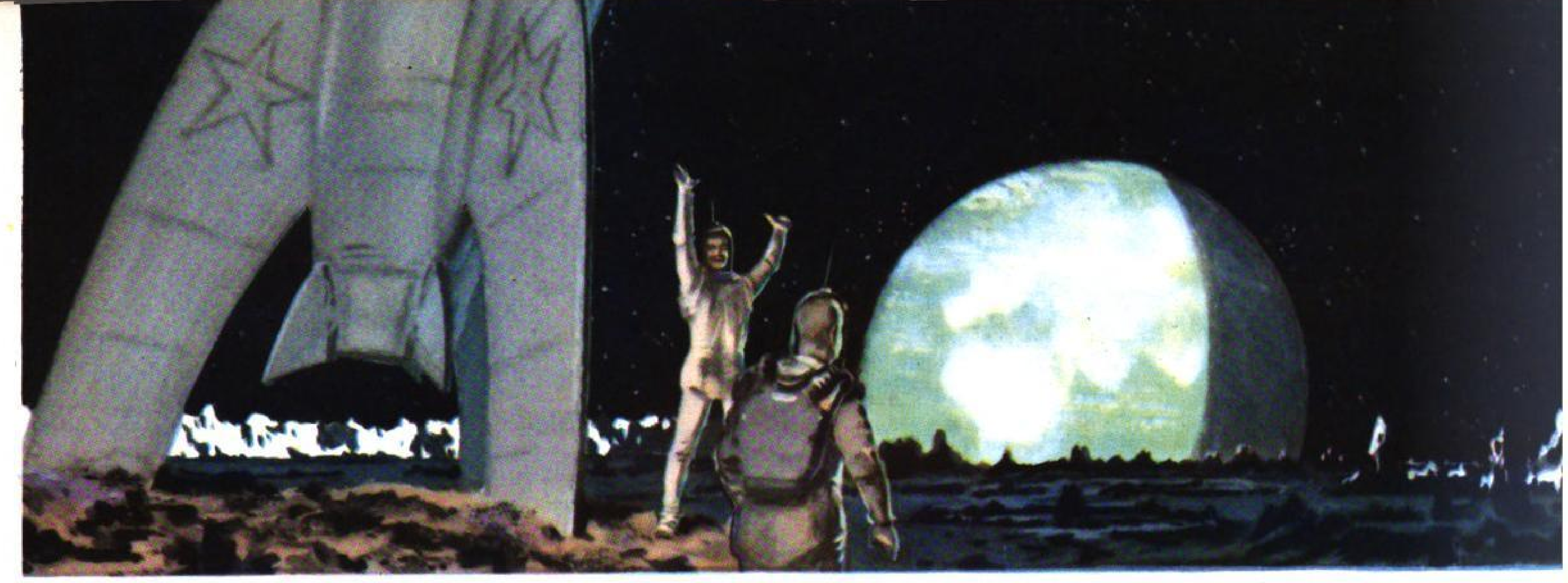
Внеземная станция послужит и базой для межпланетных кораблей, на которой они смогут пополнять запасы топлива.

В империалистических государствах кое-кто рассматривает проблему полета в мировое пространство и создания станции вне Земли с точки зрения своих агрессивных планов. Вот о чем, например, мечтает реакционный американский журнал «Кольерс»:

«Межпланетную станцию можно превратить в поразительно эффективный транспортер атомных бомб... Небольшие крылатые ракетные снаряды с атомными боевыми зарядами можно было бы выпускать со станции таким образом, что они будут поражать избранные цели со сверхзвуковыми скоростями. Путем одновременного наблюдения с помощью радара за снарядами и мишенью эти ракеты, несущие атомные заряды, можно было бы точно направлять в любую точку поверхности Земли».

Создатель новой науки—астронавтики — Константин Эдуардович Циолковский мечтал о покорении Вселенной для благоденствия и процветания всего человечества. В нашей стране величайшие открытия современности, достижения науки и техники используются для мирных целей, для счастья народа. Советские люди строят атомные электростанции, советские люди построят и станции вне Земли — форпост науки во Вселенной.

В 1954 году Президиум Академии наук СССР учредил золотую медаль имени К. Э. Циолковского за выдающиеся работы в области межпланетных сообщений. Творчески разрабатывая наследие основоположника звездоплавания, советские ученые откроют дорогу в мировое пространство. Вековая мечта человечества станет явью.



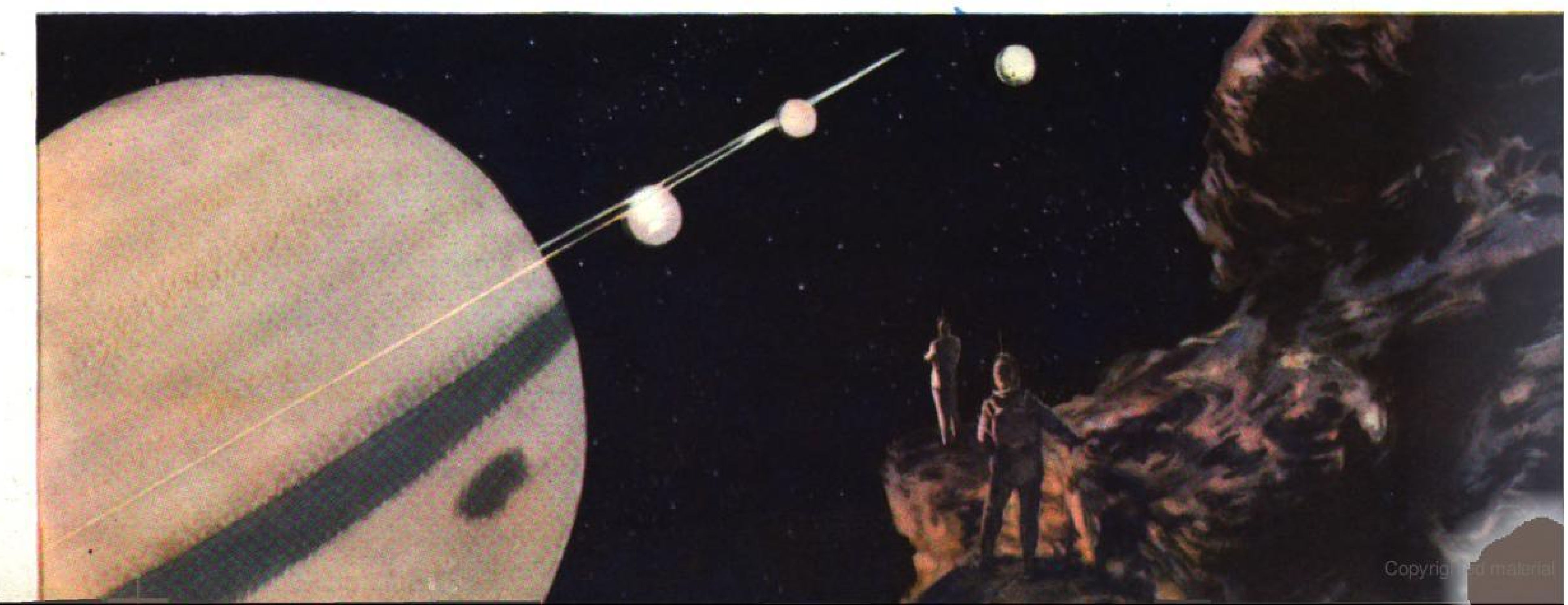
Первые космонавты на Луне. Покинув свой звездолет, они приветствуют восходящую на горизонте Землю.

Над безмолвной краснобурой пустыней Марса восходит один из его спутников.

Осуществление межпланетного полета бесконечно расширит научное представление о Вселенной. Перед нами предполагаемый облик нескольких планет.

Рисунки художника Н. Гришина.

С обрывистого утеса одной из нескольких лун Сатурна можно будет обозревать эту далекую планету.



Солистка балета Государственного Академического Большого театра СССР заслуженная артистка республики Майя Плисецкая.

Фото Е. Умнова.

МАГАЗИН ЗВУКОВ

Лев СЛАВИН

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Таких бойких и шумных перекрестков в Москве немало.

Но если вы вслушаетесь в уличный шум, то с удивлением обнаружите, что здесь, на углу Неглинной и Пушечной, к автомобильным гудкам, фырканью моторов и прочей так называемой музыке большого города примешивается музыка в прямом смысле этого слова: звуки рояля, скрипичные пассажи, звон гитары, глухие удары бубна.

Источник перед вами — на фронтоне дома краткая надпись: «М у з ы к а».

В витринах желтеет медь тромбонов и валторн, скрипки изгибают свои тонкие лебединые шеи. Это специализированный музыкальный магазин.

Прежде чем купить инструмент, будь то аккордеон, балалайка или турецкий барабан, надо его опробовать, не правда ли?

И пробуют. Весьма усердно. С утра до вечера. Здесь всегда играют, здесь нет антрактов. Магазин «звучит» целый день, как огромная музыкальная шкатулка.

Не так ведь просто выбрать, например, баян. Всегда найдутся добровольные советчики. Молодой токарь откладывает на прилавок уже четвертый инструмент.

Продавец терпеливо снимает с полки пятый. Он понимает покупателя: баян — вещь серьезная, недешевая. Его, как и фотоаппарат или мотоцикл, покупаешь не на один день. Кроме того, баянист принадлежит не одному себе, он в некотором роде собственность общественная. Его функция — доставлять эстетическое наслаждение окружающим.

Токарь растягивает меха баяна. Воздух оглашается низким, густым, протяжным звуком. Добровольные консультанты одобрительно переглядываются. Смотрят на марку инструмента: так и есть, тульский! Как известно, Тула к своей оружейной и самоварной славе присоединяет славу города, где производят лучшие баяны, так же как в Шуе — гармоники, а в Калуге — лучшие аккордеоны. Клиенты магазина на Неглинной хорошо знают музыкальную географию страны.

От другого прилавка несутся вибрирующие звуки смычковых. Мечтательно и сосредоточенно уставившись вдаль и медленно водя смычком, девушка извлекает из скрипки тихую, нежную мелодию.

Рядом молодая женщина просит показать ей скрипку.

— Вам артистическую? Сольную? Оркестровую? — осведомляется продавец.

— Это не маме, а мне,— раздается голос.

Девочке девять лет, и она поступила в музыкальное училище. Продавец вручает ей скрипку-«половинку».

— Такая маленькая? — разочарованно говорит девочка.

— Подрастешь, получишь вот эту, а станешь взрослая, — вон ту, — утешает ее продавец, указывая на «трехчетвертную» и «целую» скрипки.

— А когда стану старенькая, вот эту? — спрашивает девочка, указывая с некоторым ужасом на контрабас.

В это время в другом конце магазина раздается мощный рев, покрывающий на секунду все остальные звуки: несколько юношей одновременно дунули в духовые инструменты: трубу, кларнет, альт, валторну, тенор, баритон и басгеликон. Их десять человек, но это один покупатель — оркестр. Самодеятельный оркестр клуба московского завода «Станколит».

А по соседству разгорелись патефонные страсти: выбор пластинок. Здесь покупатель несколько иной. Музыкальные инструменты приобретают те, кто играет на них. Даже в любителе губной гармоники живет душа артиста. А охотники за пластинками знают одно искусство — вертеть ручку патефона.

Неразбериха звуков достигает тут своего предела: героическая ария Олега Кошевого из оперы «Молодая гвардия» смешивается со сладким «Полонезом Филины» из оперы «Миньон».

Неподалеку от экспансивных поклонников механической музыки слышно тихое, деликатное треньканье щипковых: гитар, мандолин, домр, балалаек.

Едва ли не больше всего спрос на гитару. Она спорит в популярности с баяном. Сколько поэзии наросло на этом старинном романтическом инструменте! Студент облюбовал себе гитару.

— Хороша! — говорит он.— Сразу слышно: Шихово.

— Это что же? — спрашивает его спутница.— Такой тип гитары? Испанский? Или итальянский?

— Шихово? Деревня под Звенигородом. Там испокон веков делают гитары, балалайки и вообще народные инструменты.

По правде сказать, название это — «народные инструменты» — в наши дни заслуживают уже не только щипковые. По своей распространенности пианино сейчас не менее народный инструмент. Их раскупают стремительно. Только успевают вкатить в магазин ленинградское, калининское или черниговское пианино, как на нем появляется скучная надпись: «Продано».

Впрочем, это относится не только к пианино: Не хватает скрипок, баянов, гитар и других инструментов.

Магазин на Неглинной хорош, культурен, но обладает крупным недостатком: он единственный. А один специализированный магазин даже с миллионным месячным оборотом не удовлетворяет музыкального аппетита Москвы.

Шехерезада

Вацлав ВЕЙСАДА

Рисунки Е. Горохова.

Иозеф Клапршта посмотрел на свою изуродованную ногу, повернулся, насколько она ему позволяла, на койке и сказал:

— Так вы, сестрица, хотите услышать, как это со мной случилось? И у вас есть время, говорите? А у меня теперь из-за этой ноги времени хоть отбавляй. Так слушайте.

...На этой вот табличке, что у меня над головой, написано «Автомех». Это значит, что моя профессия — автомеханик. И вот в этом году смастерил я себе, сестрица, мотоцикл. Мотор от «стопятидесятки» поставил на облегченную раму, и ходила моя «ракета», как машина на девяносто кубических сантиметров. Но вы-то, наверное, не разбираетесь во всех этих тонкостях. Две недели назад поехал я в Леваны на пруд. В тот день было довольно прохладно: накануне шел дождь. Мне захотелось просто проветрить машину — о купанье я и не думал. Накупаюсь, думал, вволю, когда пойду в отпуск. Однако сейчас конец июля, самое лучшее время для купанья, а я лежу тут с этой своей дурацкой ногой...— Иозеф с глубоким презрением посмотрел на свою искалеченную ногу. Потом вздохнул и продолжал: — Доехал я до Леван, у пруда остановился, осмотрел пляж. Был он почти пустой, лежало и сидело на нем не больше десяти человек, если даже считать деда, который выдает на прокат лодки. Солнце не светило, купаться совсем не хотелось. И в эту минуту, сестрица, я увидел ее. Увидел и через минуту был около нее.

Лежала она на тонком одеяле, разостланном на песке, и я сразу подумал, что так, наверное, выглядела Шехерезада,— знаете, такие у нее черные волосы. А глаза, как глубокие колодцы. Это, видно, оттого, что у нее огромные черные ресницы.

Подошел к ней и сказал «просто гениально»:

— Извините, здесь свободно?

— Тут везде свободно,— ответила Шехерезада.

А я, не дожидаясь ответа, уже расстилал около ее одеяла свой купальный халат, взятый на всякий случай. Лег довольно свободно, с намерением вступить в разговор, но потом вдруг вспомнил, что забыл представиться. Вскочил так, что она даже немного испугалась, протянул руку и сказал:

— С вашего позволения, Иозеф Клапршта.— Но как только произнес свое имя, показалось мне, что звучит оно очень уж буднично для такой красавицы. И тут же быстро добавил: — А называют меня Джо.

Черт знает, почему это пришло мне в голову. Сказал — и у самого перехватило дыхание. Девушка кинула на меня быстрый взгляд и ответила:

— А я Мария Давидкова, и называют меня просто Маржена.

Я почувствовал, что у меня совсем пересохло в горле. А она спокойно оперлась подбородком на сложенные руки и смотрела прямо перед собой. Наверное, думаю, я для нее значу сейчас не больше, чем этот вот муравей. Я же на своем купальном халате чувствовал себя, как на ковре-самолете, летал где-то над горами. А на самом деле я был рядом с Шехерезадой и чувствовал, что у меня выступила краска даже за ушами из-за этого глупого «Джо». Когда я немного очухался, то оказалось, что внимательно разглядываю пальцы на своих ногах. Стало мне почему-то стыдно, посмотрел на девушку, вижу, она тоже смотрит на меня. И тут уж такое смущение овладело мной, хоть совсем пропадай. Бывают, сестрица, в жизни человека такие минуты. И вдруг ни с того, ни с сего спросил:

— А вы действительно пришли сюда купаться?

— Действительно.— И усмехнулась при этом.

А я, сестрица, не знал, что делать. Ощущение было такое, будто я нахожусь на рентгене: говори, что хочешь, а врач все равно знает, что у тебя там внутри. Впрочем, это было еще неприятнее, чем рентген, и в то же время приятнее. Минутку посмотрел ей в глаза, а потом не выдержал, начал усердно чесать себе колено. И молчал, как рыба.

Было мне действительно жарко, да и солнышко начало припекать. Ну, думаю, сейчас спрошу ее, не хочет ли она выкупаться. И если ответит, что нет, полезу в воду и буду сидеть там, пока не посинею.

Но тут Шехерезада сказала:

— Я видела, как вы приехали. У вас машина «Зетка», 125 кубических сантиметров, да?

И в этом было мое спасение, сестрица. Раз она заговорила про машину, тут я уж мог болтать сколько хочешь. Объяснил я ей ее ошибку и заодно сказал, что машину слепил сам. Рассказал, что я автомеханик, специалист по электрооборудованию машин, что меня это немного тяготит, мне хотелось бы быть конструктором моторов, и что, как мне кажется, у меня есть к этому призвание. Рассказал, как делал свою «ракету», а она спрашивала и о том и о другом; удивить ее нельзя было ничем.

Потом я спросил, не хочет ли она посмотреть мое творение поближе. Она согласилась. Показал ей все, и она, представьте себе, сестра, во всем отлично разобралась. Вот тебе и девушка! Меня это даже немного удивило. Обычно девушки в этих делах не очень-то разбираются: хорошо, если отличат бензиновый бак от рефлектора. Она знала абсолютно все. Потом призналась, что имеет права водителя. И тут я пригласил ее прокатиться. Сначала отнекивалась, но потом села, как была, в купальном костюме, и мы поехали.

Я на своей «ракете» делал прямо-таки чудеса. Показал ей, как здорово тянет мотор, даже показал кое-какие «фокусы». Потом сошли с машины. Было это у чудесного лесочка, удивительно хорошо пахла трава после вчерашнего дождя, птицы так пели... А я словно помешался на этой машине. Все говорил про нее, говорил и опять повторял снова.

Когда теперь вспомню об этом, сестрица, так думаю: некому было хорошенько стукнуть меня по голове. Ведь я бы мог сидеть рядом с ней на траве, мог пожимать ее руку и говорить о том, что вот, мол, мир для меня был пустой, пока я не встретил ее. Но где там! Вместо этого я бубнил:

— Попробуйте, прокатитесь, почему вы не хотите попробовать? Ничего не случится, только обратите внимание на сцепление: оно очень хорошо действует. Со светом ничего не пытайтесь делать, свет не работает. Сигнал тоже не действует.

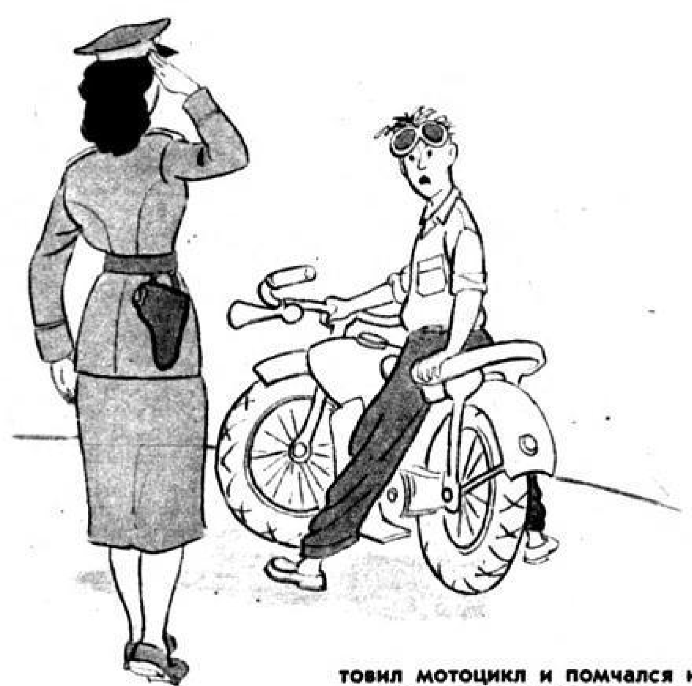
Тут я ее, кажется, чем-то смутил. Она покрутила головой, давая мне понять, что одна не поедет. Я подумал: «Хорошо, что про тормоза ничего не сказал; они ведь у меня совсем не работают. А то она, пожалуй, побоится ехать со мной».

И вдруг подумал про эту самую траву и про возможный разговор о пустом без нее мире и обо всем таком прочем, но было уже поздно. Она сказала, что должна ехать домой и не возражает, если я довезу ее до пруда. Я выразил желание довезти ее по крайней мере до Праги. Но она не захотела: дескать, далеко, она живет у площади Победы. Я спросил:

— А на какой улице?

Я не хотел совсем потерять ее из виду. И мне повезло. Она спокойно назвала улицу и номер дома. Только спросила, почему это мне интересно.

— Да я живу недалеко от вас,—



ответил я,— так, специально, конечно, я бы и не поехал.

— Где? — спросила она.

Я ничего не мог придумать сразу: живу-то я в другом конце города; что-то пробормотал сначала, а потом наугад сказал, что в Высочанах.

— На мотоцикле это двадцать минут всего.

Но, кажется, она мне не поверила. Первый тур был проигран. Довез я ее до пруда, а когда прощался, то спросил, не хочет ли она поехать со мной в субботу погулять. Мария внимательно на меня посмотрела, и опять я был, как на рентгене. А потом сказала, что могу придти к ней пешком, и что могу купить два билета в театр, и что она с удовольствием пойдет на любой спектакль по моему выбору.

Я обещал ей сделать все, что она хотела,— об этом вы, наверное, догадываетесь, сестрица,— и распрощался с ней в чудесном настроении. Когда ехал домой, то всю дорогу думал, как мне поступить, в какой театр взять билеты, чтобы это было действительно приятно Марии. Знаете, если бы она сказала: проверьте карбюратор или что-нибудь другое такое,— тогда иное дело. А тут театр. Когда я был уже в постели и засыпал, все об этом думал. А потом у меня в голове все смешалось, и я уснул, как чурбан. Утром придумал: спрошу-ка я Гонзу со склада. Он у нас председатель культкомиссии, наверное, плохо не посоветует.

Гонза посоветовал взять билеты на «Шехерезаду»,— она как раз шла в субботу. Я страшно обрадовался: ведь это имя мне пришло в голову сразу, как только я увидел Марию. Весь понедельник и весь вторник я был сам не свой: напевал, свистел, то и дело заглядывал в бумажник, где лежали два билета в третий ряд партера.

В среду, так в середине дня, я подумал, что должен к субботе приготовить для Марии еще что-нибудь, кроме билетов в театр, нечто особенное, выдающееся. И тут я подумал о тете Розе из Брандейса. У тети есть небольшой садик, а в нем растут такие розы, каких во всей Праге не сыщешь. Чайные розы, чудесный букет чайных роз — вот что я подарю Марии.

Сейчас же после смены приготовил мотоцикл и помчался к тете. Она, когда увидела меня, чуть не упала со стула. Приготовила кофе, подала булочки. А когда я попросил у нее букет роз, то повела меня в сад и сказала, чтобы я сам выбирал, какие нравятся. И — что удивительно — сразу ни о чем не спросила, хотя знала, что не зря я приехал к ней за этим делом. Она очень добрая, тетя Роза, я люблю ее больше всех остальных родичей.

Я сказал ей, что розы мне будут нужны в субботу. Попросил, чтобы она приготовила букет, а я заеду за ним сразу же после работы.

— С удовольствием, Пепик, сделаю тебе букет. А, собственно, для чего он тебе нужен? У вас вроде никто не именинник в эти дни.

Я покраснел до самых ушей, начал что-то бормотать. Тетя погрозила мне пальцем, но я был уже за воротами.

Домой ехал потихоньку. До вечера было еще далеко, солнышко светило так ласково, и я представлял себе, как встречу в субботу Марию, как она удивится букету. С этими мыслями доехал до Кбелы. Смотрю по сторонам, дорога почти пустая, глянул на спидометр, сколько проехал, потом поднял голову — вижу, впереди, метрах в ста от меня, человек в форме Корпуса национальной безопасности. Спокойно подъезжаю к нему, и когда он сказал: «Прошу предъявить права»,— я уже давал ему права. Документы были в порядке, но инспектор вдруг сказал:

— Разрешите, товарищ, я должна проверить свет и сигнал.

Обернулся я, и сердце упало куда-то в картер: рядом со мной стояла Мария в форме инспектора с холодной, учтивой улыбкой на лице. Сестрица, я вот вижу — вы улыбаетесь, а мне, говорю честно, в ту минуту было совсем не до смеха. Свет, сигнал, еще кое-какие мелочи — все это она заметила и оптом объявила мне:

— Платите пятьдесят крон штрафа. Вот вам квитанция, и считайте, что вы еще счастливо отделались. Вперед наука, будете содержать машину как следует. Вы же специалист по электрооборудованию!

Я говорю:

— Мария, эти самые пятьдесят крон...

Но она на меня так посмотрела, что я прикусил язык.

А потом меня охватило какое-то непонятное бешенство. Схватил я квитанцию, сунул ее в бумажник и уехал, не попрощавшись. Ехал и скрипел зубами, думал, почему я не бросил на дорогу билеты на «Шехерезаду» и не сказал что-нибудь такое, от чего у нее слезы бы выступили на глазах.

«Хорошо, что тогда, у лесочка, не сказал ей о тормозах»,— подумал я, съезжая с холма от Кбел к Высочанам. Ехал и не заметил, как прямо передо мной появился кузов грузовика. Нажал на тормоза, но они не сработали. Я еще успел прочесть надпись на кузове, а потом у меня потемнело в глазах, что-то хрустнуло в ноге, и очнулся я только здесь, у вас.

Но я, кажется, действительно счастливо отделался. Мама, когда вчера приходила ко мне, сказала, что мотоцикл мой годится только в утиль. А письмо, которое она унесла на почту, было для Марии. Написал ей всю правду. Сказал, конечно, что она была права, рассказал, что ехал от тети, у которой хотел взять чайные розы для нее, для Марии. Но думаю, что это ее не тронет. Знаете, сестрица, когда женщина надевает военную форму, она уже не женщина. Это машина без сердца, гораздо хуже мужчины.

Получилась осечка, сестрица. Такая девушка, прямо Шехерезада,— а на поверку оказалась солдатом.

...Иозеф умолк и с тоской посмотрел на свою сломанную ногу. В палате было тихо, и ему показалось, что на белом потолке, как на экране кадры из кинофильма, проносится весь тот чудесный день у пруда в Леванах. Он даже не заметил, как вышла сестра. Вздохнул тяжело, вынул из-под подушки два билета в третий ряд партера...

Была суббота. Сейчас возвращался бы от тети с розами, потом пошел бы в парикмахерскую... Иозеф вздохнул во второй раз, и в это время в дверь постучали. Вошла сестра:

— К вам посетитель. Можно ему войти?

— Ко мне? Кто?

Сестра улыбнулась.

— Да, к вам. У нее черные глаза и черные волосы. Одета в форму Корпуса национальной безопасности, а в руках букет чайных роз. Так что, пусть войдет?

— Скажите ей,— заикаясь, пробормотал Иозеф, красный от смущения,— скажите, что я ее жду...

Перевел с чешского П. ПРОНИН.

ГЛЯДЯ

Л. НИКУЛИН

Перед тем как оторвать последний листок календаря минувшего года, принято оглянуться назад и вспомнить, чем нас подарил уходящий в прошлое год. На этот раз хочется оглянуться в более давнее прошлое, посмотреть на Москву, отдаленную от нас почти полувеком.

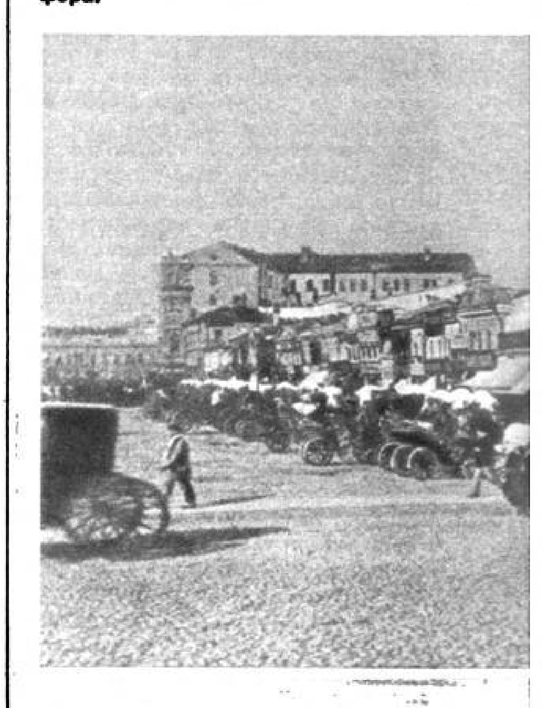
Какие перемены произошли за эти полвека в нашей столице, как изменился ее внешний облик!

Вот перед нами несколько старых фотоснимков, отражающих внешний облик, быт Москвы 40—50 лет назад. Для молодого человека нашего времени это забавные курьезы, для московских старожилов это их молодость. Проходя по преобразившимся магистралям Москвы, очутившись где-нибудь на стадионе «Динамо» или во Внуковском аэропорте, старожил редко вспоминает отдаленное прошлое. Да он почти позабыл, какой вид имела Тверская — ныне улица Горького — до реконструкции, что было на том месте, где сейчас возвышаются Дом Совета Министров СССР и гостиница «Москва»,— улица, которая все еще называется Охотным рядом.

* * *

Но вот московский старожил разглядывает фотоснимок — и перед ним возникает старый Охотный ряд. Двухэтажные и одноэтажные лавки, торгующие снедью. Лепящиеся по фасаду вывески.

Сейчас на этом месте гостиница «Москва», катятся «ЗИСы», «ЗИМы», «Победы», «Москвичи», автобусы, троллейбусы, замирая на месте, когда мигнет красный огонек светофора.



НА ФОТОГРАФИИ...

Еще забавнее картинки старого быта, запечатленные фотографическим аппаратом...

Футбол, так прочно вошедший в быт современной Москвы, был в ту пору на заре своего существования.

На лужайке в Сокольниках происходит футбольный матч, одна команда отличается от другой перевязью через плечо. Поодаль на скамейках сидят дамы, молодые девушки, бородатые господа, три дамы закрывают из скромности лица: им не хочется попасть на снимок в качестве любительниц футбола.

Поэт-фельетонист того времени так описывает «оригинальную» игру — футбол — в «Московской газете»:

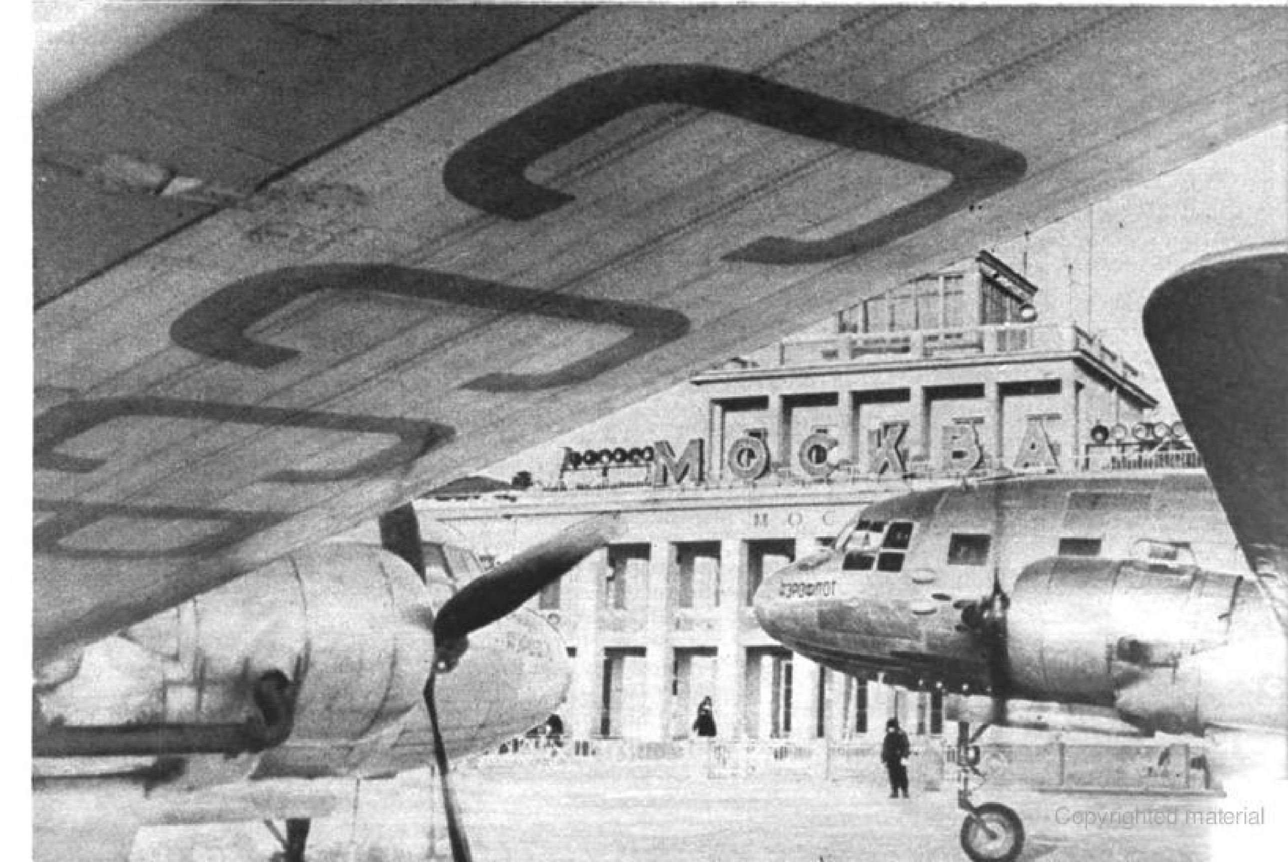
Игрок не без апломба
Лягает мяч ногами,
Момент — и мяч, как бомба,
Сшибает шляпу даме.

Все это покажется нам еще забавнее, если мы вспомним московский стадион «Динамо», десятки тысяч зрителей, международную футбольную товарищескую встречу, которую смотрят по телевизору сотни тысяч людей...

Еще, пожалуй, разительнее фотоснимок, изображающий авиазавод «Дукс» и прадеда нынешних «ИЛов» — аэроплан на велосипедных колесах, сооружение из полотна и фанеры.

Глядишь на снимок и вспоминаешь тут же о воздушных кораблях, поднимающихся с Внуковского аэродрома и улетающих в Прагу, в Новосибирск, в Пекин, на Камчатку...

Великие перемены произошли на нашей земле, в нашей столице. Об этом свидетельствуют выразительные документы — фотоснимки прошлого и нашего времени, особенно когда глядишь на них в канун Нового года, когда подводишь итоги прошлому и глядишь в будущее.



Зима полностью вступила в свои права, и вместе с ней двинулись в путь ее вестники, ее гонцы — конькобежцы.

Мы попросили одного из старейших скороходов страны, чемпиона России 1915 года Якова Федоровича Мельникова, рассказать о конькобежном спорте, предоставив в его распоряжение снимки, сделанные нашими корреспондентами. Так родилось это интервью, или, вернее, фотоинтервью.

Я. МЕЛЬНИКОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото А. Бочинина, Н. Волкова и Ю. Добронравова.

Коньки у нас любят все. Перефразируя стихи Пушкина, можно сказать, что у нас конькам все возрасты покорны.

Кого только не встретишь на катке! Проносятся мимо верные мои друзья — юные скороходы, спешат вдогонку за ними их мамы и папы, а иногда не отстают дедушки и бабушки. Какое смешение лиц и возрастов! Но сейчас всех роднит одно — радость.

Я помню, когда в Москве было всего семь — восемь катков. Теперь их пятьдесят. Скажете, много?

Нет, слишком мало. Откройте еще сто пятьдесят, и они не будут пустовать.

Первое падение! Но ничего: любишь кататься — люби и падать. Пройдет месяц—другой, и мы не узнаем в стремительно несущемся по кругу юном скороходе этого робкого новичка.

Вышел на каток и преподаватель МГУ П. К. Гальдяев. Он начал свой тридцать пятый спортивный сезон. Многие мои сверстники, да и люди постарше продолжают увлекаться конькобежным спортом. Коньки помогают им сохранять силы и бодрость. Встретишь такого «старичка» — щеки так и пылают. «Ты что же, с курорта?» А он отвечает: «Нет, с катка!»

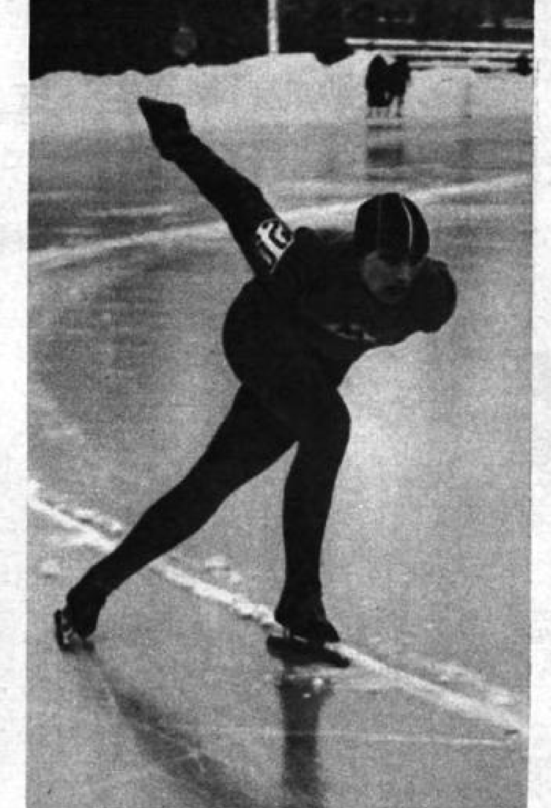
Этот снимок сделан на стадионе «Красное знамя». Студенты-спортсмены П. Беляев, Г. Платонов, В. Гоениш и В. Бунин, уже закончившие тренировку, приветствуют появление на катке своего товарища по конькобежной секции студентку Н. Якимову.

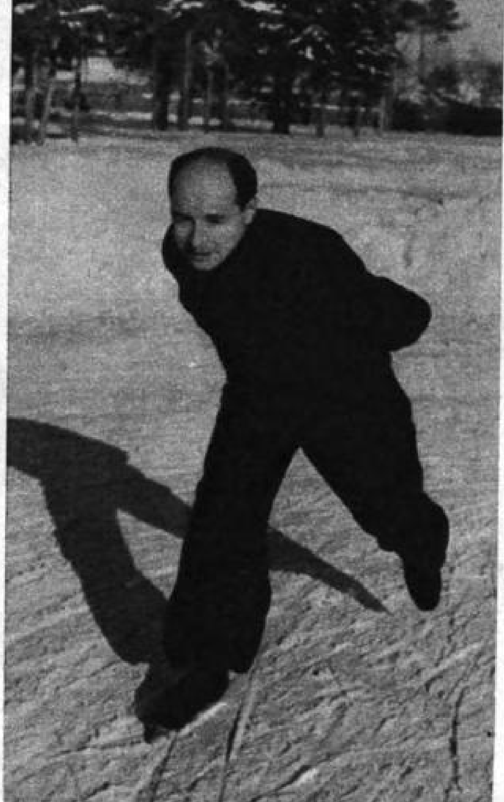
— Ледок сегодня отменный! — говорят они.

Смотрю я на этих студентов и вспоминаю свою молодость. У меня со стадионом «Красное знамя» давняя связь. Еще до революции здесь был каток «Общества физического воспитания». На нем я начал впервые выступать. Это было в 1910 году. А сорок лет, или, вернее, сорок зим, тому назад на ледяной дорожке этого стадиона мне впервые удалось завоевать звание чемпиона страны.

Фигурист — близкий родственник, я бы сказал, «двоюродный брат», скорохода. Почти на каждом катке имеются площадки для любителей фигурного катания. Вот народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский вычерчивает замысловатые вензеля. Немало ролей сыграл на своем веку Игорь Ильинский. Как видите, и в роли фигуриста он чувствует себя прекрасно.

Вот два конькобежца. Оба они члены спортивного общества «Динамо», оба известные мастера. Однако нетрудно заметить, что мировой рекордсмен в беге на 500 метров Юрий Сергеев (слева) явно превосходит в спортивной технике своего одноклубника. Но положение резко изменилось бы при встрече этих динамовцев не на ледяном, а на шахматном поле. Дело в том, что на снимке справа мы видим победителя крупнейших шахматных соревнований, международного гроссмейстера Давида Бронштейна.





А рядом с ними кружится на льду пятилетняя девочка. Это соседство только лишний раз подтверждает наши слова: конькам все возрасты покорны!

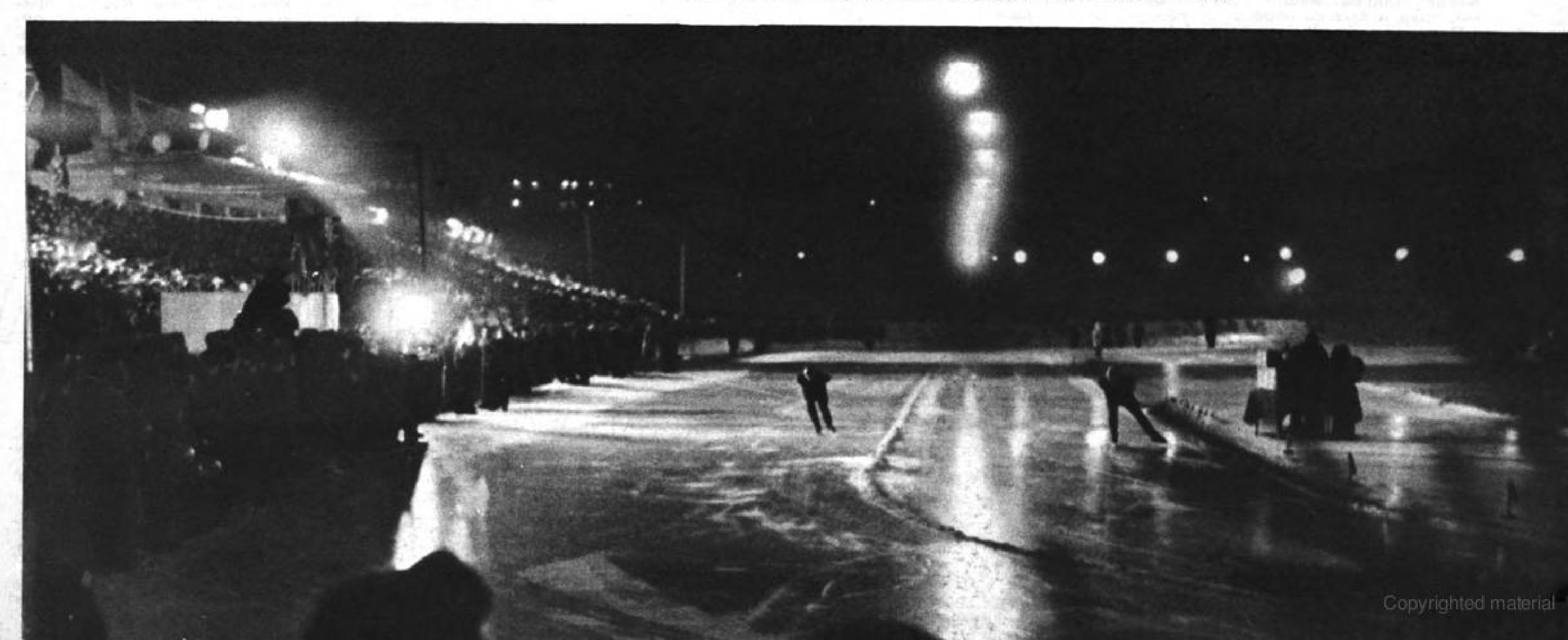
В прошлом сезоне сильнейшие наши скороходы выступали в японском городе Саппоро, на катке швейцарского курорта Давос, на ледяных дорожках Швеции и Норвегии. И везде они добивались выдающихся успехов. Чемпионом мира и Европы стал Борис Шилков, первенство мира среди женщин завоевала Лидия Селихова.

Наши лучшие скороходы готовятся к встречам с сильнейшими конькобежцами других стран. Едва только замерз пруд в Свердловске, он был тут же исчерчен лезвиями коньков. На этом снимке вы видите Лидию Селихову (вторая справа) и Софью Кондакову (первая слева), занявшую на мировом чемпионате третье место. Молодые уральские спортсменки Ида Брынских, Эля Алистратова и Галя Блюменкранц провожают их на старт.

Минувшей зимой были довольны все: и новички, впервые испытавшие свои силы на льду, и молодые спортсмены, укрепившие на тренировках и соревнованиях свое мастерство, и ветераны, не желающие расстаться с коньками, и наши славные мастера, еще раз доказавшие свое превосходство в многочисленных международных встречах.

Пожелаем же им всем и этой зимой успехов и побед!

Перед нами каток на московском стадионе «Динамо» — арена международных соревнований. Матчем Норвегия — СССР начался здесь спортивный сезон 1953/54 года.



Насчет качества...

Волк: — Не хотел бы я быть в «овечьей шкуре».
Рисунок Ю. Федорова.

Современный календарь ведет свое начало от календаря древних римлян. Римские названия месяцев, перенесенные на русскую почву, давно утратили свой первоначальный смысл. Исключая апрель, возникновение названия которого неясно и, возможно, имеет этрусское происхождение, пять месяцев (февраль предположительно) были названы у римлян в честь богов: Януса, Фебра, Марса, Майи и Юноны; четыре обозначались порядковыми номерами — с седьмого по десятый: септембер, октобер, новембер и децембер (следует учесть, что у римлян год начинался с марта). Два месяца носили имена Юлия Цезаря и его преемника императора Августа.

Полную противоположность римскому представлял древний русский месяцеслов, уходящий своими корнями в тысячелетнюю даль. Он отражает природу нашей страны, труд и быт ее народа.

Январь по-древнерусски назывался просинец. Это самый морозный месяц; недаром существует поговорка: «Январь трещит — лед на реке в просинь красит». Вместе с тем в этом месяце намечается перелом: заканчивается глухая пора с низкой сплошной облачностью, в небе открываются синие окна, дольше светит солнце. Февраль — сечень — со своими оттепелями рассекает зиму пополам. В феврале, пока еще деревья спят и движения соков нет, а дни становятся длиннее и теплее, наши предки валили — секли — лес. В марте появляются сухие места среди грязи и снега, и он назывался сухий.

В апреле просыпается береза, обильный сок ее служил в старину напитком. Выпаривая его, получали сладкий сироп, заменявший мед, запасы которого к этому времени кончались. Апрель наши предки называли березозол. Май — травный — приходил с травою, скот получал подножный корм. В июне начинался сенокос, в траве трещали кузнечики, зелеными брызгами разлетались они из-под кос, и этот месяц назывался изок, что значит кузнечик.

Июль, как самый солнечный, красный месяц, пора красных ягод, цветов, созревания первых плодов и хлеба, носил название червен. Август — зарев — разгар полевых работ, уборки урожая. Те, кому хлеба не хватало, сжав, тут же его обмолачивали, зажигая костры, зарево которых стояло над полями. В сентябре в затихшем лесу слышался рев многочисленных тогда оленей и лосей, у которых начинался гон, и этот месяц носил название рюен, от слова «реветь».

Октябрь называли листопад, ноябрь — груден, от «груды», «грудки» — мерзлые колеи на дороге, мерзлая кочковатая грязь. Декабрь — студеный — приносил первые настоящие морозы.

Существуют и иные толкования названий отдельных месяцев, но они не меняют сельскохозяйственного характера древнего русского календаря.

Своей народностью и выразительностью названий наш месяцеслов выгодно отличался от римского. Эти названия или близкие к ним сохранились в ряде славянских языков, например, в современном украинском. Но в украинском календаре, соответственно более мягкому климату, они передвинулись в ту или другую сторону: так січень приходится у украинцев на январь, а листопад — на ноябрь.

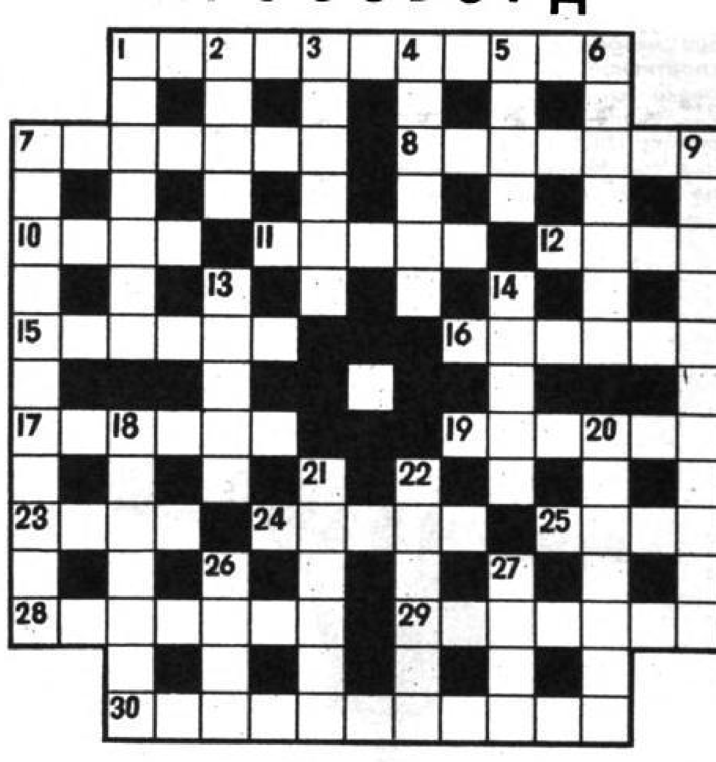
Б. АЛЕКСЕЕВ

Управдом Смекалкин подготовился к зиме.
Рисунок Ю. Черепанова.

... — Вообразите себе, на днях Фифочка согласилась почистить рыбу!
Рисунок А. Зубова.

«Модная шляпка».
Рисунок Ю. Федорова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин из фондов Калининской картинной галереи и три страницы цветных фотографий.



По горизонтали:

1. Воспроизведение. 7. Часть круга. 8. Советский ученый — геолог и географ. 10. Старинный русский город в Орловской области. 11. Дробленая крупа. 12. Персонаж из «Вишневого сада» А. П. Чехова. 15. Бурные рукоплескания. 16. Морское неподвижное животное. 17. Починка. 19. Русский художник. 23. Спортивное состязание. 24. Создатель трехлинейной винтовки. 25. Колющее оружие. 28. Южный фрукт. 29. Государство в Африке. 30. Талон, заменяющий билет.

По вертикали:

1. Опера А. Серова. 2. Большой платок. 3. Степной злак. 4. Рыболовная снасть. 5. Зрелищное предприятие. 6. Персонаж из «Женитьбы» Н. В. Гоголя. 7. Способ записи речи, доклада. 9. Советская писательница. 13. Ягода. 14. Стихотворный размер. 18. Суша. 20. Сосуд для перегонки. 21. Специальность спортсмена. 22. Свидетельство. 26. Народный поэт-певец. 27. Французский композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 51

По горизонтали:

5. Кручковский. 8. Характер. 9. Докучаев. 10. Веста. 12. Шквал. 14. Иваси. 18. Олеандр. 19. Страус. 20. Глагол. 21. Ножовка. 22. Поход. 24. Сталь. 27. Пенал. 28. Микрофон. 29. Синоптик. 30. Селекционер.

По вертикали:

1. Брюква. 2. Окорок. 3. Сводка. 4. Жигули. 6. Палеонтология. 7. Лексикография. 11. Таранто. 13. Власова. 15. Вязанье. 16. Сосна. 17. Орган. 23. Дворец. 25. Туника. 26. Ластик. 27. Пловец.

ЗИМНИЕ СПОРТИВНЫЕ КОСТЮМЫ

Рисунок Т. ЕРЕМИНОЙ.

См. 4-ю стр. обложки

1. Мужской костюм из шерстяного трико. Блуза свободная, прямая, с большими накладными карманами и широкой проймой.

Автор модели П. Пешкин.

2. Женский костюм из плотной шерстяной ткани двух тонов. Куртка прямая, плечи слегка спущены, пройма широкая. Брюки свободные вверху и узкие внизу.

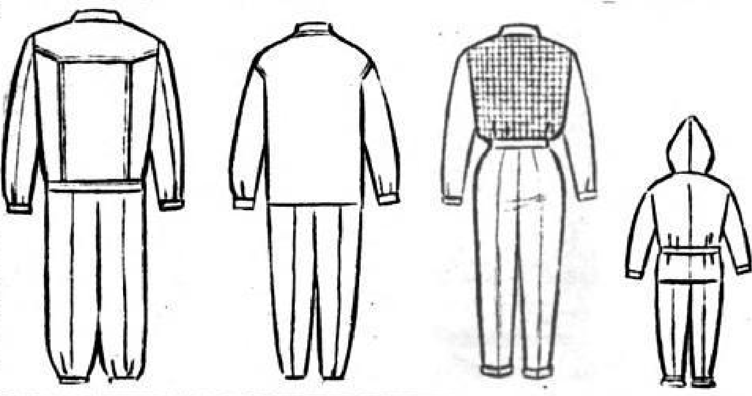
Автор модели Н. Голикова.

3. Костюм для молодой девушки. Куртка скомбинирована из двух тканей, застежка — молния. Брюки узкие с широким манжетом.

Автор модели Н. Шальнова.

4. Детский костюм из плотной полушерстяной или трикотажной ткани ярких или светлых тонов. Куртка прямая, спинка на резинке, рукав-реглан, карманы прорезные, капюшон пришивной на клетчатой подкладке.

Авторы модели В. Аралова и Н. Голикова.



Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 06298. Подп. к печ. 21/XII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 1051. Заказ 3521. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды». 24.

ВЕСЕЛОЕ КАТАНЬЕ.
Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.